
Russkaya Starina

Has been issued since 2010.
ISSN 2313-402X, E-ISSN 2409-2118
2017. 8(2). Issued 2 times a year

EDITORIAL STAFF

Dr Krinko Evgeny – Institute for Social and Economic Research and Humanities of the Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don, Russian Federation (Editor in Chief)

PhD Shadrina Alla – Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don, Russian Federation (Assistant Editor)

PhD Vlaskina Nina – Institute for Social and Economic Research and Humanities of the Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don, Russian Federation

Grom Oleg – Institute for Social and Economic Research and Humanities of the Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don, Russian Federation

PhD Ivantsov Vladimir – Sochi State University, Sochi, Russian Federation

EDITORIAL BOARD

Dr Degtyarev Sergey – Sumy State University, Sumy, Ukraine

PhD Dobrovolskaya Varvara – State Republican Center of Russian Folklore, Moscow, Russian Federation

Dr Dzhandzhugazova Elena – Russian State University of Tourism and Service, Moscow, Russian Federation

Dr Menkovsky Vyacheslav – Belarusian State University, Minsk, Belarus

Dr Pushkareva Natalia – Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Dr Redkina Olga – Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Dr Salnikova Alla – Kazan Federal University, Kazan, Russian Federation

Dr Tyumentsev Igor – Volgograd Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Volgograd, Russian Federation

Journal is indexed by: **Cite Factor** (Canada), **CrossRef** (USA), **Electronic Scientific Library** (Russia), **ERIH PLUS** (Norway), **Information Matrix for the Analysis of Journals** (Spain), **Journal Index** (USA), **Open Academic Journals Index** (Russia), **ResearchBib** (Japan), **Scientific Indexing Services** (USA), **Sherpa Romeo** (Spain).

All manuscripts are peer reviewed by experts in the respective field. Authors of the manuscripts bear responsibility for their content, credibility and reliability.

Editorial board doesn't expect the manuscripts' authors to always agree with its opinion.

Postal Address: 1367/4, Stara Vajnorska str., Bratislava – Nove Mesto, Slovakia, 831 04

Release date 22.12.2017.
Format 21 × 29,7.

Website: <http://ejournal15.com/>
E-mail: sochio03@rambler.ru

Typeface Georgia.

Founder and Editor: Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Order № 22

© Russkaya Starina, 2017

Russkaya Starina

2017

Is. 2

Издается с 2010 г.
ISSN 2313-402X, E-ISSN 2409-2118
2017. 8(2). Выходит 2 раза в год

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Кринко Евгений – Институт социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра РАН, Ростов-на-Дону, Российская Федерация (главный редактор)
Шадрина Алла – Южный научный центр РАН, Ростов-на-Дону, Российская Федерация (заместитель главного редактора)
Власкина Нина – Институт социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра РАН, Ростов-на-Дону, Российская Федерация
Гром Олег – Институт социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра РАН, Ростов-на-Дону, Российская Федерация
Иванцов Владимир – Сочинский государственный университет, Сочи, Российская Федерация

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Дегтярев Сергей – Сумский государственный университет, Сумы, Украина
Джангугазова Елена – Российский государственный университет туризма и сервиса, Москва, Российская Федерация
Добровольская Варвара – Государственный республиканский центр русского фольклора, Москва, Российская Федерация
Меньковский Вячеслав – Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь
Пушкарева Наталья – Институт этнологии и антропологии РАН, Москва, Российская Федерация
Редькина Ольга – Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация
Сальникова Алла – Казанский федеральный университет, Казань, Российская Федерация
Тюменцев Игорь – Волгоградский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Волгоград, Российская Федерация

Журнал индексируется в **Cite Factor** (Canada), **CrossRef** (США), **ERIH PLUS** (Норвегия), **Information Matrix for the Analysis of Journals** (Испания), **Journal Index** (США), **Open Academic Journals Index** (Россия), **ResearchBib** (Япония), **Scientific Indexing Services** (США), **Sherpa Romeo** (Испания), **РИНЦ** (Россия).

Статьи, поступившие в редакцию, рецензируются. За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы публикаций.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.

2017

Is. **2**

Адрес редакции: 831 04, Словакия,
г. Братислава, Нове Место, ул. Стара
Вайнорска, 1367/4

Дата выпуска 22.12.2017.
Формат 21 × 29,7

Сайт журнала: <http://ejournal15.com/>
E-mail: sochio03@rambler.ru

Гарнитура Georgia.

Учредитель и издатель: Academic Publishing
House Researcher s.r.o.

Заказ № 22

© Русская старина, 2017

CONTENTS

Articles

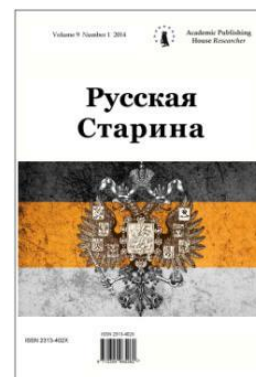
«I love wholeheartedly – I gift a pouch for perpetuity»: decorative, informative and magical functions of letters on everyday objects V.E. Dobrovolskaya	108
Memoirs of I.V. Dobrovolsky as a historical source for Votkinsk shipbuilding N.W. Mitiukov	122
Family Group on the End of the Empire: Gorinovs from Khutor Bokov. Part 1 T.Yu. Vlaskina	143
The Memorialization of the Events and Participants of the Revolution and the Civil War in the South of Russia E.F. Krinko	154
Love in war. Women and Men in the Red Army (On Pages of Letters and Diaries of Soviet Jews of 1941–1945). Part 1 L.L. Smilovitsky	173
The Afghan War (1979–1989) in all-Russian and Regional Assessments D.D. Chelpanova	186
Season Migrations of Souls in Natural and Domestic Areas as Mythological Background of Calendar Remembrance Rites M.A. Andrunina	196

Copyright © 2017 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Slovak Republic
 Russkaya Starina
 Has been issued since 2010.
 ISSN: 2313-402x
 E-ISSN: 2409-2118
 2017, 8(2): 108-121

DOI: 10.13187/rs.2017.2.108
www.ejournal15.com

Articles

UDC 392

«I love from the Bottom of my Heart – I Gift a Pouch Forever»: Decorative, Informative and Magical Functions of Letters on Home Objects

Varvara E. Dobrovolskaya ^{a,*}

^a State Center of Russian Folklore associated to Cultural strategies and project management center of the Ministry of Culture of the Russian Federation, Russian Federation

Abstract

The article discusses the function of the inscriptions on various objects in the traditional culture. Such inscriptions were attached by importance and were not a part of the decoration. In this case, they often were placed on the back side of the object. In some cases, they became a part of the ornament, and then their content was usually enlarged. The inscription could be a commentary on some image, sometimes complementing it, explaining what was going on, but in some cases the inscription changed the meaning of the portrayed events. Things “with the words” became fashionable and popular, and in some cases played the role of “propaganda”. But at the same time the inscription was interpreted as having large magical sense. It was thought that it may ruin or to protect its owner, to conserve one’s feelings, etc. Finally, the inscription on the things might remind you of some person, thus being a kind of monument to him.

Keywords: inscriptions on objects of folk art, magic function of the inscriptions, embroidery, towels, pouch.

1. Введение

Исследований, посвященных декорированию бытовых предметов, необычайно много. К этой теме обращались В.В. Стасов, С.Н. Шаховская, Е.Н. Плетнева, Г.С. Маслова, Н.Н. Соболев и многие другие (Стасов, 1872; Шаховская, 1885; Плетнева, 1924; Маслова, 1951; Маслова, 1972; Маслова, 1975; Маслова, 1978; Соболев, 1948). Искусствоведы и культурологи писали и пишут о том, что русский орнамент является уникальным, что на протяжении веков он видоизменялся, трансформировался, но всегда поражал красотой линий и красок. Довольно часто в научной литературе можно встретить утверждение, что узоры, нанесенные на предмет, являются определенными символами и несут информацию об основах мироздания (Динцес, 1941; Динцес, 1946; Динцес, 1947; Динцес, 1948; Динцес, 1976; Богуславская, 1964; Амброз, 1966; Амброз, 1965; Фалеева, 1973; Дурасов, 1978;

* Corresponding author

E-mail address: dobrovolska@inbox.ru (V.E. Dobrovolskaya)

Даркевич, 1960; Малицкий, 1923). Безусловно, основным предметом исследования являются геометрические, растительные, зоо- и орнитоморфные орнаменты (Шангина, 1975; Мазалецкая, 1997).

2. Материалы и методы

Материалом для данного исследования послужили специальная научная литература, публикации в периодических и в отдельных изданиях дореволюционного периода и настоящего времени, архивные собрания, предметы из частных и музейных коллекций, материалы из электронных публикаций и т.д. Методика исследования основана на комплексном подходе к изучению предметов декоративно-прикладного искусства, содержащих буквы или надписи. Исследовательским инструментарием в статье стали методы конкретно-исторического, художественно-стилистического, сравнительного и системного анализа. К описанию объектов исследования применен комплексный подход, поэтому в работе задействован материал смежных дисциплин: искусствоведения, фольклористики, этнографии и антропологии.

3. Обсуждение и результаты

В середине XIX в. на многих предметах быта стали появляться не только цветы, животные или жанровые сцены, но и буквы, а иногда и целые фразы. В ряде случаев они были частью орнамента, на ряде предметов играли роль владельческих записей. Так, например, на прялках буквы могли указывать на имя владелицы. Причем если это была фамильная вещь, и ее передавали по наследству, то добавляли новые буквы. Иногда здесь появлялись и цифры, указывающие на год изготовления прялки. Такие же надписи встречаются на чесалке¹, рубеле², дуге³, набойной скатерти и других бытовых предметах. Иногда фамилия пишется полностью, иногда частично сокращается, иногда добавляется слово «Сия» или «Сей», например «Сия дуга дере[вни] Дерягина кре[стьянина] Митрея Еграфова 1878, года» (Мазалецкая, 1997: 134).

Иногда надписи бывают более развернутые: «Делал сей валець 4дворовый человекъ Кириль Афанасьевъ 1823 года июля 1 числа куме Федосье Лаврентьевой» или «Сию пряслицу работал крестьянин деревни Дуб <...> Степан Оглоблин 1890 декабря 29 дня» (Мазалецкая, 1997: 132). Исследований, посвященных подобным надписям, не очень много. Наиболее показательной в этом отношении является статья В.А. Мазалецкой (Мазалецкая, 1997) и каталог «Пояса со словесами», подготовленный Н.М. Калашниковой (Калашникова, 2014).

Несмотря на то, что надписи могли появляться внутри орнаментированного пространства, они в большинстве своем не являлись частью орнамента и носили чисто информативный характер. Хотя между буквами могли быть нарисованы растительные элементы, надпись не являлась элементом декора и, тем более, не несла символической или магической нагрузки.

Несколько иное значение имели надписи, которые объясняли, что изображено на предмете. В этом случае они уже были частью изображения. Чаще всего, такие надписи встречаются на полотенцах и в определенной степени иллюстрируют содержание вышивки. Одной из наиболее популярных вышитых надписей является широко известная строчка «Восемь девок один я, куда девки туда я». Возможно несколько вариантов использования этой надписи. Традиционные орнаменты, вышитые на полотенце, сопровождаются надписью, которая их как бы объясняет (Рис. 1, 2).

¹ Приспособление для расчесывания льна или шерсти в форме гребня или щетки

² Предмет домашнего быта, который использовали для стирки и глаженья белья в форме доски с поперечными вырубленными желобками и ручкой на одном из концов.

³ Часть конской упряжи, изготовленной из тонкого ствола дерева, с помощью которой оглобли крепятся к хомуту.

⁴ Деревянная слегка изогнутая прямоугольная пластина с рукояткой, используется для выколачивания белья.

Рис. 1. Фрагмент полотенца (Русский традиционный костюм, 12.06.2016).

Рис. 2. Фрагмент полотенца (Русский традиционный костюм, 4.11.2017).

Есть более поздние вышивки, в которых надпись является органичной составляющей изображения (Рис. 3, 4).

Рис. 3. Фрагмент рушника крестной, достался от бабушки крестной как приданое (Русский традиционный костюм, 4.11.2017).

Рис. 4. Фрагмент рушника из собрания Брянского областного художественного музейно-выставочного центра (Русский традиционный костюм, 15.11.2017).

На вышивках, в которых используются старые образы, вышитая надпись как бы объясняет, что именно мы видим на полотенце и апеллирует к сюжетному фонду фольклора. Поскольку текст про восемь девок взят из популярной песни «Вдоль да по речке, вдоль да по Казанке», то у читателя фигурки девушек на полотенце должны вызвать ассоциации с выбором, о котором идет речь в песне. Отметим, что вышивальщицы не стали использовать первую строчку куплета «Три деревни, два села» и добавили отсутствующие в песне слова «Куда девки – туда я». Мужской фигуры на полотенцах со старой вышивкой

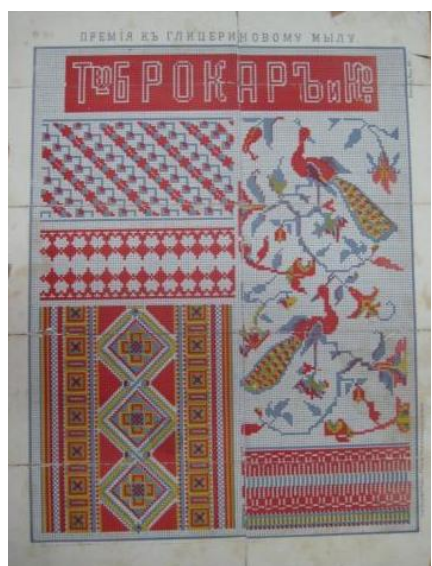
обычно нет. В более поздних вышивках девушки обычно окружают парня. Надо отметить, что рисунок на поздних вышивках различается преимущественно цветами ниток, техникой (крестик или гладь) и размерами (более сжатое или более растянутое изображение), что наводит на мысль о том, что существовали и были широко распространены схемы данной вышивки. Бывают случаи, когда известную вышивку сопровождают другие слова. Так, вместо привычной надписи: «Восемь девок один я» появляется другая: «Собирайтесь девки красны в хороводъ» (Рис. 5). Хотя в вышивках и с той, и с другой надписью явно используется одна и та же схема.

Для цветочных орнаментов источник схем известен – это, прежде всего, вкладыши в парфюмерную продукцию. Широко известна рекламная компания фирмы Брокар, но такие же вкладыши в мыло делали фирмы Самуила Чепелевца «С.И. Чепелевский и сыновья» и «А. Ралле и К».

Рис. 5. Фрагмент рушника из личного собрания. Приданое. (Русский традиционный костюм, 4.11.2017).

Рис. 6. Схема для вышивания, вложенная в мыло фабрики «А. Ралле и К». приданое (Старинные схемы для вышивания, 15.11.2017).

Рис. 7–8. Схемы для вышивки, вложенные в мыло фабрик «С.И. Чепелевский и сыновья» (NewAuction. Торговая площадка, 1.11.2017) и «Товарищество Брокар и К» (Старинные схемы для вышивания, 15.11.2017).

Схемы вышивок прилагались к журналу «Родина» и журналу «Нива», выходили альбомы со схемами, самым известным и доступным из которых был «Великорусские и Малороссийские узоры для вышивания», первое издание которого увидело свет в 1877 г. (Великорусские и Малороссийские узоры, 1877). Другим очень популярным альбомом со схемами вышивок была книга К. Долматова «Русские пословиц и поговорки, наиболее подходящие для украшения салфеток, скатертей, полотенец, русских и малороссийских нарядов...» (Русские пословицы и поговорки, 1882).

Буквенные схемы в данных источниках встречаются довольно часто, а вот сюжетные картинки крайне редки. Среди них есть и такие, которые прямо на схемах сопровождаются подписями. Например, схема, девушки с прялкой, которая сопровождается подписью: «Пряди, моя пряжа, пряди не ленися» или другая схема, изображающая торговца галантерейным товаром, с подписью «Эй, молодицы, тетушки, сестрицы, красные девицы. Платочки пестры, шнурки, тесемки, духи, помада, есть чего надо!» (Рис. 9). Но вышивок на подобные схемы в нашем распоряжении нет, хотя нельзя исключать, что в свое время кто-нибудь вышивал подобные сюжеты.

Рис. 9. Схемы вышивок с подписями (LiveInternet. Старинная вышивка крестом, 15.11.2017).

Нам удалось найти только одну сюжетную схему, которая нашла воплощение в вышивке. На схеме изображен моряк и сидящая девушка. Художник, разработавший схему, сделал своеобразную стилизацию. Наряд девушки должен свидетельствовать о том, что она итальянка. Красавица оставила коромысло и ведра с водой, заслушавшись бравого моряка. Схема была напечатана в сборнике «Великорусские и Малороссийские узоры для вышивания» в 1877 г. (Великорусские и Малороссийские узоры, 1877: 23). В схему включена надпись – «В чужой стране» (Рис. 10).

Рис. 10. Схема вышивки «В чужой стране» (Великорусские и Малороссийские узоры, 1877: 23)

Вышивка, которая хранится в селе Вязовое Сумской области Украины, судя по дате сделана в 1942 г. (Рис. 11). Ее владелица утверждает, что это полотенец ее бабушки, которое скопировано с более раннего полотенца тетки. Несмотря на то, что рисунок практически полностью совпадает со схемой, там появляются дополнительные элементы, свойственные традиционным вышивкам: внизу лента растительного орнамента, наверху отдельные цветы, птица на ветке, инициал «К.», что соответствует фамилии вышивальщицы – Крысова (Кочан), и заключенный в стилизованную рамку год – «1942» и буква «р», что соответствует украинскому слову «рок». Однако надпись на вышивке изменилась до неузнаваемости. Вместо «В чужой стране» мастерица вышила куплет песни: «Не послухала вона матері совіта, поїхала з моряком в край білого світа». Эта строчка полностью изменила смысл изображения. И вместо некой истории о том, как в чужой стране моряк познакомился с девушкой и рассказал ей о своей родине, получился жестокий романс с трагическим финалом, где девушка с ребенком бросилась в море, а моряк приобрел демонические черты, поскольку в продолжении широко распространенного текста моряк изображается роковым любовником:

По морям и по волнам
Труп ее несется
А матрос на корабле
Едет и смеется...

В настоящее время мы чаще всего не знаем, что послужило основой для вышивки. Рассмотрим другой конец рассмотренного выше рушника. На нем изображена девушка, стоящая у ограды и провожающая парня. Изображение сопровождается надписью «Як серденько мое беться пішовъ мій Гриць до Китая, може й не вернется!». Над текстом вшита птица, «1942» и монограмма «А» (Рис. 12). Аналогичный рушник хранится в Музее народного быта поселка Приволжский Кимрского района Тверской области, причем на полотенце имеется такая же монограмма «А».

Рис. 11–12. Вышивка из села Вязовое Сумской области, Украина (личная коллекция М.В. Крысовой). Работа А.С. Крысовой (в девичестве Кочан), 1922 г.р.

В Новочеркасском музее истории донского казачества есть рушник с аналогичным изображением. Однако помимо описанного выше сюжета, на другом конце рушника есть еще одно изображение. На нем девушка выглядывает из избы и смотрит на парня, который идет к дому, все это сопровождается надписью: «Це идэ мой Грицко». Однако мотив «встречи» на другом конце рушника превращается в мотив «разлуки». В центре композиции – изгородь, у которой женщина провожает уходящего казака, и внизу надпись, уравнивающая композицию: «Як сердэнько мое б'ється пійшовъ мій Гриць до Китаю, може и нэ вэзнэтся!». Над текстом вышита красными нитками изысканная буквенная монограмма – «М.К.», обогащенная растительными элементами. В этом случае изображение синонимично тверскому полотенцу. В Азовском историко-археологическом и палеонтологическом музее-заповеднике хранится рушник, где вышита только сцена расставания. Текст, полностью лишенный цезур, воспринимается своеобразной элонгатурой, продолжением, декоративной эпиграфикой. Наконец, в Никопольском государственном краеведческом музее имеется рушник 1904 г. с аналогичной вышивкой: «Як сердэнько мое б'ється. Пішов мій Гриць до Китаю, може, й не вернетэя!». Он вышивался в период Русско-японской войны 1904–1905 гг. и был своеобразным результатом официальной пропаганды.

Есть еще ряд рушников, на которых вышит данный сюжет, но эпиграфика отсутствует. Связь этих рушников с украинской традицией очевидна, тексты с большей или меньшей точностью соответствуют нормам украинского языка. Однако хотя большинство полотенец украинского или южнорусского происхождения, зафиксированы несколько вариантов с аналогичной надписью и на северных и северо-западных территориях. К ним относится полотенце из Кимрского района Тверской области. Его хозяйка утверждала, что полотенце вышила ее бабушка, здешняя уроженка. Она была неграмотной, а надпись скопировала у

подруги, тоже местной, у которой было полотенца с таким же рисунком и надписью. Из этого следует, что в Тверской области было, по крайней мере, еще одно полотенце с подобной надписью.

Вероятно, все эти полотенца восходят к одному источнику. И, скорее всего, этим источником были лубочные картинки или агитационные материалы. Необходимо отметить, что украинские лубочные картинки фиксировались повсеместно на русских территориях. А.М. Яковлева в своей работе «Кич и художественная культура» приводит следующий пример такой распространенности украинского лубка: «Священник, обходя дома своих прихожан (Нарымский край, 1908 г.) и заметив в красном углу лубок, иллюстрирующий украинскую песню “Била жинка мужика, за чуприну взявши”, поинтересовался происхождением сей “икона”. Хозяин, огорчившись, объяснил, что купил лубок у заезжего купца; последний уверял, что “икона” изображает усекновение главы Иоанна Крестителя» (Яковлева, 1990: 87).

Сюжетные картинки для вышивки брались из разных источников. Их этническое происхождение в определенной степени было неинтересно пользователям. Для определенной группы мастериц-вышивальщиц надпись объясняла изображение, но широкое распространение образцов для копирования приводило к тому, что даже неграмотные люди вышивая, копировали не только сценку, но и сопровождающие ее буквы. Именно этим объясняется большое количество полотенцев с грамматическими ошибками, зеркально перевернутыми буквами и и.п. Чаще всего переворачивали букву «И», но в ряде случаев неопытная мастерица могла перевернуть и всю надпись, если, например, работала не с образцом, вышитым грамотным человеком, а со сколком схемы.

Умение мастерицы вышивать буквы в определенной степени поднимало ее до уровня носителя городской культуры. Она делала нечто модное. Именно поэтому к концу XIX в. появляется множество вышитых изделий, на которых изображение сопровождается надписью. Однако именно с надписями, и особенно с зеркально вышитыми буквенными изображениями, возникает ситуация, когда становится понятно, что вышитые слова были не только данью моде, но и имели магические функции. О том, что буквам и надписям в традиционной культуре приписывалась особая магическая функция, писали многие. Наиболее подробная библиография по данному вопросу приведена в работах В.Е. Добровольской (Добровольская, 2009; Добровольская, 2011; Добровольская, 2013). Магическая функция написанного особенно ярко проявляется не в сюжетных вышивках, а в предметах, вступающих как подарок (как вшитых, так и сделанных в других техниках). Так, на форумах группы ВКонтакте «Русский традиционный костюм», приведен рассказ о том, как собиратели в с. Овстуг попросили женщин одеть костюмы своей деревни, и одна из них появилась в фартуке с зеркальной надписью: «На празднике в с. Овстуг появилась девушка в похожем переднике с надписью. Но надпись состояла из слов «вриловна баришняя», вышитых наоборот (как в зеркале). Местные бабушки, увидев передник, стали испуганно перешептываться, но ничего не объясняли, и даже старались отойти подальше» (Русский традиционный костюм). Участники группы считают, что оригинальная надпись, которая должна была быть на этом переднике «Аксенья Гавриловна барышня Пузанова. Кто нашьет еще такъ заплачу таму питаць вот ан так». Фотография оригинального фартука с надписью приведена в книге Н.Б. Козловской «Традиционный народный костюм Брянской области» (Козловская, 1998: 138). Участники обсуждения отмечают, что местные жители сочли данную надпись опасной. И это не случайно. Если вспомнить, какую роль играет зеркало в традиционной культуре, какое значение имеют перевернутые изображения в магических практиках, то понятно, что неправильная надпись, вероятно, рассматривалась как магическая и вредоносная.

Однако значительно чаще надписи на предметах рассматриваются не как опасные, а как обережные. Это видно на той группе надписей, которые осознаются как дарственные, сделанные на память о человеке. Здесь выделяются тексты, которые представляют собой молитву, или обращения к Богу, Богородице и святым. Так, на поясах довольно часто писали следующее: «Все упования мы на тя возлагаю, мати божия сохрани мы под кровом твоим». Иногда надпись, или просто буквы указывают на защиту человека Богом. В этом случае на рубахах появляются надписи типа «Раб божий, Спаси и сохрани, Р.Б. и СП», и т.п. Иногда надпись имеет просто нравоучительный характер: «Жизнь дана на добрые дела»,

но обережную функцию выполняли сами буквы: «Эти фартук у нас беременные только носили, дите защищали, чтоб не сглазили» (Архив ГРЦ РФ, Иванова, 2012). Аналогичные функции приписывались буквам в целом. Так, многие рассказывали, что когда после смерти человека в доме начинает стучать и казаться, то многие берут в руки тетради с духовными стихами и не только читают их, но и просто носят при себе, считая, что письменный текст защищает человека. В традиционной культуре довольно часто как оберег используются тексты религиозного содержания, прежде всего, молитва «Живые помощи»¹, которую покупают в церкви, или переписывают от руки. Но несколько раз встречалось упоминание о том, что для защиты использовали любой письменный текст, включая детские прописи (Добровольская, 2011: 65–66).

Иногда надпись была памятью о человеке, подарившем вещь. Такие надписи чаще всего появляются на прялках и служат либо памятью об отце, подарившем дочери первую прялку, либо о годах девичества и памяти об ухаживаниях будущего мужа, поскольку прялка мог дарить и жених. Но существенно чаще надпись выполняла не только функцию напоминания о человеке, но и должна была поддерживать эту любовь: «Кого люблю, того дарю», «Люблю сердечно, дарю навечно», «Носи – не утерай, люби – не забывай». Иногда, надписи были более пространные «Радость ты моя, а я навек твоя, и ты милой мой будь, и меня не забудь. Другу не люби, меня в печаль не приводи». Эти и подобные им надписи в массовом порядке вышивали на полотенцах, платках и других вещах, выступавших в традиционной культуре как дары.

Особую роль играли кисеты с надписями. В народной культуре вышитый кисет – это особая вещь. Прежде всего, это некий знак, что у владельца кисета есть любимая девушка. В рассказе И.А. Бунина «Деревня» есть следующий эпизод: «Дениска подал ему кисет <...> Тихон Ильич вслух прочел: «Каво люблю тово дарю, люблю сердечно дарю кисет навечно» <...> Значит уже краля какая-то есть» (Бунин, 1921: 12). Кисет не делали из новой ткани, только из носильных вещей дарительницы. И это совсем не связано с бедностью и отсутствием тканей. Важно было, что материал кисета соприкасался с дарителем, объединяя его и человека, который становился владельцем кисета. У Овидия Горчакова в романе «Далеко по ту сторону фронта» (Горчаков, 2015) в сцене ухода партизан из деревни описывается, как женщины одаривали их кисетами. Нала дарит Александру Васильевичу кисет, сшитый из блузки, а Тоня вручает Хроменко кисет из синей косынки с белыми цветочками. И та, и другая вещь считаются самыми нарядными и дорогими в гардеробе девушек.

Если люди курили, то кисеты у них и так были. Подарок был важен именно потому, что на нем делали вышивку, так как верили, что вышитая вещь защитит и чувства людей («Люблю сердечно – дарю кисет навечно» / «В бою, в огне помни обо мне» / «Милый хороший родной» / «Знай, что сердцем я с тобою и горжусь, что ты в бою»), и защитит владельца («Ждем тебя с победой» / «Вернись с победой» / «Мы тебя ждем»). Однако в Великую Отечественную войну в надписях появился и элемент пропаганды: «Убил гада – закурить надо».

4. Выводы

Как видно из приведенных примеров, надписям на вещах придавалось большое значение. Они могли играть роль владельческих записей и не являться частью художественного оформления вещи. В этом случае они чаще всего ставились на задней части изделия и представляли собой сокращенные буквенные обозначения. Постепенно такие надписи становились частью орнамента, расширялось их содержание. Другой тип надписей – это комментарии к изображению. Они дополняют изображение, объясняют смысл происходящего. Иногда надпись меняет смысл изображаемых событий на более близкий и понятный владельцу вещи. Надписи копируются как с печатной продукции, так и с других вещей. Их статус неуклонно повышается. Вещи «со словами» становятся модными и востребованными. В ряде случаев они становятся некоей «пропагандистской» продукцией, апеллирующей к историческим событиям и их роли в судьбе мастера, изготовившего вещь. Надписи придавался большой магический смысл. Считалось, что она может испортить, или,

¹ «Живые помощи» – псалом 90 «Живый в помощи Вышняго».

чаще, защитить своего владельца. Кроме того, надписям приписывалась сила сохранять чувства людей. Наконец, надпись на вещи могла напоминать о человеке, быть своеобразным памятником ему.

Литература

Амброз, 1966 – Амброз А.К. О символике русской крестьянской вышивки архаического типа // *Советская археология*. 1966. № 1. С. 61–76.

Амброз, 1965 – Амброз А.К. Раннеземледельческий культовый символ «ромб с крючками» // *Советская археология*. 1965. № 3. С. 14–27.

Архив ГРЦ РФ, Иванова, 2012 – Архив Государственного республиканского центра русского фольклора. Респондент Анна Федоровна Иванова, 1931 г.р. Интервьюер В.Е. Добровольская. Поселок Спиридово Тверской области, 4 июля 2012 г.

Богуславская, 1964 – Богуславская И.Я. О трансформации орнаментальных мотивов, связанных с древней мифологией в русской народной вышивке. М.: Наука, 1964. 213 с.

Бунин, 1921 – Бунин А.И. Деревня. Суходол. Париж: Русская земля, 1921. 368 с.

Великорусские и Малороссийские узоры, 1877 – Великорусские и Малороссийские узоры для вышивания. СПб.: Типография и Хромолитография А. Траншеля, 1877. 42 с.

Горчаков, 2015 – Горчаков О.А. Далеко по ту сторону фронта. М.: Олма Медиа Групп. 2015. 400 с.

Динцес, 1941 – Динцес Л.А. Историческая общность русского и украинского народного искусства // *Советская этнография*. 1941. № 5. С. 21–58.

Динцес, 1946 – Динцес Л.А. Восточные мотивы в русском народном искусстве Новгородского края // *Советская этнография*. 1946. № 3. С. 93–112.

Динцес, 1947 – Динцес Л.А. Дохристианские храмы Руси в свете памятников народного искусства // *Советская этнография*. 1947. № 2. С. 67–94.

Динцес, 1948 – Динцес Л.А. Изображение змеборца в русском народном шитье // *Советская этнография*. 1948. № 4. С. 36–53.

Даркевич, 1960 – Даркевич В. Символы небесных светил в орнаменте Древней Руси // *Советская археология*. 1960. № 4. С. 56–67.

Динцес, 1976 – Динцес Л.А. О методе изучения и планирования экспозиции народного искусства в Государственном Русском музее // *Сообщения Государственного Русского Музея*. 1976. Вып. XI. С. 181–189.

Добровольская, 2009 – Добровольская В.Е. Прескрипции, регулирующие заговорно-заклинательную практику (На материале Владимирской и Ярославской областей) // *Традиционная культура*. 2009. № 1. С. 39–51.

Добровольская, 2011 – Добровольская В.Е. Запреты и предписания, связанные с хранением и использованием рукописных тетрадей (на материалах Владимирской области) // *Традиционная культура*. 2011. № 2. С. 58–70.

Добровольская, 2013 – Добровольская В.Е. Письмо в фольклоре: правила обращения с письмами в традиционной культуре центральной России // *Kulturas studijas / Cultural Studies. Vestule Literatura un Kultura / Letter in Literature and Culture*. Daugavpils Universitates. 2013. С. 107–114.

Дурасов, 1978 – Дурасов Г.П. Каргопольские народные вышивки-месяцесловы // *Советская этнография*. 1978. С. 139–148.

Калашникова, 2014 – Калашникова Н.М. «Пояса со словесами». Коллекция поясов из собрания Российского этнографического музея. СПб.: Северный паломник, 2014. 262 с.

Козловская, 1998 – Козловская Н.Б. Традиционный народный костюм Брянской области. Брянск: Ваш шанс, 1998. 23 с.

Личная коллекция М.В. Крысовой – Личная коллекция М.В. Крысовой.

Мазалецкая, 1997 – Мазалецкая В.А. Надписи на произведениях народного искусства из собрания Кирилло-Белозерского историко-архитектурного и художественного музея-заповедника // *Краеведческий альманах «Кириллов»*. Вып. 2. Вологда: Русь, 1997. С. 130–142.

Малицкий, 1923 – Малицкий Г.А. Бытовые мотивы и сюжеты народного искусства: в росписи и резьбе. Казань: Татгосиздат, 1923. 43 с.

Маслова, 1951 – *Маслова Г.С.* Народный орнамент верхневолжских карелов. М.: Издание Академии наук, 1951. 158 с.

Маслова, 1972 – *Маслова Г.С.* Северодвинская золотошвейная вышивка // Сборник Музея антропологии и этнографии. Т. XXVIII. СПб: Наука, 1972. С. 32–61.

Маслова, 1975 – *Маслова Г.С.* Орнамент русской народной вышивки как исторический источник // *Советская этнография*. 1975. № 3. С. 34–44.

Маслова, 1978 – *Маслова Г.С.* Орнамент русской народной вышивки как историко-этнографический источник. М.: Наука, 1978. 207 с.

Плетнева, 1924 – *Плетнева Е.Н.* Символика народных украс Смоленского края. Смоленск: Издание государственных музеев и ГУБОНО, 1924. 129 с.

Русские пословицы и поговорки, 1882 – Русские пословицы и поговорки, наиболее подходящие для украшения салфеток, скатертей, полотенец, русских и малороссийских нарядов, посуды и проч. Изд. 2-е. СПб: Типография (бывшая) А.М. Котомина и К°, 1882. 98 с.

Русский традиционный костюм, 2016–2017 – Русский традиционный костюм. URL: https://vk.com/trad_costume (даты обращения: 12.06.2016); https://vk.com/topic-4367359_20286022 (дата обращения: 4.11.2017); https://vk.com/photo-4367359_277461026 (дата обращения: 4.11.2017); https://vk.com/photo-4367359_261522422 (дата обращения: 4.11.2017); https://vk.com/photo-4367359_142574757 (дата обращения: 15.11.2017).

Симакова, 2000 – *Симакова И.Л.* Традиции русской народной вышивки в художественных промыслах XIX–XX вв. М.: Граница, 2000. 191 с.

Соболев, 1948 – *Соболев Н.Н.* Русский орнамент. Камень. Дерево. Керамика. Железо. Стенопись. Набойка. М.: Государственное архитектурное издательство, 1948. 178 с.

Старинные схемы для вышивания, 2017 – Старинные схемы для вышивания. URL: <http://russianembroidery.blogspot.ru/2012/06/ornament-vishivka-rallet-co.html> (дата обращения: 15.11.2017); <http://russianembroidery.blogspot.ru/2012/06/ornament-vishivka-rallet-co.html> (дата обращения: 15.11.2017).

Стасов, 1872 – *Стасов В.В.* Русский народный орнамент. Вып. 1. Шитье, ткани, кружева. СПб.: Издание общества поощрения художников, 1872. 129 с.

Фалеева, 1973 – *Фалеева В.А.* Женский персонаж в русской народной вышивке // Фольклор и этнография русского Севера. Л.: Наука, 1973. С. 126–127.

Шангина, 1975 – *Шангина И.И.* Образы русской вышивки на обрядовых полотенцах XIX–XX вв. (К вопросу о семантике древних мотивов сюжетной вышивки). М.: МГУ, 1975. 85 с.

Шаховская, 1885 – *Шаховская С.Н.* Узоры старинного шитья в России. Вып. 1. М.: [Б.и.], 1885. 9 с.

Яковлева, 1990 – *Яковлева А.М.* Кич и художественная культура М.: Знание, 1990. URL: <http://ec-dejavu.ru/k/Kitsch-3.html> (дата обращения 27.02. 2012).

LiveInternet. Старинная вышивка крестом, 2017 – LiveInternet. Старинная вышивка крестом. URL: <http://www.liveinternet.ru/users/4153190/post259476458/> (дата обращения: 15.11.2017).

NewAuction. Торговая площадка, 2017 – NewAuction. Торговая площадка. URL: http://newauction.ru/offer/reklamnaja_listovka_parfjumernaja_fabrika_s_i_chepeleveckij_mos_kva_2-i45895402225955.html#5 (дата обращения: 1.11.2017)

References

Ambroz, 1966 – *Ambroz A.K.* O simvolike russkoy krest'yanskoy vyshivki arkhaicheskogo tipa [On the symbolism of Russian peasant embroidery of archaic type] // *Sovetskaya arkheologiya*. 1966. № 1. pp. 61–76 [in Russian].

Ambroz, 1965 – *Ambroz A.K.* Rannezemledel'cheskiy kul'tovyy simvol “romb s kryuchkami” [Early farming cult symbol “rhombus with hooks”] // *Sovetskaya arkheologiya*. 1965. № 3. pp. 14–27 [in Russian].

Arhiv GRC RF, Ivanova, 2012 – Arhiv Gosudarstvennogo respublikanskogo centra russkogo fol'klora [Archive of the State Republican Center of Russian Folklore]. Respondent Anna Fedorovna Ivanova, born in 1931. Interviewer V.E. Dobrovolskaya. The village of Spirovo, Tver region, July, 4, 2012.

[Boguslavskaya, 1964](#) – *Boguslavskaya I.Ya.* O transformatsii ornamental'nykh motivov, svyazannykh s drevney mifologiyey v russkoy narodnoy vyshivke [On the transformation of ornamental motifs associated with ancient mythology in Russian folk embroidery]. Moscow: Nauka, 1964. 213 p. [in Russian].

[Bunin, 1921](#) – *Bunin A.I.* Derevnja. Suhodol [Village. Sukhodol]. Paris: Russkaya zemlya, 1921. 368 p. [in Russian].

[Great Russian and Little Russian pattern, 1877](#) – Velikorusskie i Malorossijskie uzory dlâ vyshivaniâ [Great Russian and Little Russian pattern for embroidery]. St. Petersburg: Tipografiya i Khromolitografiya A. Transhelya, 1877. 42 p. [in Russian].

[Gorchakov, 2015](#) – *Gorchakov O.A.* Daleko po tu storonu fronta [Far on the other side of the front]. Moscow: Olma Media Grupp, 2015. 400 p. [in Russian].

[Dintses, 1941](#) – *Dintses L.A.* Istoricheskaya obshhnost' russkogo i ukrainskogo narodnogo iskusstva [Historically united entity of Russian and Ukrainian folk art] // *Sovetskaya ehtnografiya*. 1941. № 5. pp. 21–58 [in Russian].

[Dintses, 1946](#) – *Dintses L.A.* Vostochnye motivy v russkom narodnom iskusstve Novgorodskogo kraja [Oriental motifs in Russian folk art of the Novgorod region] // *Sovetskaya ehtnografiya*. 1946. № 3. pp. 93–112 [in Russian].

[Dintses, 1947](#) – *Dintses L.A.* Dokhristianskie khramy Rusi v svete pamyatnikov narodnogo iskusstva [Pre-Christian temples of Russia in the light of the monuments of folk art] // *Sovetskaya ehtnografiya*. 1947. № 2. pp. 67–94 [in Russian].

[Dintses, 1948](#) – *Dintses L.A.* Izobrazhenie zmeebortsa v russkom narodnom shit'e [The image of the Snake-killer in Russian folk sewing] // *Sovetskaya ehtnografiya*. 1948. № 4. pp. 36–53 [in Russian].

[Darkevich, 1960](#) – *Darkevich V.* Simvoly nebesnykh svetil v ornamente Drevnej Rusi [The symbols of the heavenly bodies in ornament of Ancient Russia] // *Sovetskaya arkheologiya*. 1960. № 4. pp. 56–67 [in Russian].

[Dintses, 1976](#) – *Dintses L.A.* O metode izucheniya i planirovaniya ehkspozitsii narodnogo iskusstva v Gosudarstvennom Russkom muzee [About the method of study and planning of the exposition of folk art in the State Russian Museum] // *Soobshheniya Gosudarstvennogo Russkogo Muzeya* 1976. Is. XI. pp. 181–189 [in Russian].

[Dobrovol'skaya, 2009](#) – *Dobrovol'skaya V.E.* Preskriptsii, reguliruyushhie zagovorno-zaklinatel'nyuyu praktiku (Na materiale Vladimirskoj i Yaroslavskoj oblastej) [Prescriptions governing spell magical practices (On the material of the Vladimir and Yaroslavl regions)] // *Traditsionnaya kul'tura*. 2009. № 1. pp. 39–51 [in Russian].

[Dobrovol'skaya, 2011](#) – *Dobrovol'skaya V.E.* Zaprety i predpisaniya, svyazannye s khraneniem i ispol'zovaniem rukopisnykh tetradej (na materialakh Vladimirskoj oblasti) [Prohibitions and regulations related to the storage and use of the manuscript notebooks (case of the Vladimir region)] // *Traditsionnaya kul'tura*. 2011. № 2. pp. 58–70 [in Russian].

[Dobrovol'skaya, 2013](#) – *Dobrovol'skaya V.E.* Pis'mo v fol'klore: pravila obrashheniya s pis'mami v traditsionnoj kul'ture tsentral'noj Rossii [Letter in folklore: rules for the treatment of letters in the traditional culture of Central Russia] // *Kulturas studijas / Cultural Studies. Vestule Literatura un Kul'tura / Letter in Literature and Culture*. Daugavpils Universitates, 2013. pp. 107–114 [in Russian].

[Durasov, 1978](#) – *Durasov G.P.* Kargopol'skie narodnye vyshivki-mesyatseslovy [Kargopol folk embroideries–“Mesyatseslovs”] // *Sovetskaya ehtnografiya*. 1978. pp. 139–148 [in Russian].

[Kalashnikova, 2014](#) – *Kalashnikova N.M.* “Poyasa so slovesami”. Kolleksiya poyasov iz sobraniya Rossijskogo ehtnograficheskogo muzeya [“Belts with the words”. The collection of belts from the collection of the Russian Museum of Ethnography]. St Petersburg: Severnyj palomnik, 2014. 262 p. [in Russian].

[Kozlovskaya, 1998](#) – *Kozlovskaya N.B.* Traditsionnyj narodnyj kostyum Bryanskoj oblasti. [Traditional folk costume of the Bryansk region]. Bryansk: Vash shans, 1998. 23 p. [in Russian].

[Lichnaja kollekcija M.V. Krysovoj](#) – Lichnaja kollekcija M.V. Krysovoj [Personal Collection of M.V. Krysova].

[Mazaletskaya, 1997](#) – *Mazaletskaya V.A.* Nadpisi na proizvedeniyakh narodnogo iskusstva iz sobraniya Kirillo-Belozerskogo istoriko-arkhitekturnogo i khudozhestvennogo muzeya-zapovednika [Inscriptions on works of folk art from the collection of the Kirillo-Belozersky

historical-architectural Museum] // *Kraevedcheskij al'manakh "Kirillov"*. Is. 2. Vologda: Rus', 1997. pp. 130–142 [in Russian].

Malitskij, 1923 – *Malitskij G.A.* Bytovye motivy i syuzhety narodnogo iskusstva: v rospisi i rez'be [Household themes and motifs of folk art: painting and carving]. Kazan': Tatgosizdat, 1923. 43 p. [in Russian].

Maslova, 1951 – *Maslova G.S.* Narodnyj ornament verkhnevolzhskikh karelov [The folk ornament of upper Volga Karelians]. Moscow: Edition of the Academy of Sciences, 1951. 158 p. [in Russian].

Maslova, 1972 – *Maslova G.S.* Severodvinskaya zolotoshvejnyaya vyshivka [Severodvinsk gold embroidery] // Collection of the Museum of Anthropology and Ethnography. Vol. XXVIII. St Petersburg: Nauka, 1972. pp. 32–61 [in Russian].

Maslova, 1975 – *Maslova G.S.* Ornament russkoj narodnoj vyshivki kak istoricheskij istochnik [The ornament of Russian folk embroidery as a historical source] // *Sovetskaya ehtnografiya*. 1975. № 3. pp. 34–44 [in Russian].

Maslova, 1978 – *Maslova G.S.* Ornament russkoj narodnoj vyshivki kak istoriko-ehtnograficheskij istochnik [The ornament of Russian folk embroidery as a historical-ethnographic source]. Moscow: Nauka. 1978. 207 p. [in Russian].

Pletneva, 1924 – *Pletneva E.N.* Simvolika narodnykh ukras Smolenskogo kraja [The symbolism of the folk decorations of the Smolensk region.]. Smolensk: Publication of state museums and GUBONO, 1924. 129 p.

Russkie poslovitsy i pogovorki, 1882 – *Russkie poslovitsy i pogovorki, naibolee podkhodyashhie dlya ukrasheniya sal'fetok, skatertej, polotenets, russkikh i malorossijskikh naryadov, posudy i proch.* [Russian Proverbs and sayings that are most appropriate to decorate napkins, tablecloths, towels, Russian and Little Russian costumes, tableware and so on]. 2nd ed. St Petersburg: Typography (former) of A.M. Kotomin and Co, 1882. 98 p. [in Russian].

Russkij traditsionnyj kostyum, 2016–2017 – *Russkij traditsionnyj kostyum* [Russian traditional costume]. URL: https://vk.com/trad_costume (accessed on June, 12, 2016); https://vk.com/topic-4367359_20286022 (accessed on: November, 4, 2017); https://vk.com/photo-4367359_277461026 (accessed on: November, 4, 2017); https://vk.com/photo-4367359_261522422 (accessed on: November, 4, 2017); https://vk.com/photo-4367359_142574757 (accessed on: November, 15, 2017) [in Russian].

Simakova, 2000 – *Simakova I.L.* Traditsii russkoj narodnoj vyshivki v khudozhestvennykh promyslakh XIX–XX vv. [The traditions of Russian folk embroidery in crafts of XIX–XX centuries] Moscow: Granitsa, 2000. 191 p. [in Russian].

Sobolev, 1948 – *Sobolev N.N.* Russkij ornament. Kamen'. Derevo. Keramika. Zhelezo. Stenopis'. Nabojka [Russian ornament. Stone. Tree. Ceramics. Iron. Painting. The heel cap]. Moscow: State architectural publishing house, 1948. 178 p. [in Russian].

Starinnye shemy dlja vyshivanija, 2017 – *Starinnye shemy dlja vyshivanija* [Vintage patterns for embroidery]. URL: <http://russianembroidery.blogspot.ru/2012/06/ornament-vishivka-rallet-co.html> (accessed on November, 15, 2017); <http://russianembroidery.blogspot.ru/2012/06/ornament-vishivka-rallet-co.html> (accessed on: November 15, 2017).

Stasov, 1872 – *Stasov V.V.* Russkij narodnyj ornament [Russian folk ornament]. Is. 1. Shit'e, tkani, kruzheva [Sewing, fabric, lace]. St Petersburg: Publishing Society for the Encouragement of Artists, 1872. 129 p. [in Russian].

Faleeva, 1973 – *Faleeva V.A.* Zhenskij personazh v russkoj narodnoj vyshivke [Female character in Russian folk embroidery] // *Fol'klor i ehtnografiya russkogo Severa* [Folklore and Ethnography of the Russian North]. Leningrad: Nauka, 1973. pp. 126–127 [in Russian].

Shangina, 1975 – *Shangina I.I.* Obrazy russkoj vyshivki na obryadovykh polotentsakh XIX–XX vv. (K voprosu o semantike drevnikh motivov syuzhetnoj vyshivki) [Images of Russian embroidery of ceremonial towels of XIX–XX centuries (Contributiom to study of the semantics of ancient motifs of plots-carrying embroidery)]. Moscow: MGU, 1975. 85 p. [in Russian].

Shakhovskaya, 1885 – *Shakhovskaya S.N.* Uzory starinnogo shit'ya v Rossii. [Ornaments of vintage sewing in Russia]. Is. 1. Moscow: [s.n.], 1885. 9 p. [in Russian].

Yakovleva, 1990 – *Yakovleva A.M.* Kich i khudozhestvennaya kul'tura [Kitsch and art]. Moscow: Znanie 1990. URL: <http://ec-dejavu.ru/k/Kitsch-3.html> (accessed on: February, 27, 2012) [in Russian].

[LiveInternet. Starinnaja vyshivka krestom, 2017](http://www.liveinternet.ru/users/4153190/post259476458/) – LiveInternet. Starinnaja vyshivka krestom [LiveInternet. Ancient cross stitch]. URL: <http://www.liveinternet.ru/users/4153190/post259476458/> (accessed on: November, 15, 2017).

[NewAuction. Torgovaja ploshhadka, 2017](http://newauction.ru/offer/reklamnaja_listovka_parfjumernaja_fabrika_s_i_chepeleveckij_moskva_2-i45895402225955.html#5) – NewAuction. Torgovaja ploshhadka [NewAuction. Marketplace]. URL: http://newauction.ru/offer/reklamnaja_listovka_parfjumernaja_fabrika_s_i_chepeleveckij_moskva_2-i45895402225955.html#5 (accessed on: November, 1, 2017).

УДК 392

«Люблю сердечно – дарю кисет навечно»: декоративные, информативные и магические функции букв на бытовых предметах

Барвара Евгеньевна Добровольская ^{а, *}

^а Государственный центр русского фольклора Центра культурных стратегий и проектного управления (Роскультпроект) Министерства культуры Российской Федерации, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматриваются функции надписей на предметах в традиционной культуре. Подобным надписям придавалось большое значение. Они могли играть роль владельческих записей и не являться частью художественного оформления вещи. В этом случае они чаще всего ставились на задней части изделия и представляли собой сокращенные буквенные обозначения. В ряде случаев они становились частью орнамента, тогда расширялось их содержание. Надписи могли быть комментариями к изображению, иногда дополняя его, объясняя смысл происходящего, но в ряде случаев надпись меняла смысл изображаемых событий. Вещи «со словами» становятся модными и востребованными, а в ряде случаев играют роль «пропагандистской» продукции. Но в тоже время надписям придавался большой магический смысл. Считалось, что она может испортить или защитить своего владельца, сохранять чувства людей и т.д. Наконец, надпись на вещи могла напоминать о человеке, быть своеобразным памятником ему.

Ключевые слова: надписи на предметах народного искусства, обережная функция надписей, вышивка, полотенца, кисет.

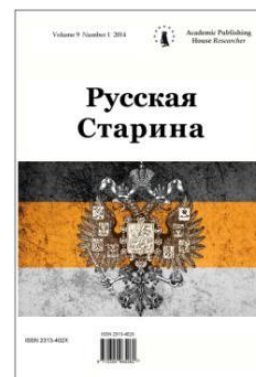
* Корреспондирующий автор
Электронный адрес: dobrovolska@inbox.ru (В.Е. Добровольская)

Copyright © 2017 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Slovak Republic
 Russkaya Starina
 Has been issued since 2010.
 ISSN: 2313-402x
 E-ISSN: 2409-2118
 2017, 8(2): 122-142

DOI: 10.13187/rs.2017.2.122
www.ejournal15.com

UDC 94 (47).083

Memoirs of I.V. Dobrovolsky as a historical source for Votkinsk shipbuilding

Nicholas W. Mitiukov ^{a, *}

^a International Network Center for Fundamental and Applied Research, Russian Federation

Abstract

Memoirs of I.A. Dobrovolsky are one of the most significant works on the history of Votkinsk shipbuilding. There are no any analogues in the details of the description. An analysis of the memoirs showed that they combine two layers of information: one that the memoirist was a witness, and what he drew from other sources.

Analysis of borrowings showed that the memoirist did not use archival data. All the direct links to the archival documents are not exact or simply false. Probably the basis of the factual part of the memoirs was oral traditions, with characteristic defects of this type of source. The real events mentioned by the memoirist are perverted in the presentation (supposedly numerous, not single orders after riding on the boat “Votkinsky zavod”), are given in a wrong context (source of the popularity of Siberian steamers), or in an inaccurate interpretation (allegedly Ministry of Roads as the basis of a customer of Siberian steamers). Most of the figures and dates given by I.A. Dobrovolsky are also seem to be perverted when rechecked.

These circumstances make it possible to assert that in terms of describing the events the memoirist could not be witnessed. The memoirs have exclusively cultural and literary value. The historical value of this material is low.

Keywords: Votkinsk, shipbuilding, history, I.A. Dobrovolsky, memoirs.

1. Введение

Мемуары И.А. Добровольского представляют собой одну из значительных работ по истории воткинского судостроения (Добровольский, 2009). По детальности и подробности описания они не имеют аналогов ни до, ни после момента их создания. Из-за этого информация из мемуаров с указанием или без указания источника активно цитируется во множестве работ по истории завода, и зачастую преподносится как истина в последней инстанции. Однако к настоящему времени появилась серия работ с попыткой объективно оценить работу И.А. Добровольского. В 2014 г. автор этих строк усомнился в корректности сведений относительно заводского барказа¹ «Воткинский завод» (Митюков, 2014). В том же

* Corresponding author

E-mail address: nico02@mail.ru (N.W. Mitiukov)

¹ В работе Добровольского, вероятно, по ошибке корректора, слово «барказ» повсеместно заменено на «баркас». Барказ – небольшое самоходное судно, в настоящее время вошло в термин «катер». Баркас – гребное многовесельное судно.

году, анализируя часть работы И.А. Добровольского, посвященную Воткинскому восстанию, А.В. Коробейников пришел к выводу, что мемуары Добровольского базируются на двух пластах информации: первом, базисном – то, что ему стало известно из других источников и втором, более молодом и надстроечном, то, чему он был непосредственным свидетелем (Коробейников, 2014). В 2017 г. автор этих строк, анализируя сведения о заводских барказах пришел к выводу, что главный источник мемуаров – это устная традиция (Митюков, 2017). В них имеются вполне достоверные сведения, которые либо неверно атрибутированы, либо даны в искаженном контексте. Поэтому задача данного исследования заключается в анализе всего массива данных о воткинском судостроении, содержащегося в работе И.А. Добровольского «Воткинский завод на рубеже эпох».

2. Материалы и методы

Для анализа мемуаров И.А. Добровольского в основном привлекались архивные документы Воткинского завода, а настоящее время содержащиеся в трех архивах: Центральном государственном архиве Удмуртской Республики (ЦГА УР), архиве Музея ГПО «Воткинский завод» (МВЗ) и архиве Музея истории и культуры города Воткинска (МИКВ). Кроме того, привлекалась статистические сведения, содержащиеся в морских и речных регистрах (Регистр, 1926) и в судовых списках флота (Судовой список, 1904). Во избежание повторов, если некоторые вопросы автором подробно анализировались ранее, идет ссылка на эти работы.

3. Обсуждение и результаты

«Судостроение на Воткинском казенном заводе продолжалось с 1848 по 1918 г., составляя в среднем до 40 % всей заводской продукции в деньгах» (Добровольский, 2009: 26). По непонятной причине автор не упоминает о заводском судостроении в 1930–1940 гг., очевидно полагая, что оно составляет мизерные объемы и недостойно упоминания. Хотя позднее становится понятным, что он знает, например, о строительстве в 1940-х гг. барказа «Воткинский завод». А в другой книге мемуариста, анонсированной как вторая часть данной работы (Добровольский, 2009), имеются подробные свидетельства о сооружении верфи в Галево и строительстве там трех землечерпалок (Добровольский, 2014). Относительно денежной продукции здесь имеется в виду не объемы от прибыли, а стоимость продукции судостроительного цеха по цеховым расходам, поскольку наибольшие объемы производства цеха давали заводу максимальные убытки.

«Всего за это время было построено на заводе более 400 судов самых различных типов, речных и морских. В это число входили морские шхуны для Каспия, пассажирские и буксирные пароходы, суда технического флота – землечерпательные, плавучие краны, различные вспомогательные суда. Строилось множество судов малотоннажного флота – малых буксиров, паровых баркасов, служебных судов» (Добровольский, 2009: 26).

Относительно 400 построенных судов, информация без ссылки взята, вероятно, из работы Ступишина (Ступишин, 1959: 66). Этот автор имел на руках список номеров заказов судостроительного цеха, наивысший номер которых находился в районе цифры 400. Однако такой способ подсчета – предмет для дальнейшей дискуссии. В этих заказах учтены 10 120-тонных барж для сухого груза, дебаркадер для Астрахани и 6 150-кубовых грунтоотвозных шаланд, заказ на которые был отменен в 1919–1920 гг. С другой стороны, завод строил многие объекты под одним номером заказа: бортовые плавсредства для крупных судов, партии однотипных гребных барказов и шлюпок по заказу Балтийского флота, Аральской флотилии и т.д. Кроме того, в цифре 400 не учтены суда, построенные в советское время. Учитывая сказанное можно утверждать, что общее число плавсредств, построенных на заводе, близко к цифре 500.

«В последнее десятилетие своего судостроения завод выпускал грузопассажирские теплоходы типа «Азия». Эти пароходы были последним словом речного пассажирского судостроения по своему техническому совершенству и комфортабельности. Пароходы эти строились в основном по заказам Министерства путей сообщения (далее – МПС) России для рек Сибири в период после 1907 г. Их было построено всего 22 единицы. После революции и гражданской войны пароходы по этому проекту продолжали строить на Сормовском заводе

и они были в эксплуатации на Каме и Волге примерно до середины 60-х гг. XX в.» (Добровольский, 2009: 26).

Если быть корректным, то «грузопассажирских пароходов типа “Азия”» построено пять: это так называемые «переселенческие пароходы» «Китай», «Русь», «Азия», «Европа» и «Прокопий Плещеев», заказанные в 1908 г. для пароходной компании П. Плещеева (Митюков, Матвеев, 2017: 39). Понятие «переселенческий» означает, что основной упор в проектировании пассажирских салонов был сделан на каюты «эмигрантского» класса. Впоследствии они неоднократно перестраивались, но по заводским документам пассажироместимость пароходов составляла: 23 пассажира первого класса, 49 – второго, 465 – третьего, 102 – четвертого. По европейским меркам третий класс считался «эмигрантским», поскольку имел минимум удобств. Здесь же, кроме третьего класса, имелся и четвертый с еще более скромными условиями. Поэтому говорить о «комфортабельности» по отношению к пароходам типа «Азия» вряд ли корректно. Кроме чертежей самих пароходов сохранились чертежи их интерьеров (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 7 к. Д. 263, 266, 267, 268, 269). Они демонстрируют довольно скромную отделку салонов и кают даже первого и второго класса.

Рассмотрим вопрос о 22 построенных пароходах. Начиная с «Азии», к ним также можно отнести пароходы: Мельниковой («Богатырь», «Двигатель», «Воткинский завод»), Двинаренко («Горный начальник Афанасьев»), Крутляшова, Ядрышникова и Андреева («Храбрый» и «Решительный»), Плещеева («Проход Андреев» и «Петр Березницкий»), Машарова («Скромный»), Кондакова («Воткинский»), Попова («Слава»), Штейна («Михаил»), Матвеев («Дунай»), Волосина («Адмирал Макаров»), Коншина («Витязь»). Всего 20 единиц, если считать от пароходов Плещеева. Но мемуарист, вероятно, сюда же отнес два более ранних по времени постройки пароходы Мельниковой «Горный инженер Воронцов» и «Инженер-механик Гуллет». Это доводит общее число до требуемых 22 единиц. Все они действительно изготавливались для рек Сибири (Оби и Амура), но по частным заказам. По заказу МПС для сибирских рек в 1913–1914 гг. было построено всего четыре парохода, но не грузопассажирских, а служебно-разъездных: «Урал», «Алтай», «Ермак» и «Катунь». Кроме того, еще три парохода были построены для Министерства промышленности и торговли (далее – МПТ) в 1912–1913 гг.: «Кура» и «Терек», а также во флот этого министерства был зачислен бывший барказ «Сорванец», заложенный для Котляковой (Mitiukov, Matveev, Semenov, 2017: 647). Как видно, данный факт основан на вполне достоверной информации, неверно истолкованной мемуаристом, что исключает использование Добровольским архивных источников. Вероятно, его сведения в данном случае базируются на устной традиции.

«Характерной чертой воткинских судов была их долговечность, обусловленная высоким качеством постройки. Известны случаи службы пароходов на Каме до 60-ти лет – “Память Вахитова”, “Звезда”, “Нева”. Характерно для Воткинска также разнообразие строившихся судов. В чертежном архиве был список из 47 типов судов, построенных заводом» (Добровольский, 2009: 27). Пароход «Память Вахитова», или первоначальное название «Память товарища Вахитова» – бывший волжский пароход «Коммерции советник» действительно воткинской постройки. Про воткинский пароход под названием «Звезда» ничего не известно. Имелось две баржи с этим наименованием (типа «Солнце»), а также пароход «Красная звезда», бывший «А. Станкевич», действительно прослуживший до 1960-х гг. Относительно якобы воткинского парохода «Нева» ничего не известно. Зато на Волге ходил пароход с таким названием пермской постройки 1904 г., списанный в 1961 г. и долгое время стоявший у завода в городе Чайковский. Здесь, вероятно, его и мог видеть Добровольский, приняв за воткинский пароход. В 1960-е гг. в эксплуатации находилось до десятка воткинских пароходов.

«Необходимо рассказать, как производилась постройка судов на заводе, и сплав их на Каму. Выйдя из прорезов плотины, река Вотка до железнодорожного моста на территории завода текла по заливному лужку. С годами он был застроен ТЭЦ и другими зданиями, но в те времена это была свободная площадка примерно размерами 400 × 120 метров, именовавшаяся стапелем. На разровненную ее поверхность укладывались поперечные брусья, на них собирался корпус судна. Одновременно в течение зимы там строилось до 20 судов. Если не хватало места на стапеле, строили суда на берегу, сооружая тогда спусковое

устройство. В конце заводской территории река Вотка была перехвачена перемычкой, т.е. деревянным мостом-шлюзом с воротами для пропуска сплавляемых судов. Весной в половодье ворота шлюза закрывались, и стапель заполнялся водой. Построенные суда всплывали и через ворота шлюза выводились в реку Вотку и далее – в Сиву до Камы» (Добровольский, 2009: 27). Фраза «до 20 судов» выглядит очень оптимистично. 20 пароходов одновременно завод никогда не строил, а вот «до 20 плавсредств» вполне. Так, во время Первой мировой войны завод строил одновременно около двух десятков баржей, шаланд и плавучих кранов (Mitiukov, Matveev, Semenov, 2017: 647).

«Операция “сплав судов” длилась примерно неделю. Это была ответственная операция, на которой были заняты сотни рабочих. Они на расчалках, т.е. на канатах вели судно до самой Камы на протяжении 35 км.

Очень важна была роль командующего сплавом, которую в совершенстве постигли мастера судового цеха Н.Л. Бурьгин и А.З. Звонов. Проводки крупных судов с корпусом до 90 метров и весом до 1000 тонн требовали большого искусства и напряжения и сопрягались с опасностями для сплавщиков. Суда застревали на мелях и крупных поворотах рек. Приходилось тогда прибегать к чрезвычайным мерам. Это был дополнительный выпуск воды из пруда, чтобы поднять уровень воды в Вотке и Сиве, и освободить застрявшие суда. К этой мере прибегали только в крайних случаях, т.к. воду в пруду очень берегли – она была тогда источником энергии.

Судовой цех насчитывал вместе с подсобными рабочими около 600 человек. Начальниками судостроения за годы с 1900 по 1917 гг. были К.Р. Григоровский, В.Н. Цапенко и Н.С. Богатырев. Старшими мастерами цеха за последнее тридцатилетие судостроения работали Н.С. Богатырев, Н.Л. Бурьгин, А.З. Звонов и М.Н. Липатов.

Завод собирал свои суда на Амуре, в Архангельске, в Феодосии и в Астрахани. Самое крупное судосборочное отделение завода (филиал судового цеха) был в Тюмени. Там, начиная с 1907 г., строились пароходы типа “Азия”. Сам судосборочный цех находился на территории стапеля. Стояли только временные строения для станков и компрессорной, складов и бытовых помещений. В Усть-Речке и позднее в Галево были отделения судового цеха, куда отправлялись суда, сплавленные по Вотке и Сиве.

Там производилась достройка судов, если это было необходимо, испытания судов и сдача их заказчику. В ряде случаев суда не успевали достроить до весны на заводе, вносились также различные переделки и дополнения в построенных судах по требованию заказчика. Много времени занимали испытания и сдача всех построенных судов. Поэтому отделения судового цеха на Каме работали все лето весьма интенсивно. Крупные морские суда отправлялись на Каспий, прямо с Сивы после сплава, минуя эти отделения, чтобы успеть провести суда по высокой весенней воде в Каме» (Добровольский, 2009: 28–29).

Заводские документы умалчивают о наличии филиала или сборочной площадки в Астрахани. Но ее наличие вполне вероятно, поскольку имеется информация, что в Астрахань отправлялись комплектующие для сдаваемых объектов, которые в свою очередь сравнительно просто сплавлялись по Каме и Волге. Труднее обстояла ситуация с площадкой на Балтике, куда приходилось доставлять готовые суда по Мариинской водной системе, что существенно удорожало продукцию. Что касается Амура (точнее, поселок Кокуй недалеко от Сретенска), Архангельска и Феодосии (точнее, поселка Сырыголь под Феодосией), то тут приходилось собирать суда «хозяйственным способом», т.е. под открытым небом на практически неподготовленном берегу. Обычно для облегчения этой операции использовались несколько барж в качестве складов и временного жилья. В Тюмени было все по-другому по одной единственной причине – здесь завод постарался оборудовать место под сборку рядом построек. Но первые тюменские пароходы еще в 1903 г. также собирались хозяйственным способом («Н. Сухотин» и «Н. Соколовский» для Плещеева).

«Воткинское судостроение продолжалось около 70 лет, составляя за многие годы большую часть заводской продукции в деньгах. За отдельные годы строилось до 30 различных судов. Заказчиками являлись как государство в лице МПС, так и частные лица, и предприятия. Понятно отсюда, что судовое чертежное бюро работало с большой нагрузкой. В этом очерке рассказывается лишь о наиболее выдающихся работах воткинских судостроителей.

В речном судостроении Россия занимала первое место в мире. Она была родиной речных теплоходов, самых технически совершенных и комфортабельных пассажирских пароходов, лучших образцов технического флота. По количеству построенных речных судов в 1917 г. Россия занимала первое место в Европе и Америке» (Добровольский, 2009: 37).

70 лет – это если считать упомянутый Добровольским выше период с 1848 по 1918 г. 1848 г. – дата спуска парохода «Астрабад». Запрос о возможности его постройки последовал в 1846 г. (Matveev, 2014: 1441). Дата 1918 г. также непонятна. Очевидно, автор имел в виду период до Воткинского восстания. С 1919 по 1923 г. завод в основном лишь достраивал объекты по ранее выданным заказам. Новые наряды были немногочисленны, например, завод получил новый заказ от районного металлургического управления на несколько барж (достроена лишь одна). Кроме того, в 1930–1940-е гг. завод построил несколько судов. Непонятно вторичное упоминание об МПС. Это министерство никогда не делало больших заказов заводу, а завод старался от его заказов отойти, так как традиционно сдача пароходов проходила очень трудно, с многочисленными доработками, например, грунтоотвозных шаланд, парохода «Вятка», барказа «Красотка» и др. Из государственных структур гораздо большее значение имели заказы Морского министерства и Министерства промышленности и торговли. В иные года заказы каждого из них могли составлять до 100 % продукции завода.

«В 1917 г. в России было три основных завода по речному судостроению. Это были Сормовский, Коломенский и Воткинский заводы. В них было построено около 80 % всех речных судов в России. Каждый из этих заводов имел свои наиболее удачные и известные конструкции судов, широко признанных в России. Сормовский завод, принадлежавший частному обществу, был самым крупным заводом речного судостроения. Наибольшую известность он имел, благодаря своим буксирным судам, отличавшимся величиной и мощностью, а также судам технического флота – землечерпательным и землесосным снарядам.

Коломенский завод вошел в историю речного судостроения как основатель теплоходостроения. Он построил первые в России и в мире теплоходы «Вандал» и «Сармат» в 1903 г., и затем «Данилиху» в 1908 г.

В 1912 г. со стапелей этого завода сошла серия теплоходов типа «Бородино», долго служивших на русских реках. Длина корпуса этих судов была 90 метров, при ширине 10 метров. Общая мощность двух его двигателей составляла 1200 л.с., а скорость хода 21 км/ч» (Добровольский, 2009: 38). Случайно или нарочно мемуарист делает картину волжского судостроения слишком примитивной. Центров судостроения было намного больше. Например, в упомянутом Сормове имелось несколько судостроительных заводов, принадлежавших разным хозяевам. В регионе было много судов иностранной постройки, постройки заводов Петербурга, Астрахани, Перми, Казани и других городов. Большое значение имели и частные заводы, например, завод Журавлева в Нижнем Новгороде. Снова мемуарист обходится весьма вольно с цифрами. Мощность двух дизельных двигателей теплохода «Бородино» составляла 880 л.с., а на более поздних теплоходах 1200 л.с.

«В последнее десятилетие своего судостроения 1907–1917 гг. Воткинский завод приобрел заслуженную славу своей серией новейших грузопассажирских пароходов типа «Азия».

Для пассажиров это были лучшие речные суда своего времени по комфортабельности и скорости хода – 22 км/ч. Для специалистов эти суда были последним словом техники в пассажирском пароходостроении в России. Суда этого типа были в эксплуатации примерно до середины [19]50-х гг., когда паровые пассажирские пароходы почти полностью были заменены теплоходами.

В этой серии судов воткинские судостроители опередили свое время, добившись для паросиловой установки пароходов показателей, выше которых достигнуто не было. Создав совершенно новую паросиловую установку для этих пароходов, они применили в ней нововведения, которые были признаны в теплотехнике 10–15 лет спустя» (Добровольский, 2009: 39).

Относительно комфортабельности пароходов типа «Азия» мемуарист снова искажает действительность. Их популярность объясняется отнюдь не комфортными условиями, а дешевизной билетов, принимая во внимание невысокий уровень доходов значительной

части населения Российской империи того времени. Относительно «опередивших время» технических решений. Воткинский завод действительно активно экспериментировал с применением новинок на строившихся пароходах, в большинстве своем крайне неудачно. Так, на пароход «Медик» общества «Мазут» были поставлены единственные за всю историю завода машины четверного расширения, но рост коэффициента полезного действия машины не сделал ее более экономичной. Поэтому подобная инновация более не использовалась. Нельзя признать удачным и опыт применения на пароходах двигателей внутреннего сгорания. Так, вся серия из пяти теплоходов типа «Курмаков», построенных для Любимова в 1911 г. под шведские моторы фирмы «Локке», оказалась настолько неудачной, что спустя всего десятилетие после нахождения в строю, все серию переоборудовали в баржи. Аналогичная ситуация возникла с теплоходами «Первый» и «Сторожевой», заказанных министерством земледелия под двигатели внутреннего сгорания (далее – ДВС) американского производства. Оба судна так и не смогли сдать заказчику, в итоге переоборудовав их в понтоны. Поэтому причины долговечности многих пароходов воткинской постройки следует искать не в «обогнавших время нововведениях», а как раз в примитивных и потому надежных механизмах.

«Приведем короткую историю этого вопроса. До 1906 г. наиболее крупными и совершенными пассажирскими пароходами в России были пароходы типа “Самодержец” и “Кавказ-Меркурий”. Они строились также и на Воткинском заводе. Это были трехпалубные суда с пассажироместимостью 250 человек в трехклассном и 320 человек – в четырехклассном исполнении. Кроме пассажиров, эти суда могли брать до 70 тонн груза. Размеры этих судов по корпусу были: длина до 85 метров, ширина 10 метров и высота 3 метра. Имелись укороченные варианты 65 и 72 метра, без изменения конструкции судна. Полное водоизмещение такого судна было 1400 тонн при осадке 2 метра.

Машинная установка этих пароходов состояла из двух огнетрубных котлов оборотного типа без перегрева пара и с рабочим давлением 12 атмосфер. Котлы эти могли работать как на жидком топливе (мазут, нефть), так и на твердом (уголь, дрова). Главные паровые машины были двухцилиндровые с максимальной долговременной мощностью 600–700 индикаторных л.с. Экономичность установки была невысокой, расход условного топлива (7000 кал/кг) на 1 л.с. составлял 1,8 кг.

Новейшие в то время паровые установки судов, например, крейсера “Варяг”, имели расход условного топлива на 1 л. с. около 0,9 кг. Но здесь необходимо заметить, что паросиловые установки морских военных судов стоили в 3–4 раза дороже, чем для речных на единицу мощности. Максимальная скорость этих пароходов была 18 км/ч в тихой воде (без течения)» (Добровольский, 2009: 39).

Пароход «Самодержец» общества «По Волге» был построен заводом по уже готовым чертежам парохода «Екатеринбург», предоставленных заказчиком, и стал одним из наиболее крупных пароходов заводской постройки (длина 85 м, ширина без колес 9 м). Относительно типа «Кавказ и Меркурий» автор снова ошибается. Такого парохода не было. Имелось общество «Кавказ и Меркурий». По его заказу, например, построили пароход «Великий князь Алексей» (длина 75 м, ширина без колес около 10 м). Еще два парохода («Граф Строганов» и «П. Ушков») общество, чуть ли не со стапелей, купило у Любимова (длина 82 м, ширина без колес около 9 м).

«В 1905–1906 гг. МПС России размещало крупные заказы на суда речного флота для Сибири и Дальнего Востока, причем соблюдался принцип конкурентности проектов. В результате заказ на буксирные пароходы и на самоходный флот получил Сормовский завод, суда технического флота были заказаны в Петербурге на Путиловском и Балтийском заводах, а заказ на крупные грузопассажирские пароходы достался Воткинску. Заказ был открыт серией пароходов типа “Азия”, “Европа” и “Китай”, построенных для сибирских рек в 1907 г. В дальнейшем, до 1917 г., этих пароходов было построено в Воткинске 22 единицы. Этим заказом воткинские судостроители, по существу, закрыли историю конструирования больших отечественных пароходов» (Добровольский, 2009: 40).

В 1905–1906 гг. завод принял участие в конкурсе на изготовление грунтоотвозных шаланд, который он выиграл. В результате заводу достался контракт на строительство четырех шаланд для Казани и двух для Нижнего Новгорода. А поскольку он быстро смог их изготовить, МПС дополнительно заказал Воткинскому заводу четыре шаланды для Сибири

и две баржи-квартиры (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 10627: 9). Кроме того, был заключен договор с МПС на «изготовление новых корпусов» пароходу «Вятка» и барказу «Красотка» (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 10628: 52). Вся эта серия договоров оказалась очень убыточной для завода. Сдача изготовленной продукции затянулась на много лет. Очевидно, об этом контракте много говорили на заводе, если даже спустя полвека Добровольский описал его как «крупный заказ». Но к 22 сибирским пароходам этот конкурс не имел никакого отношения. Снова в принципе верный исторический факт обрастает в изложении мемуариста далекими от действительности подробностями, лишней раз свидетельствующими, что архивными сведениями он не пользовался.

«В 1930-х гг. и до Великой Отечественной войны еще строились пароходы типа “Азия” без каких-либо существенных конструктивных изменений. В это же время на Сормовском и Коломенском заводах строились теплоходы типа “Бородино”, и пароходы типа “Азия”, успешно с ними конкурировали, работая на мазуте. В эксплуатации пароходы типа “Азия” находились примерно до 1960-х гг. XX века. Ниже приводятся главные технические сведения по пароходам типа “Азия”. Конструкция этих судов была дальнейшим развитием конструкции пароходов типа “Самодержец” и «Кавказ-Меркурий». По своим размерам они были лишь немного больше, всего на 5 метров длиннее по корпусу, имея длину его 90 метров. При одинаковых прочих размерах пассажировместимость осталась прежней, но удобства для обитателей 3 и 4 классов были значительно лучше за счет расширения помещений, улучшения теплоизоляции и парового отопления. Корпуса этих пароходов выполняли в “сибирском” варианте – усиленные, имеющие ледовые подкрепления и дополнительные переборки. Но главным в этих судах было совершенно новое силовое оборудование, которое обеспечило им скорость 22 км/ч против 18 км/ч у их предшественников. Контрактная скорость их оговаривалась 20–21 км/ч, и каждые 0,1 км/ч превышения премировались заказчиком.

Кстати сказать, этот 1 км/ч превышения контрактной скорости имел большое значение. На речном и морском флотах велась всегда большая борьба за каждую десятую километра скорости. Превышение ее на целый км/ч, достигнутое Воткинским заводом, позволило считать пароходы типа “Азия” самыми быстроходными пассажирскими судами. Кроме того, это помогло превзойти скорость новейших теплоходов Сормовского завода типа “Бородино” (21 км/ч) при одинаковой мощности силовых установок 1200 л.с.» (Добровольский, 2009: 40–41).

Пароходы типов «Самодержец» и, как выражается автор, «Кавказ-Меркурий», строились для волго-камского бассейна, плотно насыщенного пароходами. В то время как 22 упомянутых выше парохода типа «Азия» ходили по рекам Сибири (Оби – Иртышу и Амуру), где такой сильной конкуренции не было. Каждый из действовавших в регионе пароходов был, что называется, на вес золота. Кроме того, как уже говорилось, основная категория населения, на которую они были ориентированы, это малоимущие переселенцы. Для условий Сибири и Дальнего Востока скорость, конечно, имела значение, но отнюдь не столь важное, как в конкурентной борьбе на Волге, а учитывая масштабы Сибири, 1–2 км/ч означал время в пути вместо трех суток, например, вдвое с половиной, что вряд ли имело принципиальное значение для пассажиров. Из-за ценности каждого парохода в Сибири, а вовсе не из-за их выдающиеся качества, они и эксплуатировались столь долгое время. Снова видно слишком вольное обращение мемуариста с цифрами. Непонятно, какая мощность имеется в виду у «Азии». Но сами пароходы закладывались двумя сериями как 500-сильные («Азия» и «Европа») и как 300-сильные пароходы («Китай» и «Русь»). Это же название фигурировало в проекте. Мемуарист завышает мощность машин в 2–3 раза.

«Привожу краткую характеристику паросиловых установок пароходов типа “Азия”. Котельное отделение имело три котла вместо двух, и применены были котлы нового типа, пролетные, имевшие при одинаковой мощности с прежними оборотными котлами значительно меньший диаметр при большей длине. Это позволило разместить в корпусе судна 3 котла. Применение таких котлов, более современных и легких, снабженных пароперегревателями паровозного типа, привело к резкому увеличению паропроизводительности установки

Такие котлы еще очень мало применялись на речном флоте, главным образом, на малых судах и на судах технического флота. Рабочее давление новых котлов было 16 атмосфер, вместо 12-ти на прежних.

Было использовано в этих котлах еще одно необычное новшество, позволившее увеличить их мощность. В результате увеличился объем топочной камеры, ее диаметр и длина. Это привело к укорочению пучка дымогарных трубок, к уменьшению общей поверхности нагрева котла. А это считалось серьезным нарушением тогдашних традиций котлостроения, когда всемерно старались увеличить конвекционную (т.е. неоспоркающуюся с пламенем) поверхность нагрева котла. Здесь же поступили наоборот – уменьшили конвекционную поверхность трубок, а увеличили радиационную поверхность (топка), подвергающуюся непосредственному воздействию пламени, т.е. лучистой теплоты горения, которая имеет примерно в 4–5 раз большую теплопередачу. Секрет этот вообще-то был давно известен, но прокладывал себе дорогу очень медленно и осторожно, главным образом в паровозных и судовых котлах. Широко он стал применяться в котлостроении только через 15–20 лет, благодаря чему значительно увеличился паросъем котла при меньших размерах его поверхности нагрева, его общих размеров.

Вообще же выбор конструкторами для парохода «Азия» этого типа котлов и изменение его конструкции было нарушением традиций судостроения и котлостроения того времени. На речном и морском флотах тогда господствовали оборотные судовые котлы, очень дорогие и сложные в изготовлении и значительно низшего паросъема. В итоге получилось, что два оборотных котла парохода типа «Самодержец», обеспечивающие оба мощность 700–800 л.с., были заменены тремя котлами пролетного типа, дающими при прежнем весе всей котельной установки мощность 1100–1200 л.с. плюс к этому перегрев пара и рабочее давление 16 атм[осфер]. Это было, безусловно, большим успехом конструкторов-судостроителей. Необходимо отметить еще одно положительное важное качество этих новых котельных установок. Вследствие удвоенного объема топочной камеры, они значительно лучше показали себя в работе на дровах, которые тогда были основным топливом в Сибири и на Дальнем Востоке

Малое топочное пространство прежних типов котлов всегда было их большим недостатком, приводившим к неполному сгоранию топлива при работе на дровах, т.е. к перерасходу топлива.

Успех в этом деле создания новой совершенной конструкции паросиловой установки, опередившей свое время, в основном принадлежит работникам судового чертежного бюро Воткинского завода И.И. Белоруссову и В.И. Корлякову, а также начальнику судостроения в 1904–1910 гг. Р.П. Бломериусу» (Добровольский, 2009: 41–42).

Процесс увеличения количества котлов и их производительности – вполне естественный в судостроении. Увеличение паропотребления связано не столько с увеличением мощности машин, сколько с введением, например, такого новшества, как электричество. Поскольку бортовая динамо-машина работала на паре, также парового отопления. Имеющиеся чертежи пароходов типа «Азия» говорят о наличии на пароходах всего двух котлов, что невозможно не заметить, если смотришь на них (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 7к. Д. 258–269). Не подтверждает информацию о трех котлах и регистр 1927 г. (Регистр, 1927: 66–73). И наоборот, впервые три котла встречаются в проектах наливных шхун Воткинского завода. В этом нет ничего странного – возросшие размеры судна потребовали установки более мощных машин, которые в свою очередь потребовали установки третьего котла.

Относительно прогресса котлостроения. И пролетные, и оборотные котлы относились к типу огнетрубных котлов, когда по трубкам проходили продукты сгорания, нагревая воду. Следует учесть, что еще в конце XIX в. появились водотрубные котлы, позволяющие сделать их конструкцию более компактной, с существенно меньшим временем запуска котла. Именно их внедрение и было «трендом сезона» начала XX в. То, что мемуарист описывает как «ноу-хау» Воткинского завода, на самом деле было общемировой тенденцией. До получения надежных и безотказных водотрубных котлов шло совершенствование огнетрубных, например, они могли быть с двухсторонними топками, что также несколько увеличивало эффективность. Далее снова фигурирует явно завышенная мощность в 1200 л.с.

«Паровая машина пароходов типа “Азия” – тоже совершенно новый проект. Была принята впервые на речном флоте трехцилиндровая машина тройного расширения пара. Здесь проектировщики преследовали две основные цели – увеличить индикаторную мощность до 1100–1200 л.с., согласно взятых по конкурсу обязательств, и максимально снизить удельный расход пара машиной.

Точно известен коллектив, принимавший участие в создании этой новой конструкции машины. Это были Р.П. Бломериус, З.В. Сумароков, Р. Гуллет, В.И. Корляков и Р. Розенблат, а также механики М.С. Петряхин и Ф.Д. Несведов.

Основная трудность в проекте этой машины была в достижении минимального расхода пара на 1 инд.л.с., что в основном зависело от конструкции и качества выполнения парораспределительного механизма, от конструкции струйного конденсатора отработанного пара. Опыта с пароходными машинами в этой области было очень мало. В судовом чертежном бюро проводились специальные исследования. Была построена действующая модель парораспределения в натуральную величину, которая позволила установить момент отсечки пара в каждом цилиндре с точностью до 1 мм (во всех трех цилиндрах одновременно). Такая модель была впервые построена в практике судостроения и дала возможность очень точно регулировать парораспределение. Была также построена натуральная действующая модель струйного конденсатора пара и паровоздушного насоса. Это дало возможность подробно изучить работу струйного конденсатора, в котором до сих пор размеры определялись очень приблизительно. Это тоже значительно повлияло на общий расход пара машиной. Мощность паровоздушного насоса была значительно увеличена.

Целый ряд существенных конструктивных нововведений был сделан для других узлов паровой машины: введены центральная смазка, новая конструкция главных подшипников, контрольные приборы. В судовом оборудовании тоже появилось много нового. Были полностью механизированы все судовые лебедки, установлен транспортер для подачи дров в котельное отделение, впервые на речных судах применили якорное устройство холла. Совершенно заново была спроектирована система освещения пароходов – введен более мощный парогенератор, электропривод шлюпочных лебедок, впервые применены на речном флоте прожекторы для ночного хода. Противопожарное оборудование было разработано заново» (Добровольский, 2009: 42–43).

Как уже упоминалось, Воткинский завод применил даже машину четверного расширения на пароходе «Медик», но опыт был сочтен неудачным. То, о чем идет речь – это скорее различного рода рационализаторские предложения, которые всегда бывают при производстве сложных машин и механизмов.

«В заводском чертежном архиве имелась подробная документация о генеральных испытаниях этих пароходов на Оби в 1908 г. По современным энергетическим канонам это были весьма упрощенные испытания. Главной целью их было получить максимальную скорость хода и расхода топлива при полной нагрузке. Производилось только индицирование паровой машины для определения мощности и расхода дров. Тем не менее, эти испытания давали возможность сделать основные оценки выполнения проекта.

Испытания показали длительную эксплуатационную скорость парохода 22 км/ч в тихой воде. Максимальная мощность машины при этом составляла 1200 л.с., и расход топлива (условного) не более 1,4 кг 1 инд.л.с. в час. Эти результаты намного превосходили цифры для пароходов типа “Самодержец” и “Кавказ-Меркурий”. Их скорость была 18 км/ч, при мощности 800 л.с. и расходе условного топлива 1,8 кг на 1 инд.л.с. в час. Испытания эти проводились на пароходе “Европа”, однотипном с “Азией”. Первая серия этих пароходов – “Азия”, “Европа” и “Китай” – была построена на Тюменской верфи (филиал Воткинского завода) в 1907 г. по заказу МПС России. Вслед за этой серией до 1917 г. завод всего построил 22 таких парохода. Пароходы типа «Азия» были самой интересной страницей воткинского судостроения, продолжавшегося почти 80 лет. Это были наиболее совершенные пассажирские пароходы, которыми завершилась история отечественного пассажирского пароходостроения.

До Великой Отечественной войны основным заводом, строившим в СССР речные суда, был Сормовский. Он строил тогда пассажирские пароходы серий “Валерий Чкалов” и теплоходы “Сталинская конституция”, которые в целом повторяли конструкцию судов дореволюционной постройки типа “Азия” и “Бородино”. Пароходы этого типа еще работали

на Каме и Волге примерно до начала 60-х гг. XX в. В эти годы произошла уже полная замена пассажирских пароходов новейшими теплоходами типов «Вильгельм Пик», «Ленин» и другими» (Добровольский, 2009: 43–44).

Снова повторение прежних ошибок. МПС не имел к пароходам никакого отношения. Весьма смелая сентенция по поводу того, что пароходами типа «Азия» «завершилась история отечественного пассажирского пароходостроения». И в этой связи возникает законный вопрос, насколько пароходы типа «Азия» и теплоходы типа «Бородино» можно считать однотипными. С другой стороны, Сормовский завод также применял на своих судах множество оригинальных решений.

«Большие заказы Воткинский казенный завод получал на суда технического флота – землечерпательные снаряды и плавучие портовые краны. Эти суда пользовались большим спросом в крупных портах на Каспии, на Черном море и Дальнем Востоке. Оба эти типа судов относились к среднему классу – земснаряды были водоизмещением 400–450 тонн с часовой производительностью на среднем грунте до 200 кубометров в час. Плавучие краны строились грузоподъемностью до 50 тонн. Земснаряды в основном строились типа «Сергей Шубинский». Их завод в период с 1900 по 1917 гг. построил всего 18 единиц. Земснаряды имели у заказчиков весьма хорошую репутацию за их надежность в работе и хорошую конструкцию. Машины эти были самоходными и имели весьма удачные силовые установки. Они имели по два пролетных паровых котла, конструкция которых была впоследствии развита и применена на пароходах типа «Азия» Котлы были одним из главных достоинств этих земснарядов по надежности и простоте обслуживания. Воткинские чертежники-конструкторы впервые применили их на крупных судах. До этого времени они использовались только на малых судах-барказах. Котлы эти показали себя в увеличенных размерах на земснарядах очень хорошо и позволили тем самым с уверенностью применить эти котлы еще в больших размерах на пароходах типа «Азия»» (Добровольский, 2009: 44).

Плавучие краны Воткинский завод строил двух типов: 40-тонные и 50-тонные. Последний кран, который начали строить для Батумского порта из-за захвата Батума турками в порт назначения так и не ушел. В 20-е гг. его переделали под грузоподъемность 65 тонн. «Сергей Шубинский» стал первым земснарядом нового типа только для завода. Строился он по типу «Деволант» голландской постройки 1900 г. Всего типа «Деволант» было построено пять судов (в скобках – строительные номера): «Сергей Шубинский» (№ 265?), «Инженер Шуляченко» (№ 281), «Инженер Флорин» (№ 291), «Инженер Руденко» (№ 293) и «Инженер Петерсон» (№ 300). Всего пять земснарядов (Mitiukov, Matveev, Semenov, 2017: 647), при этом «Инженер Петерсон» так и не был закончен по своему первому назначению. Кроме того, в 1900-1902 гг. завод построил одну или две землечерпалки по заказу Морского министерства. Чертежная документация завода указывает как на Батумскую землечерпалку (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 7к. Д. 862, 863), так и на Бакинскую (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 7к. Д. 864, 865, 866). Казалось бы, информация о двух землечерпалках подтверждается Судовым списком 1904 г., где указаны одна землечерпалка в Баку, а вторая в Николаеве, которую не могут сдать (Судовой список, 1904: 295). Но финансовые и строительные документы завода подтверждают факт постройки только одной землечерпалки (МИКВ. Д. 4812: 2). Кроме того, в работе Ступишина, который, по-видимому, имел на руках полный список заводских заказов, также указана лишь одна землечерпалка в опубликованной монографии информация об этом отсутствует (Ступишин, 1959), но она есть в рукописи (МИКВ, Д. 4826: 14). Поэтому можно утверждать, что завод построил 6 или 7 судов этого класса, но не 18.

«Но главное, что Воткинские конструкторы ввели на земснарядах типа «Сергей Шубинский» рефулерный трубопровод. Это устройство в те годы применялось только как нововведение на самых крупных импортных земснарядах. На средних и малых снарядах его не применяли, работали «на шаланды». Это значило, что вычерпанный грунт грузился на специальное судно-шаланду с раскрывающимся днищем, причаленное сбоку земснаряда. После наполнения этой шаланды она отбуксировывалась в сторону от фарватера и опустошалась.

При работе «на рефулер» специальный мощный рефулерный насос перекачивал добытый фунт по плавучему шарнирному трубопроводу диаметром 400–500 мм длиной до 300 м в сторону от фарватера. Устройство это значительно удорожало земснаряд, но зато

давало значительные преимущества в эксплуатации. Рефулерный насос приводился во вращение специальной отдельной машиной, равной по мощности машине черпакового привода. На “Сергее Шубинском” обе эти паровые машины, вертикальные, двойного расширения (компаунд) были мощностью по 250 л.с. Несмотря на значительное удорожание земснаряда, вызванное введением регулярного устройства, заказчики охотно его приняли. С легкой руки “Сергея Шубинского” рефулерный трубопровод стал широко применяться на всех земснарядах, и без него уже новые земснаряды не строили» (Добровольский, 2009: 45).

Ситуация с точностью до наоборот. Воткинские конструкторы использовали уже готовые чертежи при постройке. Мало того, когда чертежей не хватало, специалисты завода командировались на уже готовые землечерпалки для снятия нужных чертежей (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 11093: 46об.). Разумеется, были небольшие усовершенствования конструкции, но рефулерный привод это не воткинская инновация. Одновременно с «Деволантами» завод для обеспечения каравана строил и грунтоотвозные шаланды. Поэтому принцип работы мемуаристом случайно или нарочно, но описан не корректно. Рефулерный привод работал на шаланды. Кстати, именно в конструкции шаланд, а не рефулеров применили главные усовершенствования конструкторы завода. Так конструкция воткинских грунтовых ящиков и стала называться «ящики системы инженера Рождественского» (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 7к. Д. 334).

«Кроме этого, паровые машины “Сергея Шубинского” имели ряд конструктивных усовершенствований. В них были введены круглые золотники вместо плоских в парораспределении, центральная смазка и струйные конденсаторы для отработанного пара вместо примитивных прямых.

Начиная примерно с восьмого земснаряда, в 1909 г. завод провел по просьбе Министерства Морфлота России модернизацию земснаряда этого типа для работы в портах Владивостока, Архангельска и др. Были увеличены мореходность и глубина черпания. Котлы перевели на отопление углем и мазутом, ввели электрическое освещение. В чертежном архиве завода сохранялись отчеты об испытаниях земснарядов типа “Сергей Шубинский” на Каме, близ Галево, в 1909 г, после проведения модернизации Испытания проводились по просьбе и программе заказчика – Министерства Морфлота России. Они продолжались около двух месяцев, причем все расходы оплачивал заказчик, который хотел выяснить работу земснарядов в экстремальных условиях, не предусмотренных заводскими испытаниями

Сохранялись акты испытаний, в которых заказчик давал высокую оценку качеству конструкции и постройки земснарядов и его отдельных узлов. В архиве хранился также журнал “Речной флот России” за сентябрь 1909 г., в котором была помещена отчетная статья об испытаниях. В этой статье делался вывод, что земснаряды типа “Сергей Шубинский” являются лучшими судами технического флота этого класса.

Воткинский завод построил до 1917 г. только 18 земснарядов этого типа. По чертежам завода заказывались эти земснаряды на Сормовском заводе и в Петербурге на Балтийском заводе. Всего за это время было их построено по заказу МПС 40 единиц. После революции земснаряды эти продолжали строиться по чертежам завода на разных предприятиях. Необходимо отметить, что земснаряды, которые были заказаны Воткинскому заводу в 1936 г. по проекту завода им[ени] Марти в Николаевске, были разработаны на основе конструкции земснаряда типа “Сергей Шубинский”, как наиболее удачного и долговечного земснаряда среднего класса дореволюционного времени.

В Севастопольском военном порту в 1940 г. еще работали два земснаряда “Сергей Шубинский” воткинской постройки 1912 г. Над проектом этих земснарядов на Воткинском заводе работали конструкторы Р.П. Бломериус, Н.А. Наугольных, В.И. Корляков, В.И. Шадрин, И.И. Белоруссов и Р. Гуллет» (Добровольский, 2009: 46–47).

Паровые машины «Сергея Шубинского» были более примитивные, по сравнению с применяемыми на пароходах – двойного расширения, вместо тройного. Но вспомогательным судам флота и этого было вполне достаточно. Морской флот России, точнее морское министерство, к данному заказу не имело никакого отношения. Если первая (или обе первые) землечерпалки строились в 1902 г. по заказу морского министерства, то все «Деволанты» были заказаны Министерством промышленности и торговли. Далее мемуарист снова вольно использует даты, утверждая, что журнал «Речной флот России» за

сентябрь 1909 г. поместил информацию об испытаниях «Сергея Шубинского». Этого не могло быть, поскольку судно было заказано в 1912 г., а готово лишь в 1913 г.

Наличие «Деволантов» в Севастопольском порту также вызывает сомнения. Землечерпалки этого типа полезны в районах с сильными наносами, речными или морскими. Дно же в Севастополе и его окрестностях каменистое, где «Деволанты» практически бесполезны. Автор этих строк не раз осуществлял погружения в этом районе. Крупных рек, которые могли бы осуществлять наносы, в районе Севастополя просто нет. Поэтому если там и были бы землечерпалки, то скорее какие-нибудь менее мощные, чем «Деволанты», характеристики которых в условиях Севастополя были просто не востребованы.

Как указывают речные регистры, четыре из пяти воткинских «Деволантов» работали на Волго-Каспийском канале, перевозки по которому имели стратегически важное значение. Вот он может функционировать только при каждодневных дноуглубительных работах, поскольку активно заносится как мощным течением Волги, так и волнами Каспийского моря. По данным регистра 1926 г. все воткинские землечерпалки работали на канале (Регистр, 1926: 292–293, 314–315). Далее мемуарист снова ошибочно или преднамеренно пишет, что землечерпалки типа «Деволант» были воткинской разработки.

«В 1907 г. Воткинский завод получил от Министерства Морского флота России крупный заказ на постройку серии из 20 плавучих портовых кранов грузоподъемностью в 50 тонн. В России таких кранов раньше не делали, были импортные. Заводу предстояло сделать свой проект, чтобы избежать лицензионных требований. Рабочие чертежи новой конструкции этих кранов были готовы к концу 1907 г, и первые три судна были заложены на заводском стапеле еще зимой 1907–1908 гг. Таких судов завод в прошлом не строил, и чертежникам-конструкторам пришлось решать вопросы, в прошлом неизвестные. По существу, это был совершенно новый проект – краны проектировались самоходные и с поворотной стрелой. Паросиловая установка плавкранов была унифицирована с установкой земснаряда «Сергей Шубинский». Использовался только один паровой котел и одна машина вместо двух. Поскольку земснаряды и плавкраны строились одновременно, это создавало большие удобства в производстве. Первый плавкран был готов уже осенью 1908 г. и подвергся длительным и всесторонним испытаниям по специальной программе заказчика Главной целью испытаний стали проверка устойчивости и маневренности крана. Испытания проводились в Галево.

В чертежном архиве сохранялись все материалы по этим испытаниям первого плавкрана, многие фотоснимки и отзывы. Качество выполнения этого проекта было высоко оценено заказчиком, особенно устойчивость крана при всех режимах работы. Об этом имелись специальные документы и графики в чертежном архиве. Все расчеты устойчивости крана на всевозможных режимах были проделаны Н.А. Наугольных. Корпус и механизмы крана разрабатывали А. Аляндер, Р. Гуллет, И.И. Белоруссов, А.И. Шадрин и В.И. Корляков

До 1918 г. завод успел построить всего 16 плавкранов. Многие из них работали в портах Севастополя, Архангельска и Владивостока до Великой Отечественной войны» (Добровольский, 2009: 47).

Мемуарист приводит цифры не соответствующие действительности. Первый заказ на плавкран последовал в 1912 г. от Министерства промышленности и торговли. Морское министерство к заказу не имело никакого отношения. Завод строил плавкраны двух типов: 40-тонные и 50-тонные. Поскольку они не получали собственные имена и могли перемещаться из порта в порт, для удобства перепроверки в скобках приведены их строительные номера. 40-тонные краны: Архангельский № 1 (259), Бакинский (278?), Феодосийский (280), Керченский (282), Астраханский (292) – всего пять. 50-тонные краны: Одесский № 1 (283), Одесский № 2 (285), Николаевский (319), Архангельский № 2 (320), Архангельский № 3 (331), Архангельский № 5 (332), Архангельский № 6 (333), Архангельский № 7 (334), Архангельский № 8 (335), Батумский (354?) – всего десять (Mitiukov, Matveev, Semenov, 2017: 647).

Получается в сумме 15 кранов, но никак не 20. Судя по дате утверждения документации на первый кран, это зима–лето 1912 г. (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 7к. Д. 792, 798). Также не прав мемуарист и по поводу одновременной закладке трех кранов зимой 1907–1908 гг. В 1913–1914 гг. одновременно строились два однотипных одесских крана.

В 1915–1916 гг. также практически одновременно строились 7 архангельских и николаевский краны, но все они строились по одному, имея в разные периоды разную степень готовности. Одновременной серией закладывались, строились и сдавались лишь четыре архангельских крана №№ 5–8. Соответственно, первым краном, подвергнутым всесторонним испытаниям, стал архангельский № 1. Его испытания прошли в 1912 г.

«В последнее тридцатилетие своего судостроения, до 1918 г. Воткинский казенный завод приобрел известность в России своим малотоннажным судостроением. Сюда относились малые суда с водоизмещением от 5 до 100 тонн. Это были исключительно паровые суда. С двигателями внутреннего сгорания тогда завод не строил» (Добровольский, 2009: 48).

Паровые суда составляли большинство продукции малотоннажного судостроения. На уже упомянутых барказах «Первый» и «Сторожевой» должны были поставить бензиновые двигатели американского производства. Но если этот опыт был неудачным, то построенный в 1914 г. для Ижевского завода винтовой барказ «Шторм», также с ДВС, по крайней мере, был передан заказчику и им эксплуатировался.

«В постройке этих судов, которые в те времена назывались барказами (сейчас они именуется катерами) завод достиг больших технических успехов. Здесь будет рассказано о постройке в годах 1900–1918 серии судов типа “Воткинский завод”, считавшихся быстроходными паровыми судами в России. Их было построено за эти годы около 40.

Завод вообще неохотно брал заказы на малые суда по причине перегрузки производства, но здесь ему приходилось уступать, т.к. в роли просителей выступали солидные заказчики, желавшие непременно иметь эти престижные суда. Корпус этого барказа имел длину от 17 до 25 м. Он изменялся путем вставки различной длины миделевой (средней) части, имевшей постоянное сечение. Ширина корпуса судна была 3 м, высота 1,7 м» (Добровольский, 2009: 48).

Снова весьма вольное обращение со словом «тип». Обычно под «типом» понимают суда, построенные по одному проекту. Воткинские же барказы весьма разительно различались. За упомянутое выше мемуаристом 30-летие с 1888 по 1918 гг. то были построены как колесные, так и винтовые барказы. Можно их перечислить:

Название	Заказчик	Год	Длина, м	Ширина, м
1. «Шаркан»	Воткинский завод	1888	13, 16	2, 84
2. «Первенец»	Омутнинский завод	1891	10, 3	1, 83
3. «Иж»	Ижевский завод	1892	16, 8	2, 9
4. «Пережат»	Воткинский завод	1894	19, 5	5, 5
5. «Смыловка»	Челышев	1897	16,54	3,35
6. «Рыбка»	Огуречников	1898	7, 45	2, 1
7. «Первый»	Мин. земледелия	1901	16, 3	3, 05
8. «Сторожевой»	Мин. земледелия	1901	18, 24	4, 26
9. «Орьет»	Велиев	1902	24	3, 95
10. «Воткинский завод»	Воткинский завод	1903	18, 54	1, 83
11. «Сулак»	МПИТ	1903	16, 72	3, 35
12. «Стрела»	Воткинский завод	1905	11, 5	3, 2
13. «Красотка»	МПС	1906	16, 6	2, 7
14. «Сорванец»	Котякова	1912	18, 91	3, 3
15. «Шторм»	Ижевский завод	1913	8, 2	1, 83
16. «Марат»	Воткинский завод	1916	19, 05	3, 78

Из однотипных имеется всего одна пара – «Сорванец» и «Марат». Все остальные различаются между собой как движителем¹ (колеса, винт) и силовой установкой (паровая машина, ДВС), так размерениями² и мощностью. Первые барказы – это обычные заводские пароходы, только три из них в итоге стали министерскими (к указанным следует прибавить

¹ Движитель – устройство, передающее силовое воздействие от двигателя на окружающую среду.

² Размерения – главные габаритные размеры судна или корабля.

«Сорванца», который в итоге был продан МПС). Заявление, что они различались разной вставкой в корпус, по крайней мере, очень странное, поскольку все барказы имеют непохожие теоретические чертежи. В этом легко убедиться: для большинства из них чертежи внешнего вида и теоретический чертеж сохранились. Тем более в списке судов существенно меньше заявленных сорока. В таблице не приведены барказы, заложенные и построенные в советское время, а также бортовые барказы крупных пароходов. Но даже с их учетом, цифра в сорок единиц получается недостижимой.

«Барказ строился в самых разнообразных исполнениях надстройки – по желанию заказчика. Корпус судна имел корму яхтенного типа, необычную для паровых судов. В остальном, все очертания корпуса ничем не отличались от стандартных. Паровой котел был пролетного типа. В зависимости от длины судна удлинялся и барабан котла, чем увеличивалась его мощность, конструкция котла не менялась.

Паровая машина для судов всех размеров была одинаковой конструкции – двухцилиндровая (компаунд) со струйным конденсатором.

Ее мощность была в пределах от 40 до 75 индикаторных л.с. Изменялся только диаметр цилиндров для получения различных мощностей.

Для судна максимальной длины в 25 метров машина была мощностью 75 л.с., при частоте вращения 240 об/мин. Для судна наименьшей длины в 17 м мощность машины была 40 л.с., с той же частотой вращения. Винт был трехлопастный, большего, чем обычно, диаметра для таких судов – 700 мм (для меньших судов 600 мм).

Многочисленные испытания на скорость этого судна, проведенные в 1900, 1904 и в 1910 гг., показали следующие результаты: судно с корпусом в 25 метров при работе котла на мазуте показало устойчивую, длительную скорость в 28 км/ч. При работе котла на дровах скорость была 26 км/ч.

Эти показатели скорости были вообще необходимыми для того времени. Для крупных пассажирских пароходов типа «Азия», как говорилось выше, она была 22 км/ч, наивысшая из достигнутых, официально подтвержденная. Имелись неподтвержденные сведения, что некоторые барказы на Волге (на Каме не было) достигли скорости 25 км/ч. По-видимому, заводским конструкторам-чертежникам того времени удалось подойти в проекте этого судна, барказа «Воткинский завод», к некоторым оптимальным показателям, необычным для судов того времени и не вполне тогда объяснимым» (Добровольский, 2009: 48–49).

Анализируя заводскую документацию конца 1890-х гг., невозможно не обратить внимание на желание завода разработать серийный речной барказ с машиной в 6 л.с. Так, имеется чертеж «Паровая машина в 6 индикаторных сил и паровой котел для речного барказа», без даты, но на котором имеется более поздняя надпись «Рыбка» (барказ 1898 г[ода] п[остройки]) (МВЗ. Рулон 2. Д. 8). В ЦГА УР имеется «Чертеж общего вида парового барказа в 6 номинальных сил» (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 7к. Д. 131), в котором без труда угадывается барказ «Стрела». Очевидно, что определенные усилия по созданию серийного барказа все-таки предпринимались. Но все построенные барказы совершенно разные, так что уместней говорить лишь о некоторых общих элементах между ними (одинаковая машина, одинаковый котел). Но это, скорее всего, обычная тенденция для упрощения проектирования. Она применялась и для постройки более крупных судов. Так, при заказе парохода «П. Троян» Зырянову первоначально предложили проект парохода «Иван» Юрганова. И уже в ходе постройки, по просьбе заказчика, на него установили другие машины, второй котел, другую систему котла и т.п. (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 10225. Л. 15, 109). Так, первоначально однотипные пароходы в итоге получались непохожими друг на друга. Аналогично, по пожеланиям заказчиков, получались разными и другие изначально однотипные барказы.

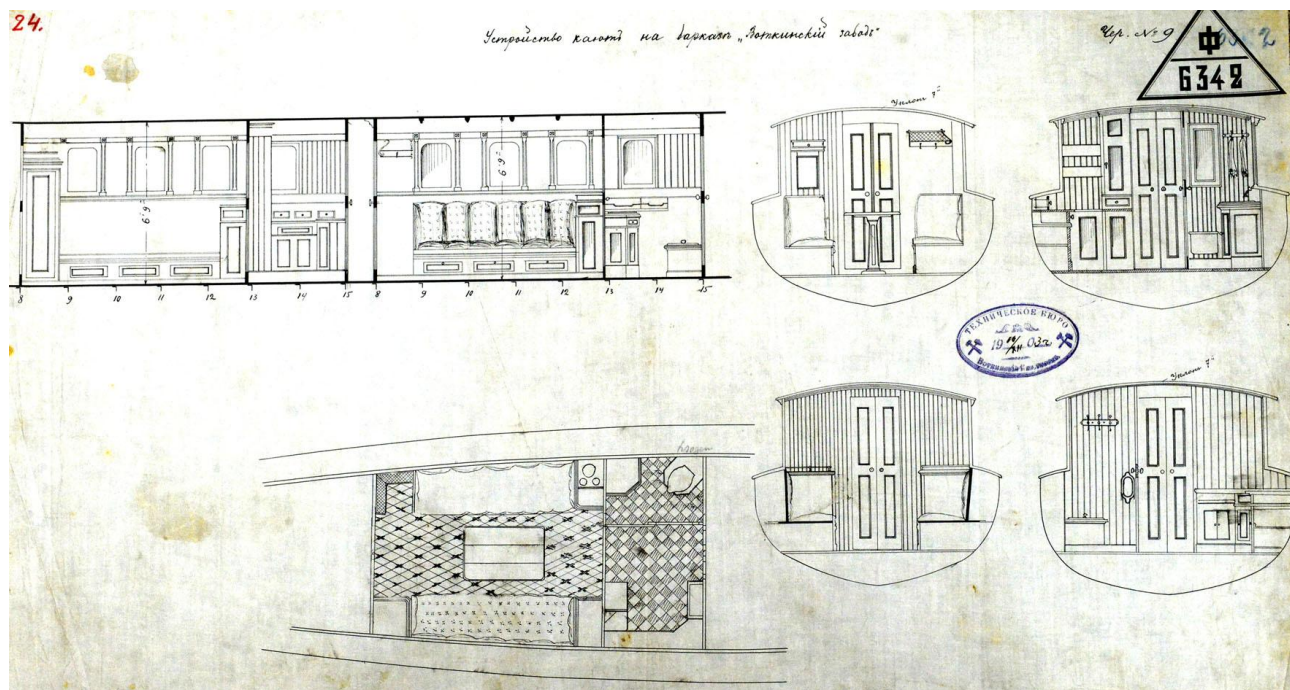
Учитывая то, что размерения и обводы¹ построенных на заводе барказов были различными, резонно предположить, что какие-то из них получались более скоростными, какие-то менее. Но в заводской документации отсутствует информация, что «Воткинский завод» обладал какими-то исключительными скоростными качествами. С 1911 г., когда завод пытался его продать, ни в одном рекламном проспекте не фигурирует информация о его выдающихся скоростных качествах.

¹ Обвод – очертания наружной поверхности судна.

«Первый экземпляр барказа “Воткинский завод” был построен в последние годы работы заводской пристани на Каме в Усть-Речке, перед переводом из Усть-Речки пристани в Галево, что-то около 1895–[18]96 гг. Он был построен как личное судно господина горного начальника, имел очень хорошую надстройку с каютами и отделкой, очень хорошую скорость, но специальным испытаниям не подвергался.

В 1904 г. его несколько переделали – был заменен гребной винт, немного увеличена мощность паровой машины. Тогда было проведено его первое полное испытание, на котором была зафиксирована скорость 28 км/ч. Испытания повторялись несколько раз, но результат остался прежним. В Галево барказ этот служил долго, участвовал в гражданской войне на Каме и сгорел в Перми в августе 1919 г. вместе со многими камскими судами, сожженными колчаковцами при их отступлении из Перми» (Добровольский, 2009: 49).

Подробнее биография барказа «Воткинский завод» уже обсуждалась в предыдущих работах (Митюков, 2014, Митюков, 2017). Он был построен в 1905 г., поэтому дата 1895–1896 гг. – явная ошибка. Очевидно, упоминание 1895–1896 гг. – это попытка разработать проект серийного барказа. Имеется чертеж, датированный 1896 г. «Паровой катер г[осподи]на помощника горного начальника» (МВЗ. Рулон 2. Д. 7). В архиве музея Воткинского завода хранятся его чертежи, в том числе и чертеж интерьера «Устройство кают на барказе “Воткинский завод”» (МВЗ. Рулон 1. Д. 23), показывающие, что он действительно мог быть барказом горного начальника (см. рис. 1). В 1911 г., очевидно после аварии, в результате которой барказ, вероятно, затонул, он был выставлен на продажу, и, судя по регистру 1917 г., был приобретен Мотовилихинским заводом (Регистр, 1917: 18–19). В 1918 г. он вошел во флотилию ВЧК, и был захвачен воткинскими повстанцами, снова вернувшись на завод. Что касается «сожжен колчаковцами», единственным пострадавшим в 1919 г. воткинским пароходом стал «Штурм» (Митюков, 2017: 51).

Рис. 1. Устройство кают на барказе «Воткинский завод» (МВЗ. Рулон 1. Д. 23). Публикуется впервые

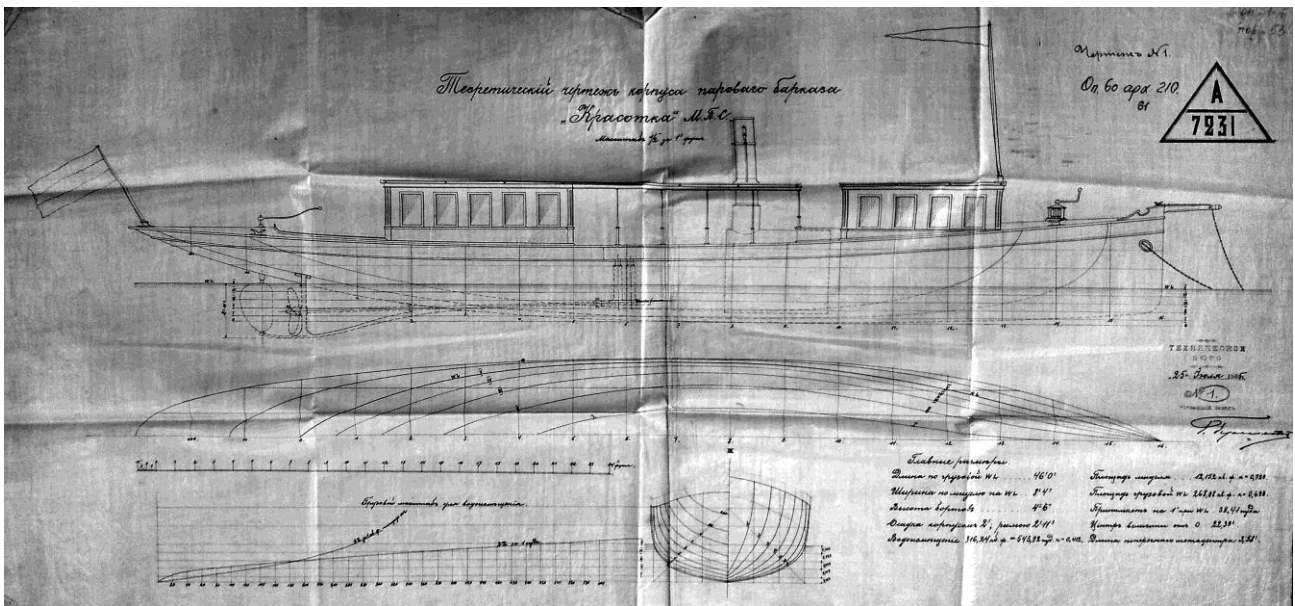
«Во время своей работы в Усть-Речке и в Галево барказ “Воткинский завод” был хорошо известен камским и волжским речникам. С разрешения парного начальника его часто предоставляли для прогулок по Каме именитым гостям и заказчикам судов на заводе. Следствием этого были многие заказы на это судно. Всего их до 1918 г. было построено 40 единиц с разнообразными надстройками и длиной корпуса от 17 до 25 м.

Среди конструкторов и судостроителей было немало споров по поводу этого судна. Большинство все же склонялись к мнению, что секрет успеха крылся в комбинации гребного винта и очертаниях корпуса судна – факторов, в которых еще по сие время есть неясности в судостроении.

Кто являлся автором проекта этого судна, тоже полной ясности нет. В конце XIX столетия, в годах 1890–1895 гг., в судовом чертежном бюро работали два немца – Александр Аляндер и Рихард Розенблат. Они были лучшими специалистами по гребным винтам. Большая часть чертежей гребных винтов в чертежном архиве были подписаны ими. Р. Розенблат считался также хорошим специалистом по корпусам судов. Оригинал чертежей корпуса барказа 1900 г. не сохранилось в чертежном архиве. Старшие по возрасту чертежники говорили, что корпус проектировали те же А. Аляндер и Р. Розенблат» (Добровольский, 2009: 49).

Заводские документы о заказах на барказы после катания на «Воткинском заводе» умалчивают. Учитывая состояние барказа, можно утверждать, что если это событие и имело место, то оно происходило в период с 1905 по 1910 гг., когда единственным заказанным барказом заводу был «Красотка». Анализируя его чертеж, можно обратить внимание на схожесть корпуса с «Воткинским заводом» (рис. 2 и 3). Причем похожи формы не только форштевня¹ и ахтерштевня², но и шпангоутов³. Явно видно, что корпус «Красотки» получился путем умножения на масштабный коэффициент корпуса «Воткинского завода». Поэтому история, рассказанная Добровольским, вероятно, базируется на реальных событиях.

Рис. 2. Теоретический чертеж барказа «Красотка» (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 7 к. Д. 53)

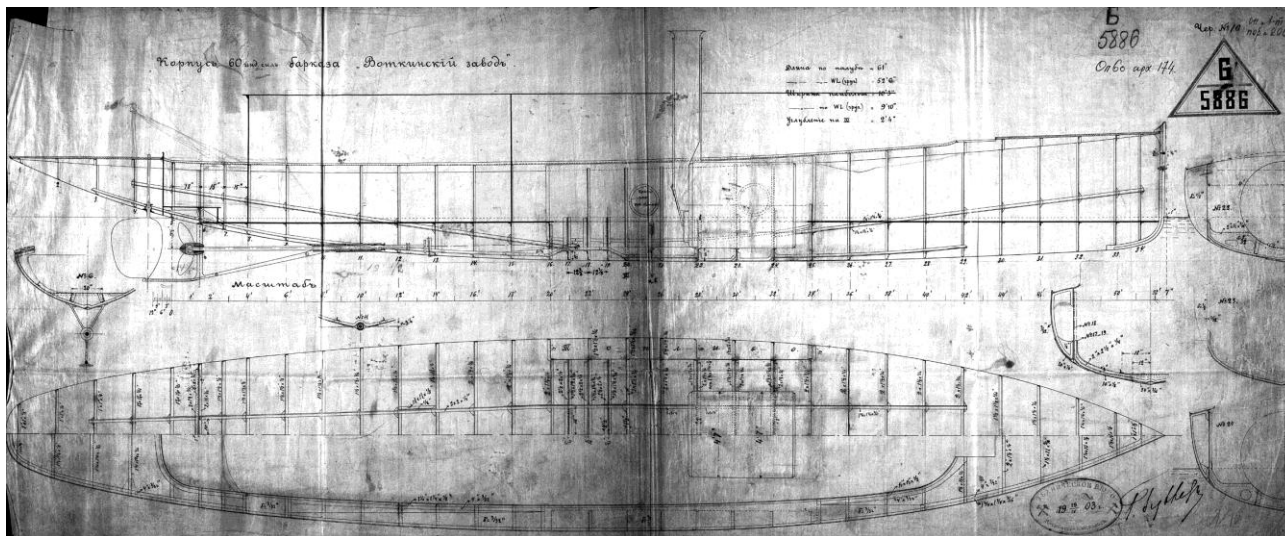
Относительно длины корпуса в 25 м, то тут автор снова ошибается. Пароход «Маштага», например, имевший длину корпуса около 25 м имеет много больше общего в конструкции с пароходом «Красноводск», чем с «Воткинским заводом».

По поводу отсутствия «оригинальных чертежей» барказа за 1900 г. мемуарист снова ошибается, что может свидетельствовать о том, что он эти чертежи в архиве не искал. Кроме приведенных на рис. 1 и 3, известен еще и чертеж общего вида барказа «Воткинский завод» (МВЗ. Рулон 1. Д. 22). Говоря о проектах «серийного» барказа, имеется например, «Паровой барказ в 6 н.с.» (МВЗ. Рулон 1. Д. 19).

¹ Форштевень – носовое продолжение киля, на которое крепится наружная обшивка корпуса.

² Ахтерштевень – задняя оконечность корабля, на которую замыкаются киль, обшивка и обычно подвешивается руль.

³ Шпангоут – бортовая балка набора судна, обычно нижним концом укрепленная на киле.

Рис. 3. Чертеж корпуса барказа «Воткинский завод» (ЦГА УР Ф. 212. Оп. 7к. Д. 200)

«Слава барказа «Воткинский завод» держалась долго. В 1940 г. директор завода Д.И. Фирсов, большой любитель Камы, решил построить катер для завода с корпусом «Воткинского завода», чертежи которого имелись в чертежном архиве. В 1941 г. этот корпус был построен (17 м), но работа не продолжалась – началась война. После победы директор завода Чеботарев решил достроить катер, чтобы иметь на Каме прогулочные судна. Работа эта была поручена мне, была выделена группа конструкторов, спецгруппа рабочих в цехе № 50 (бывший ЦМК¹). Работу быстро завершили, в июле 1945 г. катер, получивший название «Победа», был уже спущен на воду на Каме. Паросиловая установка на нем был заменена дизель-мотором мощностью 150 л.с.» (Добровольский, 2009: 50).

Далее идут описание событий, непосредственным свидетелем которых мог быть сам Добровольский. Но относительно судьбы второго «Воткинского завода» он вольно трактует события. Имеется фотография барказа неплохого качества, на борту которого отчетливо читается название «Воткинский завод» (рис. 4). С другой стороны, работами по этому барказу Добровольский ограничил описание судостроения на заводе в 1940–1950-е гг. Между тем, имеется сведения о постройке на заводе барказа «Победный», чьи характеристики также примерно совпадают с «Воткинским заводом». В послевоенное время он ходил по Волге в районе Волгограда. Вероятно, мемуарист снова пугается в фактах.

«В чертежном архиве хранился альбом чертежей малых судов, построенных заводом с начала судостроения. Это были в основном деревянные суда – яхты, парусные и гребные шлюпки, спортивные гребные суда, и позже, в 1912–1917 гг., первые моторные лодки. Основой этого комплекта чертежей были гребные суда, входившие в обязательный инвентарь построенных заводом судов – служебные, спасательные и др. Издавна на заводе при модельном цехе имела шлюпочная мастерская, выполнявшая эти работы, были специалисты, мастера и рабочие этого дела. Имелся в чертежном архиве также альбом фотоснимков этих малых судов, отлично исполненный в 1909 г. к 150-летию завода.

Судовое чертежное бюро довольно интенсивно занималось этими малыми судами. В конце предреволюционного тридцатилетия было построено немало парусных яхт и моторных лодок по различным заказам. Наиболее интересными в этой серии заказов были парусные яхты, которых завод до 1917 г. построил до 40 единиц разных типов, главным образом, по заказам частных лиц из Воткинска, Сарапула, Перми» (Добровольский, 2009: 52).

¹ Цех металлических конструкций.

Рис. 4. Барказ «Воткинский завод» в Перми 19.05.1962 г. (Форум Камского флота).

В заводской документации имеются многочисленные обращения от частных лиц с просьбой построить им деревянное судно. На что также неизменно администрация завода отвечала, что она занимается исключительно железным судостроением. Тем не менее, завод построил единственное деревянное судно – яхту для вятского губернатора князя С.Д. Горчакова. Поскольку постройка оказалась убыточной, даже по меркам завода, более практики постройки частных яхт не наблюдалось. Тем не менее, завод строил бортовые плавсредства, поскольку сдавал готовые пароходы «под ключ», вместе с необходимым имуществом. В данном случае идет подмена понятий: заводской постройки и частной постройки в Воткинске. Яхты и буера строились частниками, и к заводу все эти постройки имели весьма опосредованное отношение. Известен, например, факт, что заведующий техбюро З.В. Сумароков на свои средства построил два пассажирских катера «Радуга» и «Мираж» для перевозок по воткинскому пруду (Никитин, 2016: 78).

4. Выводы

Мемуары В.И. Добровольского представляют собой ценное свидетельство ушедшей эпохи. Они наиболее подробно и детально описывают историю воткинского судостроения. Относительно части, касающейся судостроения, целиком подтверждается гипотеза А.В. Коробейникова о двух пластах информации (Коробейников, 2014: 203). Книгу можно разделить на две части: первая описывает события, свидетелем которых мемуарист быть не мог, вторая – события, происходившие непосредственно на его глазах и с его участием. Достоверность в изложении последних значительно выше, чем первой части, в которой имеется множество нестыковок. На основании проведенного анализа можно сделать следующие выводы о привлекаемых Добровольским источниках:

1) в работе над рукописью мемуарист использовал имевшиеся на момент ее написания труды краеведческого характера. Вероятно, в первую очередь, это работа Ступишина, откуда взята цифра о 400 построенных в Воткинске судах. Упомянутые в тексте ссылки на периодические издания и архивные материалы, скорее всего, результат их поверхностного просмотра мемуаристом или использования им вторичных источников;

2) по-видимому, значительную часть информации, представленной в мемуарах, В.И. Добровольский излагает с чужих слов. Реальные события искажаются в изложении («многочисленные», а не единичные заказы после катания на барказе «Воткинский завод»), даются в неверном контексте или в неточной интерпретации (например, МПС как основной заказчик сибирских пароходов). Если в фактологии мемуаров еще можно искать рациональное зерно, то цифровые данные практически целиком искажены.

Указанные обстоятельства накладывают существенные ограничения на использование мемуаров В.И. Добровольского в качестве исторического источника. Сохраняя свою культурную и художественную ценность, они могут привлекаться для характеристики исторических событий только при условии серьезной критики, позволяющей установить степень достоверности в авторских описаниях.

Литература

Добровольский, 2009 – *Добровольский И.А.* Воткинский завод на рубеже эпох. Заметки конструктора. Воткинг: МП МИИЦ, 2009. 400 с.

Добровольский, 2014 – *Добровольский И.А.* Река Кама в истории Воткинского завода. Заметки конструктора. Воткинг: [Б.и.], 2014. 132 с.

Коробейников, 2014 – *Коробейников А.В.* Гражданская война в Прикамье по книге краеведа И.А. Добровольского // *Иднакар: методы историко-культурной реконструкции*. 2014. № 8 (25). С. 203–234.

Matveev, 2014 – *Matveev D.V.* First Steamers of Kamsk-Votkinsk Ironworks // *European Researcher*. 2014. Т. 80. № 8–1. С. 1440–1447.

МВЗ – Архив Музея ГПО «Воткинский завод»

МИКВ – Архив Музея истории и культуры города Воткинска

Митюков, 2014 – *Митюков Н.В.* Буксирный баркас «Воткинский завод» // *Иднакар: методы историко-культурной реконструкции*. 2014. № 6 (23). С. 194–199.

Митюков, 2017 – *Митюков Н.В.* Барказы Воткинского завода в книге И.А. Добровольского // *Восточно-Европейский научный вестник*. 2017. № 2. С. 50–54.

Митюков, Матвеев, 2017 – *Митюков Н.В., Матвеев Д.В.* Реконструкция номеров заказов судостроительного цеха Воткинского завода первого десятилетия XX в. // *Восточно-Европейский научный вестник*. 2017. № 3. С. 38–41.

Никитин, 2016 – *Никитин О.* Судостроение на Воткинском заводе в конце XIX – начале XX веков // *Витиль*. 2016. № 5. С. 5–45.

Регистр 1917 – Список судов речного флота по переписи 1916–17 гг. Бассейн реки Волги. Суда с механическим двигателем. М.: Статчасть Главного управления водного транспорта (ГЛАВОД), Высшего совета народного хозяйства РСФСР, 1919.

Регистр, 1926 – Регистр Союза ССР. Список речных судов. Составлен по данным Местных Бюро Регистра Союза ССР на 1 марта 1926 г. / Под ред. инж. Н.Я. Волпянского. М.: Транспечать, 1926. 503 с.

Регистр, 1927 – Регистр Союза ССР. Список речных судов. Бассейны рек: Днепра и Буга, Дона и Кубани, Сибирских и Средне-азиатских рек. Рыбинск, 1927.

Ступишин, 1959 – *Ступишин В.Н.* Воткинские были: исторические очерки, 1759–1959. Ижевск: Удмуртское книжное изд-во, 1959. 246 с.

Судовой список, 1904 – Судовой список 1904 г. СПб., 1904. 412 с.

ЦГА УР – Центральный государственный архив Удмуртской Республики

Mitiukov et al., 2017 – *Mitiukov N.W., Matveev D.V., Semenov A.S.* Votkinsk's shipbuilding during the First World War. Reconstruction and analysis of the structure of military orders // *Bylye Gody*. 2017. № 2 (44). С. 644–652.

References

Dobrovolskij, 2009 – *Dobrovolskij I.A.* Votkinskij zavod na rubezhe jepoh. Zаметki konstruktora [Votkinsk plant at the turn of the ages. Designer notes]. Votkinsk: MP MIIC, 2009. 400 p. [in Russian].

Dobrovolskij, 2014 – *Dobrovolskij I.A.* Reka Kama v istorii Votkinskogo zavoda. Zаметki konstruktora [The Kama river in the history of the Votkinsk plant. Designer notes]. Votkinsk: [s.n.], 2014. 132 p. [in Russian].

Korobejnikov, 2014 – *Korobejnikov A.V.* Grazhdanskaja vojna v Prikam'e po knige kraevede I.A. Dobvol'skogo [Civil war in Prikamye according to the book of local lore I.A. Dobrovolsky] // *Idnakar: metody istoriko-kul'turnoj rekonstrukcii*. 2014. № 8 (25). pp. 203–234 [in Russian].

Matveev, 2014 – *Matveev D.V.* First Steamers of Kamsk-Votkinsk Ironworks // *European Researcher*. 2014. Vol. 80. № 8-1. pp. 1440–1447.

MVZ – Arhiv Muzeja GPO “Votkinskij zavod” [Archive of the Museum of State Enterprise “Votkinsk Plant”]

MIKV – Arhiv Muzeja istorii i kul'tury goroda Votkinska [Archive of the Museum of History and Culture of Votkinsk]

Mitjukov, 2014 – *Mitjukov N.V.* Buksirnyj barkas “Votkinskij zavod” [Tugboat “Votkinsky zavod”] // *Idnakar: metody istoriko-kul'turnoj rekonstrukcii*. 2014. № 6 (23). pp. 194–199 [in Russian].

Mitjukov, 2017 – *Mitjukov N.V.* Barkazy Votkinskogo zavoda v knige I.A. Dobrovolskogo [Boats of Votkinsk factory in the book I.A. Dobrovolsky] // *Vostochno-Evropejskij nauchnyj vestnik*. 2017. № 2. pp. 50–54 [in Russian].

Mitjukov, Matveev, 2017 – *Mitjukov N.V., Matveev D.V.* Rekonstrukcija numerov zakazov sudostroitel'nogo ceha Votkinskogo zavoda pervogo desjatiletija XX v. [Reconstruction of order numbers of the shipbuilding workshop of the Votkinsky plant of the first decade of the 20th century] // *Vostochno-Evropejskij nauchnyj vestnik*. 2017. № 3. pp. 38–41 [in Russian].

Nikitin, 2016 – *Nikitin O.* Sudostroenie na Votkinskom zavode v konce XIX – nachale XX vekov [Shipbuilding at the Votkinsk plant in the late XIX – early XX centuries] // *Vitil'*. 2016. № 5. pp. 5–45 [in Russian].

Registr, 1917 – Spisok sudov rechnogo flota po perepisi 1916–17 gg. Bassejn reki Volgi. Suda s mehanicheskim dvigatelem [List of ships of the river fleet according to the census of 1916–17. Basin of the Volga River. Vessels with a mechanical engine]. Moscow: The statistical part of the Main Administration of Water Transport, the Supreme Council of the National Economy of the RSFSR, 1919 [in Russian].

Registr, 1926 – Registr Sojuza SSR. Spisok rechnyh sudov. Sostavlen po dannym Mestnyh Bjuro Registra Sojuza SSR na 1 marta 1926 g. [Register of the USSR. List of river vessels. Compiled according to the data of the Local Bureau of the Register of the USSR on March 1, 1926] / Ed. by N.Ja. Volpjansky. Moscow: Transpechat', 1926. 503 p. [in Russian].

Registr, 1927 – Registr Sojuza SSR. Spisok rechnyh sudov. Bassejny rek: Dnepra i Buga, Dona i Kubani, Sibirskih i Sredne-aziatskih rek [Register of the USSR. List of river vessels. River basins: Dnieper and Bug, Don and Kuban, Siberian and Middle Asian rivers]. Rybinsk, 1927 [in Russian].

Stupishin, 1959 – *Stupishin V.N.* Votkinskie byli: istoricheskie ocherki, 1759–1959 [The Votkinskys were: historical essays, 1759–1959]. Izhevsk: Udmurt publishing house, 1959. 246 p. [in Russian].

Sudovoj spisok, 1904 – Sudovoj spisok 1904 g. [Ship list 1904]. S. Petersburg, 1904. 412 p. [in Russian].

CGA UR – Central'nyj gosudarstvennyj arhiv Udmurtskoj Respubliki [Central State Archives of the Udmurt Republic]

Mitiukov, Matveev, Semenov, 2017 – *Mitiukov N.W., Matveev D.V., Semenov A.S.* Votkinsk's shipbuilding during the First World War. Reconstruction and analysis of the structure of military orders // *Bylye Gody*. 2017. № 2 (44). pp. 644–652 [in Russian].

УДК 94 (47).083

Мемуары И.В. Добровольского как исторический источник по воткинскому судостроению

Николай Витальевич Митюков ^{а,*}

^а Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований, Российская Федерация

* Corresponding author

E-mail address: nico02@mail.ru (И.В. Митюков)

Аннотация. Мемуары И.А. Добровольского представляют собой одну из наиболее значимых работ по истории воткинского судостроения. По детальности и подробности описания они не имели аналогов. Проведенный анализ мемуаров показал, что в них сочетаются два пласта информации: тому, чему мемуарист был непосредственным свидетелем, и то, что он почерпнул из других источников.

Анализ заимствований показал, что мемуарист практически не использовал архивные данные. Все приведенные прямые ссылки на архивные документы не точные или явно ложные. Вероятно, основой фактологической базы мемуаров стали устные предания, со свойственными этому виду источника недостатками. Упоминаемые реальные события мемуаристом искажаются в изложении (многочисленные, а не единичные заказы после катания на барказе «Воткинский завод»), даются в неверном контексте (причины популярности сибирских пароходов), или в не точной интерпретации (МПС как основой заказчик сибирских пароходов). Большинство приведенных И.А. Добровольским цифр и дат при проверке также оказываются искаженными.

Указанные обстоятельства позволяют утверждать, что в части описания событий, свидетелем которых мемуарист быть не мог, обладают исключительно культурной и литературной ценностью.

Ключевые слова: Воткинск, судостроение, история, И.А. Добровольский, мемуары.

Copyright © 2017 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Slovak Republic
 Russkaya Starina
 Has been issued since 2010.
 ISSN: 2313-402x
 E-ISSN: 2409-2118
 2017, 8(2): 143-153

DOI: 10.13187/rs.2017.2.143
www.ejournal15.com

UDC 93/929

Family Group against a Background of the End of the Empire: Gorinovs from Khutor Bokov. Part 1

Tatyana Yu. Vlaskina ^{a,*}

^a Institute for Social and Economic Research and Humanities of the Southern Scientific Center, Russian Academy of Science, Russian Federation

Abstract

The article deals with the anthropological aspects of the history of Russian revolutions. Primary focus is on the life of railway engineer N. Gorinov, a native of the provincial merchant family. The example of the Gorinovs reveals the unrealized prospects for peaceful evolution in the social and economic development on the Don that took place at the turn of the 19th and 20th centuries, examines the possible motives for the personal political choice faced by family members during the events of the Revolution and the Civil War.

The first part represents the life story of the Gorinovs until the middle of 1915, characters and relations between family members. The main theme of the second part is the young man's perception of the First World War events and the changes that are taking place with him. The study is based on the documents of the family archive.

Keywords: mikrohistory, letters, Khutor Bokov; small-scale wholesale commerce, railway engineer; Petrograd; First World War.

1. Введение

С течением лет научные и общественно-политические дискуссии вокруг трагических событий начала XX в. в России не только не утихают, но и получают новые векторы развития. Проблемное поле эпохи русских революций включает как обращение к глобальным процессам, так и микросюжеты – семейные и личные истории, которые позволяют увидеть события глазами современника, проследить судьбы страны в биографиях «простых» людей. Историография огромна, но микроисторическое направление в отечественной науке все еще можно назвать развивающимся, хотя оно и представлено сегодня не одним десятком работ. Спустя сто лет все еще актуален вопрос, каким образом близкие люди оказываются «по разные стороны баррикад». В небольшом очерке сложно прийти к глобальным ответам, но можно попытаться уловить признаки личностных трансформаций, переживаемых скромными героями эпохи в контексте неумолимо меняющейся предреволюционной повседневности.

* Corresponding author
 E-mail addresses: vlaskiny@mail.ru (T.Yu. Vlaskina)

2. Материалы и методы

Мы рассмотрим несколько сюжетов из жизни Гориновых, обывателей хутора Бокова Донецкого округа Области войска Донского, преобразованного в 1918 г. в станицу Боковскую. Основной источник сведений – небольшой семейный архив: деловые бумаги и личная переписка за период с 1 января 1888 г. по 8 ноября 1916 г., всего 27 документов. Пакет с бумагами был обнаружен в 80-е годы XX в. при ремонтных работах. Сейчас они хранятся в Боковском краеведческом музее (далее – БКМ). В музее также хранится копия рукописи местного уроженца А.Д. Красноглазова, которую автор назвал «краткой историей Боковского района», мы обращались к ней за дополнительной справочной информацией.

Следует уточнить, что Красноглазов использовал иной вариант написания фамилии – «Горины», при этом нет никаких сомнений, что речь идет об одной и той же семье. Возможно, краевед хотел подчеркнуть не казачье происхождение рода Гориных–Гориновых, имея об этом обоснованное мнение: в своей рукописи он упоминает Гориных среди крепостных отставного войскового есаула Никифора Астахова, который в 1758 г. основал при своей усадьбе на р. Криуше поселок Кривско-Астаховский (Красноглазов, 1971: 80¹). О том, что оба варианта написания фамилии правомерны, свидетельствует их сохранение в родственной переписке. Так, один из братьев, проживающий вдали от родины, подписывается «Горин», в то время как другой, остающийся в родном хуторе, именуется исключительно на казачий манер «Гориновым». Видимо, разночтения в именовании членов одной и той же семьи – это отголоски типичных для донских станиц процессов адаптации иногородних. Мы будем придерживаться основного источника: в документах фамилия героев исследования употребляется в традиционной донской огласовке.

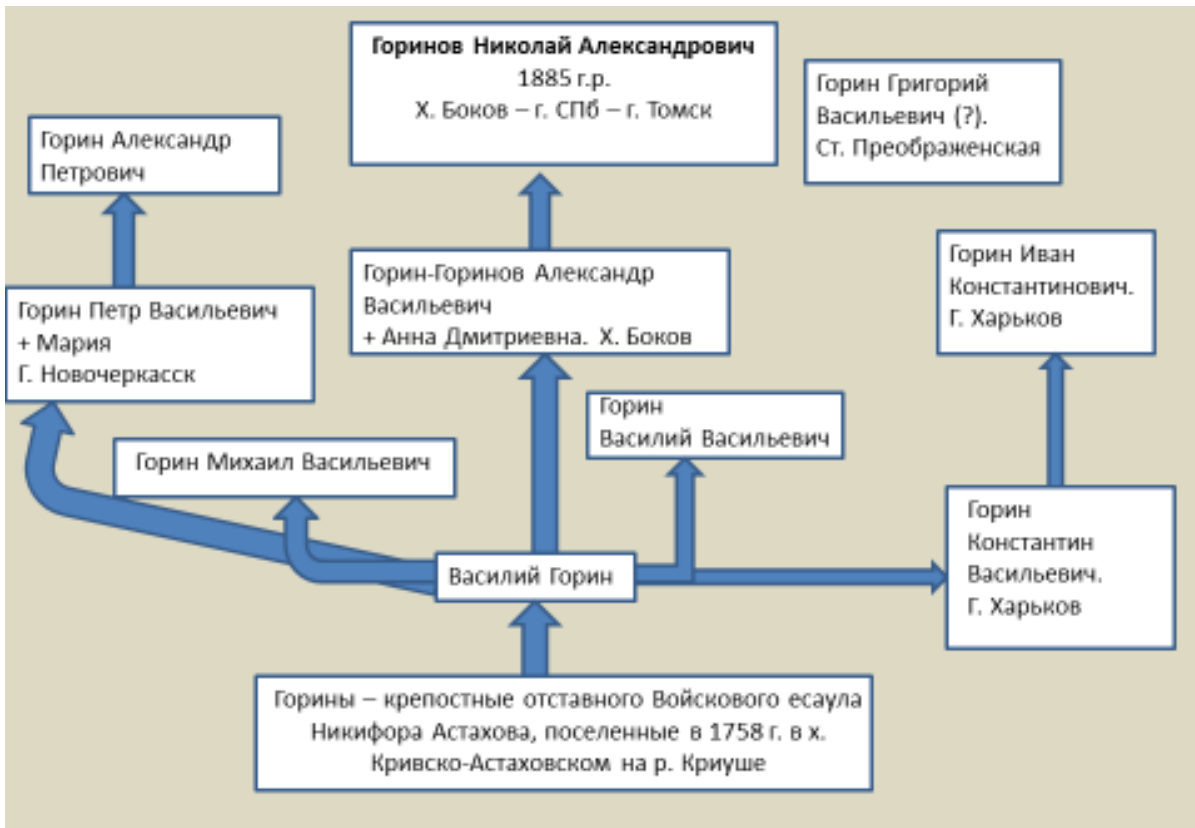
3. Обсуждение и результаты

В тот период, о котором пойдет речь, ветвь Гориновых, проживавшая непосредственно в хуторе Бокове, состояла из трех членов: главы семьи, который в собственноручной записи от 2 августа 1901 г. представляется следующим образом: «Мещанин Александр Васильевич Горинов, торгующий по промысловому свидетельству в хуторе Боковом О.В.Д.»² (БКМ. ОФ. КП. Л. 1734об.), а также его супруги Анны Дмитриевны и сына Николая. А.Д. Красноглазов пишет, что жену «купца Горина» звали Александрой Петровной, что, видимо, ошибочно, поскольку обращение «Анна» и «Анна Дм.» фигурирует в личной переписке (БКМ. ОФ. КП. Л. 1737 об., 1738). В письмах упоминаются и другие родственники. Судя по подписям и обращениям, это братья Александра Васильевича – Петр Васильевич, Константин, Василий и Михаил, а также Саша, вероятно, сын Петра, и Ваня – сын Константина. Однако сведения о них отрывочны и информации немного. Известно, что Константин и Ваня перед войной жили в Харькове, еще один из братьев в 1914 г. имел дом или квартиру в Миллерово, а Петр с супругой в ноябре 1916 г. переехали откуда-то в Новочеркасск. Где проживали другие Горины – Гориновы, точно не указано, но судя по всему, не в Бокове. Имеются не очень внятные сведения о родственниках в станице Преображенской, а также о родных или близких друзьях в Петрограде. Родственные отношения между собой все они в большей или меньшей степени поддерживали, но участия в торговых делах Александра Васильевича, видимо, не принимали. Последнее, кстати, свидетельствует в пользу не слишком глубоких корней гориновского купечества.

¹ Место хранения оригинала не установлено. Здесь и далее ссылки даны по машинописной копии, хранящейся в Боковском районном краеведческом музее [б. н.].

² При цитировании сохраняются орфография и пунктуация первоисточника.

Рис. 1. Родословная семьи Гориновых

Обратимся теперь к более детальному изучению наших главных героев.

В рукописи А.Д. Красноглазова сказано, что Горин Александр Васильевич «был самый главный купец в хуторе Боковском» (Красноглазов, 1971: 38). Он вел розничную и мелкооптовую торговлю мануфактурой, галантерейными и кожевенными товарами, бакалеей, кондитерскими изделиями, сельскохозяйственным инвентарем и строительными материалами. В Боковской до сих пор бытует мнение, что семья Гориновых успешно занималась торговлей еще с XVIII в. Эта информация, в частности, включена в экскурсионный текст к специальной экспозиции, открытой в 2015 г. в Боковском краеведческом музее (Лекция «Письма Гориновых. История и судьбы», 2017). Однако прямых подтверждений тому, что мы имеем дело с купеческой династией, нет, а предположительно крепостное состояние предков-первопоселенцев в середине XVIII в., о чем было упомянуто выше, делает подобную вероятность еще более сомнительной, хотя и не исключает полностью. А.В. Горинов, по всей видимости, относился к группе иногородних купцов, которые, выделяясь из мелких торгово-промышленников, стали в 80-е гг. XIX в. одним из «двигателей торговли на Дону» (по выражению С.Ф. Номикосова), заметно потеснив на этом поприще привилегированную когорту казаков торгового общества.

Возможно, вплоть до Первой мировой войны предприятие во многом сохраняло традиционный характер, но наряду с этим расширялось и модернизировалось, о чем свидетельствует довольно большое количество нанятых доверенных лиц. По свидетельству А.Д. Красноглазова, перед революцией Горинов держал до 15 человек приказчиков и несколько лавок (Красноглазов, 1971: 38). Это выгодно характеризует деловые возможности Горинова: еще в 30-е гг. XIX в. в России в среднем только один из четырех купцов мог позволить себе иметь приказчика. Количество работников увеличивалось по мере усложнения торговых сетей (Торговля, 2009). Причем развитие штата наемных торговых агентов и управляющих активнее происходило там, где плотность населения была невелика и требовалось одновременно держать большое количество рассеянных мелкорозничных точек и, наряду с доставкой оптовых партий импорта, проводить местные закупочные экспедиции, – то есть, не в экономических центрах страны, а как раз на

окраинах, к которым, безусловно, относилась и Область войска Донского (Номикосов, 1884: 552). Например, среднее количество приказчиков у сибирских купцов ко второй половине XIX столетия выросло до нескольких десятков человек (Торговля, 2009).

Деловые бумаги позволяют примерно оценить и другие особенности предпринимательской деятельности А.В. Горинова на рубеже XIX–XX вв. Это не только торговля из постоянных лавок и магазинов, но и систематическое участие в ярмарках, проводившихся по праздничным и воскресным дням, значимых как в региональном, так и во всероссийском плане. К первой категории относится весьма заметная в экономической жизни Области войска Донского Казанская ярмарка в слободе Ильинке 2-го Донского округа. Она упомянута в письме от 27 января 1888 г. (БКМ. ОФ. КП. Л. 1735), а С.Ф. Номикосов отмечает рост ее популярности как раз с 80-х гг. XIX в. (Номикосов, 1884: 555). По крайней мере, до лета 1915 г. А.В. Горинов – постоянный участник наиболее важного из всероссийских коммерческих событий – Нижегородской Макарьевской ярмарки, а также крупнейших южнороссийских торжищ, проходивших в ст. Урюпинской на Покров и Крещенье (БКМ. ОФ. КП. Л. 1734, 1738).

Горинов определенно играл заметную роль в местной торговой иерархии. Он закупал крупные партии промышленных товаров в Москве и Нижнем Новгороде, а затем сбывал на больших региональных ярмарках менее состоятельным купцам, практикуя, по всей видимости, продажу в кредит и выдачу задатков под поставку местной сельскохозяйственной и кожевенной продукции. Часть опта оставалась для собственных постоянных розничных точек, а продукция местного производства вывозилась за пределы региона. Расширяя свою деятельность, Горинов не раз возглавлял временные купеческие компании и паевые товарищества, что свидетельствует и об определенном авторитете среди местного купечества, и о сравнительно небольшом, по крайней мере, в начальный период, собственном капитале. В качестве примера можно привести письмо от одного из деловых партнеров и товарищей Горина Н. Сидорова, в котором он просит взять его в компанию для участия в Урюпинской ярмарке, оставляя на усмотрение Александра Васильевича организацию поездки: «Только главное мне хотелось бы поехать с тобой. Так вот как бы нам устроить эту совместную поездку: Спречься бы что ли или <неразб.> как-нибудь придумай пожалуйста и сейчас же пришли в мой счет нарочного как ехать и когда, надо пораньше. Придумай пожалуйста, бра[тец] и сейчас же пришли нарочного» (БКМ. ОФ. КП. Л. 1737).

Исчисление по отрывочной текущей документации размера собственного капитала и средств, вращающихся в торговом посредничестве, – задача практически не решаемая. На эту проблему указывал, в частности, С.Ф. Номикосов, отмечая, что затруднения в подсчетах связаны с традиционной торговой этикой, позволявшей купцам объявлять капитал, исходя не из реальных цифр, а из собственной выгоды. Кроме того, торговля большинства иногородних и мелких предпринимателей была основана на кредитах, выдаваемых за пределами области, и лишь часть информации о ней проходила по внутривойсковой документации (Номикосов, 1884: 553–554). Динамика деловой активности Горинова видна из увеличения объема кредитных средств, фигурирующих в разовых платежных документах: от сумм менее 100 руб. в 1888 г. до 2,5 тыс. рублей в конце 1901 г. За тот же период сокращается и время оборота капитала: от 8 до 4,5–3 месяцев. (БКМ. ОФ. КП. Л. 1735, 1736). То есть за 10–12 лет Горинов стал делать вместо одного оборота капитала в год два и более. Ускорение оборота средств в этот период во многом было связано со строительством южной железнодорожной сети, которая позволила вести торговлю с меньшим оборотным капиталом и закупать товар непосредственно у производителей, сокращая количество посредников.

Таким образом, обеспечивалась интеграция Области войска Донского во всероссийский рынок, развивался внутриобластной обмен между крупными и мелкими населенными пунктами. В России рубежа XIX–XX вв. значение предпринимательства такого масштаба и разнообразия всемерно возрастало. Это было связано с глобальной интенсификацией экономики и купцы «гориновского типа» одновременно являлись как условием, так и своеобразным продуктом данного процесса.

Рис. 2. География торговых операций А.В. Горинова в 1888–1916 гг.

Объем разовых торговых операций А.В. Горинова накануне Первой мировой войны варьировался от нескольких десятков рублей до нескольких тысяч. Успешное ведение дел – а Александр Васильевич, судя по мнению о нем, был вполне успешен – предполагало ежегодное проведение сотен подобных акций (Номикосов, 1884: 555). Для предпринимателя из сельской глубинки это был солидный размах, который позволял членам семьи вести обеспеченную жизнь, по всей видимости, заметно отличавшую их от рядового казачье-крестьянского окружения.

Стоит заметить, что характер этой обеспеченности не имел ничего общего с бездумными роскошествами нуворишей. Горины сохраняли в быту разумную бережливость. Примером может служить, в частности, просьба сына, который к тому времени уже около года занимал солидную должность в столице, к матери, собиравшейся его навестить: «Дорогая мама, когда будешь ехать то захвати для меня [если] есть подушку одну небольшую, какая у меня имеется и одну или две простыни, а также варенья» (БКМ. ОФ. КП. Л. 1756). Даже если мы отнесем просьбу о варенье к тоске по родному дому, останутся еще простыни и подушка, перевозка которых сэкономила всего несколько копеек, но привычный практицизм не позволял молодому человеку обзавестись всем необходимым на месте, если была хоть какая-то возможность отложить деньги для более важных дел.

Подобным же образом можно оценивать и саму идею поездки А.Д. Гориновой в Петроград: пользуясь правами члена семьи служащего железной дороги, она едет по льготному билету. Без сомнений, это было предложение сына, гордого своим не слишком давно приобретенным статусом. Но думается, что здесь родительское тщеславие сильно замешано на удовольствии от экономической выгоды, тем более что глава семьи был уже достаточно искушен в дальних поездках: они давно стали для него рутинной. В связи с желанием воспользоваться льготой, потребовалась достаточно сложная процедура оформления документов, что сдвинуло мероприятие примерно на полтора месяца. Кроме того, пришлось изменить маршрут следования, из-за этого существенно увеличилось время в пути. Произошла досадная корректировка планов. Поездка, обдуманно приуроченная к Пасхе (вероятно, к выходным сына и праздничным распродажам), была смещена на майские будни, а удовольствие от дорожного быта вагона II класса, и без того

сомнительное для немолодой женщины, растянулось на несколько лишних суток. При этом ехать, видимо, пришлось без дополнительных удобств, поскольку плацкарта особыми условиями не предусматривалась – ее пришлось бы оплачивать самостоятельно. Однако преимущества бесплатного проезда перевесили все неприятности.

Разумная трата денег была связана, например, с такими вещами как забота о здоровье. В одном из писем, которое Александр Васильевич отправляет домой из Москвы, он сообщает жене, что чувствует себя хорошо и не видит необходимости в посещении доктора: «Анна! Я здоров и благополучен. <...> Завтра поеду в Нижний, к доктору еще не ходил да не знаю зачем идти» (БKM. ОФ. КП. Л. 1738). Видимо, супруга настаивала, чтобы Горинов, пользуясь своими деловыми поездками, профилактически наблюдался у столичных врачей, а его, как человека занятого, это раздражало. Для обывателей хутора, где на тот момент не было даже фельдшера, подобная возможность – доказательство высокого уровня жизни.

Нормой были одежда и обувь хорошего качества: их изготавливали на заказ или покупали. Причем запросы Гориновых в этой сфере также выдают привычки не сельских жителей, а горожан со средствами. Супруга одевается у модисток Петрограда: в письмах упоминается покупка готового осеннего пальто, шитье платья на заказ и какая-то «другая одежда». Брат Петр описывает предпочтения супруги и собственные более подробно: «Мне нужно на летний жакет материю “альпача” серого цвета (светлого или темного); я в последние года ношу летом жакетку из этой материи, и она мне нравится: и прочная и приличная и не требует мойки. К жакету и брюки летние подходящие нужны бы, <...> Мане нужно на костюм материи сукна тонкого или шевиота черного цвета или темно-синего. По цене и мое и манино лучше по дорожке, лишь бы хорошее, добротное» (БKM. ОФ. КП. Л. 1733).

Но важнейшей «стратегической» статьёй расходов стало образование сына. Время для реализации выходцем из податного сословия тяги к просвещению было удивительно благоприятным: с отменой крепостного права, ускорением технического прогресса, развитием земских институтов и прочих веяний модернизации открывались невиданные ранее возможности, которым немало способствовал нажитый А.В. Гориновым капитал.

Родившийся в 1885 г., Николай Александрович определенно отправился в свой самый первый класс в 7-летнем возрасте, а получил диплом о высшем образовании и занялся приисканием места в возрасте 29 лет. Путем простых подсчетов можно установить, что в общей сложности, молодой Горинов учился 22 года. Он последовательно освоил ступени провинциальной системы гражданского просвещения – от 2-х классной начальной школы в хуторе Бокове до Коммерческого технического училища.

Получив начальную подготовку, далее учился он, вероятнее всего, в Ростове, где на средства местного купеческого общества в 1900 г. было открыто Ростовское коммерческое мужское училище. Однако не исключено, что юноша получил среднее образование в Харькове: там с 1893 г. действовало старейшее из российских Коммерческих училищ, но главное – проживала семья дяди Константина Васильевича (Краткий очерк, 1894).

Затем Николай Горинов поступает в вуз, о котором известно, что он находился в Санкт-Петербурге, и выходит инженером-путейцем – представителем едва ли не самой уважаемой и романтической профессии эпохи промышленной механизации. Возможно, выбор молодым Гориновым профессионального пути стал воплощением мечты его отца, который во многом был обязан своим процветанием железным дорогам.

В предвоенный период получить такую специализацию можно было в нескольких учебных заведениях северной столицы. Старейшим и наиболее авторитетным из них был Санкт-Петербургский государственный институт инженеров путей сообщения Александра I (сокращенно – ПГИИПС), куда принимались лица со средним и высшим образованием. С большой степенью вероятности можно предположить, что это и есть *alma mater* нашего героя. Со времени основания Институт имел военизированный закрытый характер, здесь могли учиться только дворяне, получавшие вместе с дипломом инженером офицерский чин. Но в 1864 г. Институт стал открытым учебным заведением с годовой платой в 100 руб. и несколькими вариантами материальной поддержки успевающих студентов (ПГУПС. История, 2017).

В отличие от преимущественно трехгодичных программ Петербургского горного училища, Технологического института, Строительного училища гражданских инженеров,

также готовивших кадры для железных дорог, обучение в ПГИПС накануне Первой мировой войны было рассчитано на 5 лет. Как раз столько учился в Санкт-Петербурге Горинов: став студентом в 1909 г., он заканчивает вуз в 1914 г.

В поисках применения своим знаниям и талантам молодой инженер обращается в несколько инстанций, включая Военное интендантство, и внезапно делает поистине головокружительную карьеру. «Дорогой папа, наконец должен Вас обрадовать и сообщить, что я поступил на место на Московско-Винаво-Рыбинскую дорогу в Управление – стоило много труда и хлопот. Служу с 12 сентября и должен сказать, что служба мне нравится <...> но взвалили на меня слишком большую сразу ответственность. Я заведую отделом топлива, т.е. снабжением и приемкой угля, нефти, дров и т.д. Все время приходится вести дела с поставщиками на десятки и сотни тысяч рублей. Начальство мое относится пока ко мне весьма предупредительно и любезно» (БKM. ОФ. КП. Л. 1750).

В контексте начинающейся войны управление топливным обеспечением Московско-Виндавско-Рыбинской железной дороги означало ответственность за главную транспортную артерию Северо-Западного фронта. Это еще одно обстоятельство, которое убеждает в справедливости наших предположений: вряд ли молодой специалист без опыта работы смог бы устроиться на подобное место, имея менее престижный диплом. А в начале XX в. именно в Санкт-Петербургском Институте инженеров железнодорожного транспорта существовала особая управленческая специализация, позволявшая выпускникам занимать ответственные должности (Истоки, 2017).

Таким образом, осенью 1914 г. Николай Александрович Горинов обосновывается в Петрограде. Он занимает рабочий кабинет в здании правления Московско-Виндавско-Рыбинской железной дороги на Александринской площади (ныне площадь Островского, дом 2, Управление Октябрьской железной дороги), снимает квартиру на Васильевском острове в доме 10/53 на углу Пятнадцатой линии и Большого проспекта – этот дом также сохранился, пользуется дачей на станции Тайцы, расположенной между Красным Селом и Гатчиной, – ведет жизнь солидного служащего, с наслаждением погружаясь в бурную повседневность предреволюционной столицы. Чего точно нет в планах молодого человека, так это женитьбы: подойдя к 30-летнему рубежу, он, похоже, еще не задумывается о создании семьи, а, возможно, и считает ее пережитком. Все его помыслы занимают служебные и общественные перспективы.

Мать семейства – Анна Дмитриевна, о которой мы можем судить преимущественно по письмам сына, – выглядит предметом снисходительной, а порой и придиричьей заботы родных. Мы почти ничего не знаем о ее повседневных домашних интересах и обязанностях, но те выходы за пределы семьи, которые отражены в переписке, вызывают у сына и мужа бурную сопроводительную деятельность. К таким событиям относится, например, уже упомянутая выше поездка в Петроград.

Письма, предваряющие путешествие, содержат подробную пошаговую инструкцию касательно регистрации документов, поведения на вокзалах, в поездах, вплоть до прибытия на место: «Предъявляя в кассу билет надо сказать: “прошу проштемпелевать”, а лучше первый раз (т.е. в Миллерово) дать носильщику – он знает как это делается. А потом уж можно и самой. Впрочем пусть мама в Миллерово у кассира расспросит как ездят по бесплатным билетам и он ей все объяснит на словах. Если пожелает взять плацкарту. То за нее конечно, надо платить. В Петроград мама придет не на Николаевский вокзал, а на Виндовский или как он называется на Царскосельский. Т.е. туда, где я служу. Если бы я почему-либо не встретил ее, как например вышло с тобой то пусть пошлет носильщика за мной которому пусть скажет: “сходи в Управление и попроси сюда на вокзал инженера Горинова”. Или еще лучше так. Я прилагаю при сем в Конверте мою карточку. Пусть пошлет ее мне с носильщиком и я через 5 минут буду на вокзале, но это при условии если она придет в Петроград не раньше 10 час[ов] утра и не позже 4 ч[асов] дня» (БKM. ОФ. КП. Л. 1756).

Пребывание в Петрограде и возвращение обратно в хутор Боков также описывается и живо обсуждается. Помимо вполне естественного беспокойства о благополучном завершении такого далекого и, судя по всему, непривычного для Анны Дмитриевны путешествия, некоторые ремарки указывают на переживания иного рода: «Сегодня мама с дачи ездила с Софьей Михайловной в Петроград и произвела некоторые покупки. Заказала

платье и купила пальто осеннее, а также и некоторой другой одежды» (БКМ. ОФ. КП. Л. 1757); «Денег она истратила здесь изрядно, но все на такие вещи, которые необходимы. Если же принять во внимание ее резкие выпады, то истрачено, пожалуй, и не так много. Поездкой и пребыванием в Петрограде, я думаю, она довольна» (БКМ. ОФ. КП. Л. 1758). То есть, сын отчитывается перед отцом о покупках матери, видимо, в связи с подозрениями в неоправданных тратах. О том, что эти попытки контроля предпринимаются не впервые и вызывают негодование матери, свидетельствуют упомянутые вскользь «ея резкие выпады» – экспрессивное выражение, употребленное вместо нейтрального «объяснения» или «доводы».

Другой пример несколько высокомерного или, может быть, покровительственного отношения, содержится в письме первых дней войны. Молодой человек строго вопрошает, что мать делает для помощи фронту и, приводя в пример петербургских дам и девиц, призывает ее шить белье для раненых (БКМ. ОФ. КП. Л. 1745). Показательно, что в письме подобного же патриотического содержания от отца он не рискует что-либо требовать, а лишь предлагает следить за событиями на фронте при помощи настенной карты и цветных флажков (БКМ. ОФ. КП. Л. 1744). В то же время Николай с легкой иронией относится к беспокойству матери о его христианском благочестии, снисходительно заверяя в своем послушании: «Мама на днях мне прислала очень страшное письмо, так ты ее успокой – причащаться буду в субботу на Страстной» (БКМ. ОФ. КП. Л. 1754).

Складывается впечатление, что сын придерживается характерных для рубежа XIX–XX вв. взглядов на «обычную» женщину как на существо ретроградное, слабое, эмоциональное и не слишком разумное, нуждающееся в опеке и руководстве. Таковой он видит свою мать, несмотря на искреннюю привязанность к ней. «Обычной» женщине противопоставляется женщина «новая», занимающаяся своим развитием, стремящаяся не к замужеству, нарядам и пошлым удовольствиям, а к образованию и общественно полезной деятельности. С подобными дамами Николай, несомненно, был знаком по студенческой жизни, по петроградскому и московскому обществу, где они появились раньше и в значительно большем количестве, чем в провинции.

С началом войны «новая» женщина перестает быть чем-то экзотическим, вызывает сочувствие и уважение. Николай неслучайно пишет в письме матери об одной своей знакомой, которая стала сестрой милосердия: он явно предлагает эту девушку в качестве образца для подражания (БКМ. ОФ. КП. Л. 1745).

Попытки прогрессивного инженера эмансипировать мать домашними средствами порой бывают комичными: «Не забудь передай маме, чтобы она варила кофе ежедневно в посланной мной ей машине, а иначе пусть вышлет за нее деньги, так как в противном случае мною было просто зря выброшено больше двадцати рублей» (БКМ. ОФ. КП. Л. 1747). Он обращается к отцу, не догадываясь, что избранный им способ насаждения «культурных» привычек, до смешного похож на петровские методы перевоспитания старозаветной Руси в еще ненаписанном тогда романе А. Толстого.

Вместе с тем, образ Анны Дмитриевны в восприятии ее сына – это всего лишь один из возможных вариантов. По нескольким скупым строчкам можно представить ее и более деятельной и более необходимой – настоящей хозяйкой купеческого дома, умеющей править, держась в тени властного мужа. Так, находясь в Москве и собираясь в Нижний Новгород, Александр Васильевич пишет жене. Он емко очерчивает ситуацию на рынке и отдает ряд распоряжений, из чего следует, что в его отсутствие Анна Дмитриевна полностью отвечает за семейную торговлю, то есть, руководит работой приказчиков в лавках, магазинах и на складах. В отличие от сына, Горинов не сомневается в деловых качествах супруги: «Товар так дорог, что некоторый товар я покупать не буду – нельзя продать – очень дорогой <неразб.> сейчас же прибавки на обувь 25 % на руб <неразб.>. Бобрик по 4 руб. – пусть помятый, а остальной товар до моего <приезда если> не продается да <тогда> не спешите продавать. Целую тебя. Поклон всем. Твой А. Горинов» (БКМ. ОФ. КП. Л. 1738).

Еще одно свидетельство нам дает сам Николай, возможно, не отдавая себе отчет в смысле сказанного. Во время пребывания матери в Петрограде он делает приписку к отцовскому письму: «Целую тебя и твоих хозяек» (БКМ. ОФ. КП. Л. 1757). Но ни о каких других женщинах в доме Гориновых, кроме Анны Дмитриевны, больше ни разу

не упоминается. Похоже, что долгое отсутствие супруги – ситуация настолько неудобная для Александра Васильевича, что пришлось пригласить к нему кого-то на время. Судя по своему обращению, «хозяйки» – близкие знакомые или родственницы; незамужние или вдовы, иначе они не смогли бы на целый месяц оторваться от собственной семьи. Пригласили двоих (вряд ли больше, взамен одной супруги) для компании, и чтобы избежать кривотолков. Необходимость подобной замены – лучшее доказательство того, что купчиха Горина, заказывавшая в это самое время наряды в столичных магазинах, обычно вела все домашнее хозяйство сама, без помощи прислуги.

4. Выводы

Семья Гориных – знаковое явление в социальном пространстве Донской области. Все, что нам удалось узнать о них, относится к последствиям процессов капиталистической модернизации, развернувшейся в стране в 1868–1914 гг. Но для затерянной в степях казачьей станицы фигура, подобная Александру Васильевичу, все еще не является типичной. К 1917 г. в более чем 4-миллионном населении области мелкая буржуазия вместе с интеллигенцией составляет около 12 %, сосредоточенных преимущественно на урбанизированном юге – в Ростове, Таганроге, Азове и Александровске-Грушевском [Кулаков, Каширина, 2007: 5]. Тем не менее, на примере этой семьи становятся очевидны нереализованные перспективы мирной эволюции в социально-экономическом развитии Дона, которые существовали на рубеже XIX–XX вв.

Таковы были Горины из хутора Бокова в преддверии грандиозных событий, которые вместе с Российской империей смяли и уничтожили их так тщательно, любовно и терпеливо выстраиваемую жизнь вместе со всеми победами, конфликтами и надеждами на будущее.

5. Благодарности

Исследование выполнено в рамках государственного задания ФАНО России по проведению фундаментальных научных исследований «Историко-культурное наследие народов Юга России в условиях модернизации» (№ 0260-2014-0006).

Автор приносит глубокую благодарность руководству Боковского районного краеведческого музея за возможность работы с редкими и оригинальными источниками.

Литература

- БКМ. ОФ. КП. – Боковский краеведческий музей. Основной фонд. Книга поступлений
Истоки, 2017 – Истоки инженерно-технического образования в России. Петербургский институт инженеров путей сообщения. URL: <http://scbist.com/ekskurs-v-istoriyu-zheleznyh-dorog/1863-istoki-inzhenerno-tehnicheskogo-obrazovaniya-v-rossii-peterburgskii-institut-inzhenеров-putei-soobscheniya.html> (дата обращения: 20.11.2017)
- Красноглазов, 1971** – Красноглазов А.Д. Краткая история Боковского района. Х. Белавин, 1971 [Рукопись]. 458 с.
- Краткий очерк, 1894** – Краткий очерк возникновения в г. Харькове Коммерческого училища в память события 17-го октября 1888 г. / Сост. П. Верховский. Харьков: Тип. Зильберберга, 1894. 39 с.
- Кулаков, Каширина, 2007** – Кулаков В.В., Каширина Е.И. Белый режим Юга России (1917–1920 гг.). Учебное пособие. Краснодар, 2007. 184 с.
- Лекция «Письма Гориных. История и судьбы», 2017** – Лекция «Письма Гориных. История и судьбы». URL: <http://bokovskaya.donland.ru/EventScheduler/EventSchedulerViewPost.aspx?ItemID=53260&mid=108352&pageid=107876> (дата обращения 03.06.2017).
- Номикосов, 1884** – Номикосов С.Ф. Статистическое описание Области Войска Донского. Новочеркасск: Областное правление Войска Донского, 1884. 762 с.
- ПГУПС. История, 2017** – Петербургский государственный университет путей сообщения Императора Александра I. История. URL: <http://www.pgups.ru/university/the-university-today/history/> (дата обращения: 15.09.2017).

Торговля, 2009 – Торговля // Историческая энциклопедия Сибири, 2009. URL: http://irkipedia.ru/content/torgovlya_istoricheskaya_enciklopediya_sibiri_2009 (дата обращения: 22.05.2017).

References

БКМ. ОФ. КР – Bokovskii kraevedcheskii muzei [Bokov regional museum of local lore]. Basic fund. Book revenues [in Russian].

Istoki, 2017 – Istoki inzhenerno-tehnicheskogo obrazovaniya v Rossii. Peterburgskii institut inzhenerov putei soobshcheniya [The origins of engineering education in Russia. Petersburg institute of railway engineers]. URL: <http://scbist.com/ekskurs-v-istoriyu-zheleznyh-dorog/1863-istoki-inzhenerno-tehnicheskogo-obrazovaniya-v-rossii-peterburgskii-institut-inzhenerov-putei-soobshcheniya.html> (accessed on: November, 20, 2017) [in Russian].

Krasnoglazov, 1971 – *Krasnoglazov A.D.* Kratkaya istoriya Bokovskogo raiona [A Brief History of the Bokovsky District]. Kh. Belavin, 1971 [Manuscript]. 458 p. [in Russian].

Kratkii ocherk, 1894 – Kratkii ocherk vznikoveniya v g. Khar'kove Kommercheskogo uchilishcha v pamyat' sobytiya 17-go oktyabrya 1888 g. [A brief sketch of the appearance in Kharkov of the Commercial School in commemoration of the events of October 17, 1888] / Comp. by P. Verkhovskii. Khar'kov: Zilberberg's Printing House, 1894. 39 p. [in Russian].

Kulakov, Kashirina, 2007 – Kulakov V.V., Kashirina E. I. Belyi rezhim Yuga Rossii (1917-1920 gg.) [White regime in the South of Russia]. Study guide. Krasnodar, 2007. 184 p. [in Russian].

Lektsiya "Pis'ma Gorinovykh. Istoriya i sud'by", 2017 – Lektsiya "Pis'ma Gorinovykh. Istoriya i sud'by" [Lecture "The Gorinovs' Letters. History and destinies"]. URL: <http://bokovskaya.donland.ru/EventScheduler/EventSchedulerViewPost.aspx?ItemID=53260&mid=108352&pageid=107876> (accessed on: June, 3, 2017) [in Russian].

Nomikosov, 1884 – *Nomikosov S.F.* Statisticheskoe opisanie Oblasti Voiska Donskogo [Statistical description of the Don Cossack Host]. Novocherkassk: Regional administration of the Don Cossack Host, 1884. 762 p. [in Russian].

PGUPS. Istoriya, 2017 – Peterburgskii gosudarstvennyi universitet putei soobshcheniya Imperatora Aleksandra I. Istoriya [St. Petersburg State University of Railroads of the Emperor Alexander I. History]. URL: <http://www.pgups.ru/university/the-university-today/history/> (accessed on: September, 15, 2017). [in Russian].

Torgovlya, 2009 – Torgovlya [Commerce] // Historical encyclopedia of Siberia, 2009. URL: http://irkipedia.ru/content/torgovlya_istoricheskaya_enciklopediya_sibiri_2009 (accessed on: May, 22, 2017). [in Russian].

УДК 93/929

Семейная группа на фоне конца империи: Гориновы из хутора Бокова.

Часть 1

Татьяна Юрьевна Власкина ^{а,*}

^а Институт социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра Российской академии наук, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена антропологическим аспектам истории русских революций. В центре внимания – судьба инженера-железнодорожника Н. Горинова, выходца из провинциальной купеческой семьи. На примере Гориновых, выявляются нереализованные перспективы мирной эволюции в социально-экономическом развитии Дона, которые существовали на рубеже XIX–XX вв., рассматриваются возможные мотивы

* Корреспондирующий автор
Электронный адрес: vlaskiny@mail.ru (Т.Ю. Власкина)

личного политического выбора, перед которым оказались члены семьи в ходе событий революции и Гражданской войны.

В первой части дается очерк жизни Гориновых до середины 1915 г., характеров и отношений между членами семьи. Главная тема второй части – восприятие молодым человеком событий Первой мировой войны и происходящие с ним перемены. Исследование основано на документах семейного архива.

Ключевые слова: микроистория, письма, хутор Боков, мелкооптовая торговля, инженер железнодорожного транспорта, Петроград, Первая мировая война.

(Окончание в следующем номере)

Copyright © 2017 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Slovak Republic
 Russkaya Starina
 Has been issued since 2010.
 ISSN: 2313-402x
 E-ISSN: 2409-2118
 2017, 8(2): 154-172

DOI: 10.13187/rs.2017.2.154
www.ejournal15.com

UDC 93+730

The Memorialization of the Events and Participants of the Revolution and the Civil War in the South of Russia

Evgeny F. Krinko ^{a, *}

^a Institute for Social and Economic Research and Humanities of Southern Scientific Center, Russian Academy of Sciences, Russian Federation

Abstract

The first memorial objects dedicated to the events and participants of the Russian Revolution and the Civil War were built in the south of the country in 1918–1920. They were created both by the Bolsheviks and by their rivals. However, with the end of the Civil War, the memory of the winners began to be consolidated in the memorial policy. Memorials in honor of representatives of the White movement were created only in emigration. An important direction of the Soviet memorial policy was the creation of monuments in honor of V.I. Lenin, I.V. Stalin, as well as S.M. Kirov, G.K. Ordzhonikidze and other party and state leaders. The new stage in the memorial policy began in the 1990s. It manifested in perpetuating the memory of the opponents of the Bolsheviks, whose activities had previously been suppressed. The memorial conflicts show that a compromise in the estimating of the revolution and the Civil War has not been yet achieved in the memorial policy.

Keywords: Civil war in Russia, historical memory, memorial culture, memorial Leniniana, Russian revolution of 1917, memory policy, the South of Russia.

1. Введение

Революция 1917 г. и вызванная ею Гражданская война 1918–1920 гг. привели к кардинальным переменам в развитии России. Эти события оставили свой след в различных формах исторической памяти. Несмотря на появление первых публикаций, в которых рассматриваются отдельные аспекты данной проблемы (Кринко, 2016а, Кринко, 2016б и др.), практики мемориализации событий и участников революции и Гражданской войны на юге России пока еще не стали предметом специального исследования.

2. Материалы и методы

Статья написана на основе принципа историзма, позволившего рассматривать создание и дальнейшую судьбу мемориальных объектов в динамике, в определенном историческом контексте, и системного подхода, выразившегося в изучении мемориальной культуры юга России как системы – целостного феномена, функционирующего во

* Corresponding author

E-mail addresses: krinko@ssc-ras.ru (E.F. Krinko)

взаимосвязи всех составляющих ее элементов. Эмпирической основой исследования послужили как ранее опубликованные сведения, так и зафиксированные автором во время визуальных наблюдений и экспедиций материалы. Изучение мемориальной ленинианы на юге России в значительной степени опиралось на сведения создаваемой с 2005 г. культурологом и журналистом Д. Кудиновым базы данных открытого доступа – фотокаталога «Памятники Ленину». Его задачей является «собрать фотографии всех памятников В.И. Ленину, когда-либо установленных в России, республиках бывшего СССР и за рубежом». К моменту подготовки статьи каталог включал фотографии 9487 памятников (Памятники Ленину, 2017). Наряду с сохранившимися памятниками, фотокаталог содержит и сведения об утраченных мемориальных объектах (Кринко, 2014, Кринко, Хлынина, 2015 и др.). При изучении собранных материалов использовались историко-сравнительный, проблемно-хронологический и историко-генетический методы исторического исследования.

3. Обсуждение и результаты

С приходом к власти большевики провозгласили программу монументальной пропаганды, рассматривая ее важнейшим средством мобилизации масс на решение задач коммунистического строительства. Ее основы были закреплены декретом СНК РСФСР «О снятии памятников, воздвигнутых в честь царей и их слуг, и выработке проектов памятников Российской Социалистической Революции» от 14 апреля 1918 г. Вместо памятников «царям и их слугам» следовало возводить новые мемориальные объекты, посвященные «великим людям» в области революционной и общественной деятельности, философии, литературы, науки и искусства (Стригалёв, 1987: 50–51).

Однако начавшаяся Гражданская война внесла свои коррективы в мемориальную деятельность, с одной стороны, не позволив реализовать намеченную программу на той территории страны, которая оказалась неподконтрольна большевикам, с другой, придав ей новые импульсы и формы. Первые памятники устанавливали на могилах погибших участников Гражданской войны. При этом в условиях разраставшегося кровопролитного конфликта трансформировался сам похоронный и поминальный обряд, призванный не только помочь справиться с потерей боевых товарищей, но и воспитывать чувство ненависти к ставшему причиной их гибели противнику. Представители Белого движения при возможности хоронили своих соратников в соответствии с прежней традицией, обычно сопровождая церковный обряд гражданской панихидой. Похороны большевиков и красноармейцев нередко происходили в не предназначенных для этого прежде публичных пространствах – на главных площадях, в центрах городов и станиц, наделявшихся новыми мемориальными функциями, сопровождалось пением революционных песен и надгробными речами, широким использованием красного цвета в похоронной символике и практически исключали церковный обряд.

Стремление к полному идейному и физическому уничтожению противника находило свое выражение в многочисленных случаях глумления над останками погибших и уже похороненных врагов, уничтожении их могил. Наиболее широкую известность получил факт глумления над останками одного из руководителей Белого движения на юге страны, главнокомандующего Добровольческой армии генерала от инфантерии Л.Г. Корнилова, погибшего при штурме Екатеринодара (в настоящее время – Краснодара) весной 1918 г. (Белое движение, 2007: 49–50). После этого белые, оставляя территорию, стремились замаскировать могилы своих военнослужащих, снимали с них кресты или забирали останки с собой. В частности, в начале 1920 г. из Екатеринодара в Крым были вывезены останки генерал-майора М.Г. Дроздовского и полковника В.П. Туцевича, похороненных в Кубанском войсковом соборе Святого Александра Невского. В апреле 1920 г. они были тайно, под чужими фамилиями, на случай занятия Крыма красными, перезахоронены в Севастополе (Гагкуев, 2006: 112–113). Останки еще одного создателя и Верховного руководителя Добровольческой армии генерала от инфантерии М.В. Алексева из Кубанского войскового собора были перевезены в Сербию и перезахоронены в Белграде.

На неподконтрольной белым территории юга России осуществлялась собственная мемориальная политика, ее главным объектом оказался генерал Корнилов. В 1919 г. на ферме у Екатеринодара, где погиб Корнилов, был создан специальный музей, а на берегу

Кубани – символическая могила генерала и его жены. Мемориализация других лидеров Белого движения в годы Гражданской войны не имела широкого размаха. В 1918 г. станция Торговая (в настоящее время – Сальск) получила имя погибшего неподалеку генерала С.Л. Маркова.

По окончании Гражданской войны почти все памятники противникам большевиков на юге России были уничтожены. Мемориализация Белого движения продолжилась в эмиграции. Первый памятник за пределами России в честь военнослужащих Белой армии был установлен в 1921 г. в центре русского военного кладбища на северо-западной окраине Галлиполи по проекту Н.Н. Акатьева. Он представлял собой курган из принесенных русскими галлиполийцами 20 тыс. камней. В 1949 г. памятник получил серьезные повреждения в результате землетрясения, а затем был разобран. Памятники над могилами и кенотафы появились на русских кладбищах Сент-Женевьев-де-Буа под Парижем, в Белграде, в Джексоне (США) и в других местах.

На юге России в советский период увековечивалась только память о победителях в Гражданской войне. Еще в 1918 г. в центре Царицына (в настоящее время – Волгоград) был похоронен председатель исполкома Царицынского совета Я.З. Ерман. Позже в его могилу дозахоронили еще несколько человек, оставивших свой вклад в истории Царицына, а также погибших в 1918–1920 гг. курсантов и красноармейцев. Над братской могилой в 1925 г. воздвигли памятник по проекту Н.Н. Любимова. Он представлял собой сцементированную груду бульжников, как символ сплоченности пролетариата в классовой борьбе за свои права (Гурьянова, 2015: 1, 4). После освобождения Царицына от войск П.Н. Врангеля в 1920 г. на Александровской площади были похоронены 55 жертв белого террора, ей присвоили имя Павших борцов.

В Астрахани уже в 1921 г. был установлен памятник-маяк по проекту архитектора А.В. Николаева в честь моряков Волго-Каспийской военной флотилии, погибших при защите города в марте 1919 г. Памятник украшали изображения «гидры империализма» и убивающего ее моряка, а на его постаменте были установлены орудия, снятые с кораблей флотилии.

В центре Евпатории в братской могиле в 1921 г. были с почестями перезахоронены останки погибшего в январе 1918 г. председателя городского совета рабочих и солдатских депутатов Д.Д. Караева и других казненных белыми большевиков. В 1926 г. над могилой соорудили пятиметровый обелиск, увенчанный алой пятиконечной звездой (Памятники славы и бессмертия, 1980: 23). В том же году был установлен памятник партизанам села Грушевки троюродным братьям З.С. и П.Г. Никифорову, казненным белыми в марте 1919 г., в селе Суук-Су (в настоящее время – село Лесное в составе городского округа Судак). В 1925 г. появился памятник на братской могиле красноармейцев в селе Желябовке Нижнегорского района Крымской АССР.

Еще в марте 1920 г. во время траурного митинга в честь погибших при освобождении Геленджика партизан был заложен памятник на берегу Геленджикской бухты. В 1923 г. здесь был открыт монумент в виде усеченной пирамиды. На постаменте были указаны фамилии погибших и слова: «Слава и память борцам, павшим за власть Советов в 1918–1920 годах в Геленджикском районе». 7 ноября 1928 г. наверху пирамиды появилась скульптурная группа по проекту П.А. Федотова. Фигуры крестьянина, матроса и рабочего символизировали объединение разных сил в борьбе за власть Советов.

Одним из самых крупных первых советских мемориалов на юге страны, связанных с Гражданской войной, стал созданный в 1923 г. пятнадцатиметровый обелиск в честь участников Таманского похода в станице Славянской (в настоящее время – город Славянск-на-Кубани). Он был окружен 8 орудиями времен Русско-японской войны 1904–1905 гг. Поверженная змея под обелиском символизировала раздавленную «гидру контрреволюции».

Бюст активного участника борьбы за советскую власть на Северном Кавказе, председателя Пятигорского совета Г.Г. Анджиевского, казненного белыми в 1919 г., был установлен в 1924 г. в центральной части Пятигорска по проекту скульптора Л.К. Шодкого. После того, как он разрушился, в 1936 г. в Пушкинском сквере напротив Пятигорской грязелечебницы был открыт новый бюст из металла на постаменте из тесаного камня и черного гранита скульптора Г.Н. Валуйского. Скверу также присвоили имя Анджиевского.

Во время оккупации города памятник был закопан неподалеку местными жителями, а после освобождения возвращен на прежнее место.

К десятилетию Октябрьской революции в Майкопе был установлен монумент по проекту Е.И. Козловского в память о жертвах белого террора – казненных казаками генерала В.Л. Покровского при захвате города 21 сентября 1918 г. более 3 тыс. попавших в плен красноармейцев и горожан. День 21 сентября долгое время оставался для майкопчан траурной датой (Ачмиз, 2017). В Краснодаре в центре Всехсвятского кладбища в 1928 г. появился памятник борцам, павшим за власть Советов на Кубани. В том же году был открыт памятный знак в честь соратника В.И. Чапаева, командира 22-й стрелковой дивизии С.П. Захарова, попавшего в плен к белым во время боев за Екатеринодар. В честь погибшего комдива была названа и улица, на которой он попал в плен.

Нередко под новые памятники использовались прежние пьедесталы, что имело как практический, так и символический характер. Так, на постаменте демонтированного памятника Екатерине II в Краснодаре был установлен памятник революции. После Великой Отечественной войны его заменил памятник Я.М. Свердлову. Екатерининский сквер также переименовали в сквер Свердлова. На пьедестале памятника Екатерине II на центральной площади Нахичевани-на-Дону (в настоящее время – в составе Ростова-на-Дону) в 1925 г. был установлен памятник К. Марксу. Сама площадь также получила имя К. Маркса.

Существенно сказывалась на мемориальной политике политическая конъюнктура. В 1938 г. при возникновении «адыгейского дела», по которому аресту подверглись руководители Адыгейской автономной области, была уничтожена могила умершего за три года до этого первого председателя Адыгейского облисполкома, а впоследствии первого секретаря Адыгейского областного комитета ВКП(б). Ш.-Г.У. Хакурате. Названный в честь Хакурате район Адыгейской АО был переименован в Тахтамукайский. После реабилитации Хакурате на здании, где он работал в Краснодаре, установили мемориальную доску, в Майкопе его именем назвали одну из улиц, а в 1969 г. установили в его честь бюст в ауле Афиписип по проекту скульптора И.П. Шамагуна и архитектора Е.Г. Лашука. Но могила Хакурате так и не была восстановлена.

Многие памятники в честь героев революции и Гражданской войны пострадали во время нацистской оккупации юга России. После освобождения советских территорий от оккупации стала складываться новая мемориальная традиция: объединение захоронений и памятников участникам революции, Гражданской и Великой Отечественной войны в единый визуальный и смысловой ряд, подчеркивавший преемственность различных событий советской истории. Позже в него стали «вписывать» и воинов-интернационалистов, погибших в Афганской войне и других локальных конфликтах. При этом захоронения нередко переносились с главных площадей в специально отведенные места, которые хорошо просматривались, имели возможности для подъезда и подхода больших групп людей для совершения торжественных церемоний в специально отведенное время. Так, в Элисте в 1965 г., в честь двадцатилетия Победы в Великой Отечественной войне был возведен мемориальный комплекс, посвященный комсомольцам и героям Гражданской и Великой Отечественной войн по проекту архитекторов М.Б. и Д.Б. Пюрвеевых, скульптора Н.А. Санджиева. Вводную часть комплекса составляют три титановых пилон, символизирующих штыки, главную часть – захоронения героев Гражданской и Великой Отечественной войн, мемориальная таблица с именами воинов-интернационалистов, скульптурная группа высотой около 3 м, представляющая их обобщенные черты, а также Вечный огонь.

В 1950–1980-х гг. появился ряд новых специальных памятников, посвященных событиям и героям революции и Гражданской войны на юге России. В 1951 г. в Крыму по проекту А.А. Москаленко был установлен обелиск на месте формирования первого партизанского отряда в январе 1920 г. в верховьях реки Альмы, вблизи села Бодрак (в настоящее время – село Скалистое Бахчисарайского района). Через два года, в 1953 г. появился памятник в Керчи на братской могиле партизан и участников вооруженного восстания в 1919 г., а еще через пять лет – памятник на братской могиле членов Керченского подпольного комитета РКП(б), погибших в 1920 г. В 1957 г. в городе Минеральные Воды был установлен бюст Анджиевского, а в станице Березанской Краснодарского края памятник красным казакам, погибшим в 1918 г.

Рис. 1–2. Памятник в станице Берзанской. Здесь и далее – фото автора.

В 1958 г. был открыт шестнадцатиметровый обелиск с пятиконечной звездой на братской могиле погибших в июне 1919 г. красноармейцев из китайского батальона 292-го Дербентского полка в городе Морозовске Ростовской области. Через два года, в 1960 г. в Орджоникидзе по проекту архитектора А.И. Битемирова была установлена десятиметровая стела в честь китайских добровольцев, воевавших за советскую власть на Северном Кавказе на площади, получившей одноименное название. Позже, в связи с ухудшением отношений СССР с КНР, она была переименована в площадь Революции в честь Октябрьской революции 1917 г. В 1961 г. были перезахоронены останки погибших в боях в 1918 г. красных партизан в городе Невинномысске Ставропольского края. На новой братской могиле был воздвигнут памятник, на котором были указаны фамилии 15 из 40 похороненных партизан.

Значительное количество памятников было создано к 50-летию Октябрьской революции. Среди них мемориальный комплекс кубанцам, погибшим в борьбе за Родину, открытый на площади Павших героев в Краснодаре по проекту скульптора И.П. Шмагуна и архитектора В.Т. Головерова. Комплекс состоит из фигуры Родины-матери, монументальной стены с высеченными эпизодами Гражданской и Великой Отечественной войн, стены с каменными мемориальными досками, на которых нанесены имена воинов-героев Кубани, Вечного огня. Еще один монумент на площади напротив завода измерительных приборов был посвящен воинам, участвовавшим в освобождении города от белогвардейцев в 1920 г. Надпись на нем гласит: «С этого рубежа части Красной Армии под командованием комкора Д.П. Жлобы и начдива 22-й дивизии С.П. Захарова развернули сражение за город». По проекту архитекторов Е. Сердюкова, Е. Лашука и скульптора И. Шмагуна в Краснодаре была также открыта алюминиевая скульптура Авроры в образе комсомолки в шинели и с винтовкой за плечом. В высоко поднятой руке она держит звезду как символ веры в светлое будущее страны. Высота скульптуры составляет 14 м, а вместе с постаментом – 16,8 м. На постаменте была выбита надпись: «Власть – Советам, мир – народам». На территории краснодарского станкостроительного завода им. Седина установлен чугунный обелиск высотой в 8,8 м на бетонном постаменте высотой в 3,6 м, облицованном мраморной плиткой, в честь рабочих, павших в боях за Советскую власть в годы Гражданской и Великой Отечественной войн.

В том же 1967 г. в Волгограде небольшой памятник на площади Павших борцов заменили гранитным обелиском. В Майкопе по проекту архитектора Е.Г. Николенко была

реконструирована площадь вокруг братского кладбища воинов, погибших в годы Гражданской и Великой Отечественной войн. Появились новые памятники на братских могилах красноармейцев и партизан в Крыму – в Керчи, в селе Ермаково Джанкойского района, в селе Кропоткино Раздольненского района, в селе Медведево Черноморского района, в селе Глубокий Яр Бахчисарайского района и других местах. Через 10 лет, в 1977 г. памятник на месте высадки десанта А.В. Мокроусова недалеко от Судака работы скульптора М. Анджело, архитектора Е. Попова.

Рис. 3. Площадь Павших борцов. Волгоград

В Ростовской области и в ее областном центре в конце 1960-х – 1970-х гг. появился целый ряд памятников, посвященных различным событиям в истории революционного движения и Гражданской войны на Дону. К 50-летию Октябрьской революции в Ростове-на-Дону был создан панорамный горельеф скульптора Э.М. Мирзоева, архитекторов Я.С. Заниса и Л.Г. Яконина в память о событиях ноябрьской стачки 1902 г. На нем изображены фигуры рабочих, стоящих плечом к плечу со сжатыми кулаками и суровым взглядом. Рядом установлены цифры: 1902. Выше горельефа в 1975 г. была возведена скульптурная композиция по проекту скульптора А.А. Скнарина, архитектора П.А. Ибалакова, получившая название «Преемственность поколений». Молодой рабочий подхватил у пожилого раненого рабочего красное знамя и высоко поднял его над головой, как призыв к продолжению борьбы, доказательство мужества и непобедимости пролетариата.

На следующий год памятник, увековечивший победу большевиков, появился в Таганроге на площади Восстания. Он представляет паровоз с фрагментом вокзальной стены. Эта композиция напоминает о реальном событии, происшедшем в январе 1918 г., когда железнодорожники направили на занятый противниками большевиков вокзал паровоз с двумя вагонами, наполненными горючими материалами. В Ростове-на-Дону монумент в честь Октябрьской революции и установления советской власти был воздвигнут в парке культуры и отдыха им. М. Горького в 1979 г. по проекту скульптора В.П. Дубовика и архитектора Э.А. Полянского. На красном гранитном постаменте высотой 4,5 м стоят солдат со знаменем, рабочий и моряк с винтовкой. Памятник установлен на месте, где, как сообщает мемориальная доска, «26 октября 1917 г. состоялся многолюдный митинг в поддержку победы социалистической революции в Петрограде и установления Советской власти в Ростове-на-Дону».

Рис. 4–5. Площадь Восстания, Таганрог

Ранее, в 1972 г. на площади Советов в центре Ростова-на-Дону появился памятник в честь воинов 1-й Конной армии, освободивших город, как было выгравировано на постаменте, «от белогвардейских банд». Его создателями являлись скульптор Е.В. Вучетич, архитекторы И.И. Ловейко, Я.А. Ребайн, Л.Л. Эберг. Скульптурная группа включает кавалериста, красноармейца и раненого матроса. В нижней части постамента изображены эпизоды боевых действий 1-й Конной армии. В год 60-летия Октябрьской революции на левом берегу Дона выросла пятнадцатиметровая скульптурная композиция «Тачанка-ростовчанка», ставшая одним из главных символов донской столицы (авторы – скульпторы В. Батяй, А. Скнарин, А. Косолапов, архитектор П. Ибалаков). Монументы первоконникам появились к 55-й годовщине самого крупного кавалерийского сражения войны в станице Егорлыкской в 1975 г. и через четыре года, в 1979 г. в Пролетарске.

Рис. 6–7. Тачанка. Южный въезд в Ростов-на-Дону

К 50-летию образования ВЛКСМ появились специальные памятники комсомольцам, погибшим в годы Гражданской войны. 25 октября 1968 г. в Комсомольском парке Пятигорска был установлен памятник скульптора Г.М. Минкина в честь комсомольцев, защищавших город во время Гражданской войны. Он изображает всадника в буденовке, скачущего в бой. Памятник в Нальчике, сваренный из листовой стали по проекту художника В. Абаева, скульптора Г. Бжеумыхова, архитекторов М. Каркаева и Р. Гокадзе, встретил серьезные возражения со стороны властей и части общественности, предлагавшей даже его снести вследствие слишком откровенного изображения фигуры героя.

В память о гибели эскадры кораблей Черноморского флота в июне 1918 г. на окраине Новороссийска в 1980 г. был воздвигнут мемориал морякам революции. Он включает

двенадцатиметровую гранитную скульптуру коленопреклоненного моряка, напротив которого располагается смотровая площадка с металлическим кубом, символизирующим тонущий корабль. Внутри композиция из цветного стекла и металла, означающая сигнал морского семафора «Погибаю, но не сдаюсь», а по периметру площадки – силуэты затопленных кораблей с указанием направления и расстояния до места гибели.

Рис. 8. Мемориал морякам революции в Новороссийске

Дагестанским большевикам-руководителям революционного подполья, расстрелянным в 1919 г., был посвящен памятник в Махачкале, установленный в 1980 г. Через два года появился памятник на братской могиле жертвам белогвардейского террора, погибшим в 1919 г., в селе Коренном Нижнегорского района Крымской АССР. В том же 1982 г. по проекту скульптора А.Е. Шмакова и архитектора А.А. Бородюка появился новый памятник на могиле большевиков в Евпатории. Он представляет собой многофигурную скульптурную композицию из ковanej меди, в центре которой находится знамя революции, а вокруг – сплоченная группа коммунаров.

Немало монументов на юге России посвящено отдельным участникам революции и Гражданской войны, а также советским руководителям, в первую очередь, В.И. Ленину, И.В. Сталину, Я.М. Свердлову, М.И. Калинину, Ф.Э. Дзержинскому, В.В. Куйбышеву, а также С.М. Кирову и Г.К. Орджоникидзе, действительно принимавшим здесь активное участие в рассматриваемых событиях. При этом практики мемориализации в отношении тех или иных лиц во многом зависели от степени их известности, последующей судьбы и общих тенденций в мемориальной политике. Самым крупным монументом стал памятник И.В. Сталину работы Е.В. Вучетича у входа в Волго-Донской канал: его высота вместе с постаментом достигала 54 м. Но во второй половине 1950-х гг. все памятники Сталину были снесены.

Памятники Орджоникидзе были установлены в столице Северо-Осетинской АССР, которая была переименована в его честь, и в Кисловодске. В 1939 г. памятник Кирову был установлен в Ростове-на-Дону на месте снесенной Покровской церкви на Кировском проспекте, через двадцать лет – в Пятигорске, а в 1980 г. – в Орджоникидзе (в настоящее время – Владикавказ).

Рис. 9–10. Памятник Кирову. Мемориальная доска на одном из домов на Кировском проспекте. Владикавказ.

К 40-летию Октябрьской революции в Пятигорске был открыт памятник по проекту архитектора Б.П. Светлицкого в честь членов ЦИК Северо-Кавказской советской республики А. Рубина, В. Крайнего, М. Власова, Б. Рожанского, С. Дунаевского, расстрелянных в сентябре 1918 г. по приказу главнокомандующего Северо-Кавказской Красной армии И.Л. Сорокина. В 1960 г. в Новороссийске на улице Новороссийской республики появился прямоугольный обелиск в память о павших революционерах – председателе ЦИК Северо-Кавказской республики А.И. Рубине, руководителе партийной организации города А.Е. Худанине, комиссарах путей сообщения и продовольствия Черноморской Советской республики А.Ю. Губернском и Х. Ю. Скобликове.

В Майкопе в парке им. М. Горького в 1967 г. был открыт бюст народному комиссару горских национальностей Кубано-Черноморской Республики М.Х. Шовгенову, казненному вместе с женой белыми в 1918 г. Однако вскоре он был демонтирован в связи с ухудшением состояния, а в 1972 г. был открыт новый бюст из белого мрамора работы скульптора А.А. Шикояна, архитектора Е.Г. Николенко.

Еще в 1957 г. было принято решение о создании в Грозном памятника героям революции и Гражданской войны. Однако памятник по проекту скульптора И. Бекичева и архитектора З. Берковича был открыт только через 16 лет. Этому предшествовал многотысячный несанкционированный митинг ингушей в центре Грозного, требовавших передачи района из Северо-Осетинской АССР в состав Чечено-Ингушской АССР Пригородного. Состоявшийся в марте 1973 г. X пленум Чечено-Ингушского обкома КПСС принял ряд решений по вопросам организационно-партийной и идеологической работы. Среди практических мер, направленных на их реализацию, была указана и необходимость увековечить память вайнахских революционеров (Бугаев, 2017). Установленный на площади Дружбы народов памятник был призван символизировать боевое братство народов автономной республики. В центре монумента изображен председатель Грозненского совета, командующий Грозненской Красной армией и обороной Грозного в 1918 г. против терских казаков Н.Ф. Гикало. С левой стороны памятника – чеченский революционер А.Д. Шерипов, организатор и командующий чеченской Красной армией, член Терского Народного совета, погибший в бою в 1919 г. С правой стороны – ингушский революционер Г.С. Ахриев, нарком по делам национальностей и контроля Терского народного совета в 1918 г. Еще один памятник Шерипову появился на остановке возле школы № 2, в его честь был также назван Грозненский нефтеперерабатывающий завод, а в честь Гикало и Ахриева – улицы в Грозном.

В 1967 г. в Краснодаре был открыт чугунный бюст Г. Седину, рабочему-большевику, посланному в качестве парламентаря к белым и казненному теми, на заводе, которому было еще в 1922 г. присвоено его имя (авторы – С.А. Сыромятников, В.В. Широинин, В.Н. Чюшенко). В 1981 г. был установлен еще один бронзовый бюст к 70-летию основания станкостроительного завода на углу улиц Захарова и Нефтезаводской (скульптор – Н.А. Бугаев). При этом второму парламентарю С. Стрилько, погибшему вместе с Г. Сединым, не было посвящено памятников.

В Таганроге бюст в честь рабочего-большевика В.С. Смирнова, погибшего во время восстания в городе в январе 1918 г., был открыт к 40-летию установления в городе советской власти по проекту скульптора В.В. Руссо. В 1980 г. его заменили на новый работы скульптора Б. Чаркина. Бюст первому председателю Таганрогского комитета РСДРП и большевистского Совета рабочих депутатов А.К. Глушко был открыт в 1977 г. на углу переулочка, названного в его честь, и улицы Чехова. В 1974 г. Каменске-Шахтинском возвели памятник погибшим в 1918 г. председателю и секретарю Донского ревкома Ф.Г. Подтелкову и М.В. Кривошлыкову. Символично, что он был установлен на месте, где стояла разрушенная большевиками Троицкая церковь. В селении Булунгу в Кабардино-Балкарской Республике вблизи места гибели революционера С.Х. Калабекова – делегата II съезда народов Терека, на котором была провозглашена Терская советская республика, был воздвигнут памятник в его честь работы скульптора Х. Крымшамхалова.

Памятники командующему Южным фронтом, войска которого разгромили белых в Крыму, впоследствии – председателю Реввоенсовета СССР и наркому по военным и морским делам М.В. Фрунзе были открыты в Симферополе и в Евпатории. В честь командующего 1-й Конной армией, впоследствии – маршала Советского Союза С.М. Буденного в 1966 г. был установлен бронзовый бюст в Ростове-на-Дону работы скульптора Е.В. Вучетича и архитектора И.И. Ловейко. Еще один бюст был открыт на фасаде вокзала в городе Буденновске Ставропольского края. Маршалу также посвящен специальный музей в станице Буденновской Пролетарского района Ростовской области, открытый в 1939 г., во дворе которого установлен бюст Буденного скульптора Н.В. Аведикова.

В память о командире кавалерийской бригады И.А. Кочубее установлены монументы в городах Буденновске, Невинномысске, станице Георгиевской, селе Кочубеевском Ставропольского края, поселке Бейсуг Выселковского района Краснодарского края. В станице Георгиевской был также открыт музей И.А. Кочубея.

В честь командира сводного конного корпуса Б.М. Думенко, расстрелянного в 1920 г. и реабилитированного в 1964 г., первый памятник появился только в 1985 г. в Волгодонске на переулочке, получившем его имя. Через три года появился памятник Думенко скульптора М.А. Дементьева и архитектора И.А. Жукова у хутора Казачий Хомутец Веселовского района Ростовской области. На кладбище в самом хуторе похоронен погибший в бою с белыми матрос с крейсера «Аврора» Е. Огнев. 24 октября 1917 г. он произвел выстрел из орудия, ставший сигналом к штурму Зимнего дворца. Еще один памятник Думенко был создан в 1989 г. в слободе Большая Мартыновка. В Большой Мартыновке находится также памятник командиру бригады 1-й Конной армии С.А. Ситникову, погибшему в 1919 г. Он был установлен, как гласит надпись на постаменте, «от молодого поколения» в 1968 г.

В 1967 г. было установлено надгробие на могиле в Евпатории убитого в ноябре 1920 г. комиссара 2-й бригады латышских стрелков Ф.А. Лабренциса, а через двадцать лет на месте его гибели в городе Саки установлен бюст.

Событиям и участникам революции и Гражданской войны на юге России было посвящено значительное количество памятных досок. В их честь названы многие города, станицы, села, аулы, а также улицы и площади. Однако большой объем сведений по данным вопросам не позволяет раскрыть их в рамках данной статьи.

Мемориальная лениниана. Памятники В.И. Ленину практически с самого начала занимали одно из главных мест в советской мемориальной политике. Скульптурные изображения основателя советского государства начали создавать еще при его жизни, но главным поводом для их массового установления стала смерть Ленина. Авторами многих памятников 1920-х гг. на юге России были скульпторы Л.А. Дитрих и В.В. Козлов.

Еще осенью 1923 г. Л.А. Дитрих создал гипсовый бюст Ленина, 27 января 1924 г. установленный в Краснодаре возле здания Кубано-Черноморского обкома партии большевиков на улице Красноармейской. Позже на краснодарском заводе им. Седина отлили две чугунные копии бюста. Одну установили вместо гипсового бюста и повторно открыли 7 ноября 1924 г. на постаменте из черного мрамора работы архитектора А.С. Колохиторовского (*С думой об Ильиче, 1990*). Второй бюст был установлен на самом заводе им. Седина. Через год, 7 ноября 1925 г. на площади, также получившей имя Ленина (в настоящее время – Вишняковский сквер) на пересечении улиц Ставропольской и Горской (в настоящее время – Вишняковой) был открыт более крупный памятник по проекту В.В. Козлова, Л.А. Дитриха и К.А. Дитриха.

Таганрогский окружной исполком принял решение о закладке памятника Ленину в день его смерти 23 января 1924 г. Монумент по проекту В.В. Козлова был открыт через год, 22 января 1925 г. на постаменте снесенного памятника Петру I, на средства, собранные по подписке среди жителей города. Но, по оценкам краеведов, фигура Ленина оказалась слишком мала по сравнению с внушительным постаментом (*Киричек, 2010: 77*). В станице Баталпашинской (в настоящее время – Черкесск) в 1924 г. установили деревянный обелиск высотой в 12 м, увенчанный метровой красной звездой, освещенной изнутри. Ниже звезды располагалась эмблема в виде серпа и молота. В числе первых в 1924 г. были установлены памятники Ленину в Куртатинском ущелье (в настоящее время – Республика Северная Осетия – Алания) (*Кудинов, 2015*) и в поселке Орловском (в настоящее время – Ростовской области) (*Корякина, 2017*), в 1925 г. – в Царицыне и в Новочеркаске (на пьедестале памятника Платову).

29 января 1924 г. на Театральной площади Владикавказа состоялась закладка будущего памятника Ленину. Временно, до возведения памятника, был воздвигнут обелиск с портретом Ленина. 20 февраля 1924 г. городской исполком постановил переименовать Театральную площадь в площадь им. Ленина, но это решение тогда не вступило в силу. В 1926 г. на Театральной площади был открыт памятник Ленину по проекту скульптора В.В. Козлова. Высота скульптуры без постамента составляла 2 м.

В Пятигорске памятник Ленину по проекту В.В. Козлова был установлен в 1925 г. Летом того же года художник-самоучка из Ростова-на-Дону Н.К. Щуклин изобразил большой портрет Ленина, примерно 15 x 20 м, на отвесной скале в окрестностях города на высоте 400 м над уровнем моря. В Пятигорске в это время проходил первый краевой съезд горянок и терских казачек Северного Кавказа, и открытие единственного в мире наскального портрета Ленина было приурочено к его последнему заседанию.

Севастопольский горисполком еще в 1924 г. обратился в Крымский совет народных комиссаров с предложением перелить бронзовый памятник адмиралу Нахимову в статую «вождя мирового пролетариата» (*Соколов, 2010*). Но только через четыре года с постамента памятника Нахимову сняли фигуру адмирала, а в 1932 г. на нем установили статую Ленина. На гранитном постаменте были помещены революционные барельефы, на основание усажены фигуры матроса, красноармейца, рабочего и крестьянина.

В Армавире памятник Ленину работы скульптора В.В. Козлова был открыт в 1926 г. на центральной площади, получившей имя основателя Советского государства. В Ростове-на-Дону памятник Ленину высотой в 9 м появился в 1929 г. у входа в парк им. Горького. Авторами являлись скульптор Г.В. Нерода и архитектор П.Н. Андреев. Ленин изображен произносящим речь, с вытянутой вперед правой рукой и развешиваемыми лапами пальто. У подножья пьедестала было установлена каменная трибуна. В том же году серийная скульптура Ленина, изготовленная в Ленинградской художественной мастерской, была установлена на площади перед городским домом культуры в Азове.

Многие первые памятники нередко были выполнены из недолговечных материалов и уже по истечении нескольких лет требовали замены. Так, в 1935 г. в Таганроге для памятника Ленину изготовили новый пьедестал и убрали его с проезжей части дороги ближе к парку. В том же году на площади Январского восстания был установлен памятник работы скульптора Д. Якерсона. Он представлял собой целую композицию: Ленин находился в окружении солдата, рабочего и работницы, а в качестве постамента был изображен фрагмент броневика. В 1936 г. была благоустроена площадь Ленина в Сулимово (бывшей станице Баталпашинской), деревянный памятник заменила скульптура

В.В. Козлова. Бюст в центре станицы Орловской в том же году заменила фигура Ленина в полный рост (Корякина, 2017). 7 ноября 1937 г. был открыт памятник Ленину на пересечении улицы Ленина и проспекта Карла Маркса в Каменске-Шахтинске по проекту художника Я. Минченкова, архитекторов В. Абрютин, К. и И. Сливиных. В середине 1930-х гг. памятники Ленину были установлены в Феодосии и во многих других местах.

Большинство памятников Ленину на юге России не пережили немецкой оккупации. Оккупанты сбрасывали и разбивали гипсовые и бетонные монументы, а бронзовые пускали на переплавку. Лишь часть памятников жителям удалось спрятать и спасти. Уцелели также многие постаменты. Оккупанты пытались уничтожить и портрет Ленина на скале в окрестностях Пятигорска, расстреливая его из автоматов и артиллерийских орудий, замазывая грязью и известью, но им это так и не удалось. А взорвать скалу они не успели вследствие начавшегося в 1943 г. наступления частей РККА.

После освобождения началось восстановление памятников Ленину. Уже 7 ноября 1943 г. был восстановлен памятник Ленину в Каменске-Шахтинском. В 1944 г. в Таганроге скульптор М.И. Гладких по отдельным фрагментам восстановил разрушенный памятник Ленину, а 21 января 1949 г. здесь был открыт новый памятник Ленину скульптора А.В. Дрейлинга. Через полгода после освобождения Феодосии от оккупантов, к 7 ноября 1944 г. из Москвы привезли бетонную скульптуру Ленина, позже, в 1978 г. заменив ее на бронзовую. Восстановил портрет Ленину и его автор Н.К. Щуклин.

Немало памятников Ленину было создано к очередным юбилеям Октябрьской революции. Так, в 1947 г. памятники были установлены в локомотивном депо станции Кавказской и в станице Куцевской. К 40-летию революции в 1957 г. были установлены памятники Ленину в Орджоникидзе работы скульптора З.И. Азгура и архитектора Г.А. Захарова высотой в 12 м. Сама Театральная площадь получила имя Ленина, а предыдущий памятник был перевезен в городе Алагир и установлен перед кинотеатром «Комсомолец». В том же году были установлены памятники Ленину в Севастополе высотой свыше 29 м скульптора П.И. Бондаренко, архитекторов Г.В. Шуко и С.Я. Туровского, в Нальчике – скульптора А.И. Посядо и архитектора В.А. Артамонова, в Сочи – скульптора З.М. Виленского, архитектора Л.В. Руднева.

Открытие памятников в столицах Адыгейской и Карачаево-Черкесской автономных областей было приурочено к празднованию 400-летия их добровольного вхождения в состав России. В Черкесске памятник Ленину заложили непосредственно во время торжественных мероприятий 28 сентября 1957 г. и в том же году открыли. Создание памятника в Майкопе по постановлению Совета Министров РСФСР от 8 августа 1957 г. планировалось на следующий год (НАРА. Ф. Р-581. Оп. 1. Д. 133. Л. 381). Но памятник работы скульптора М.Г. Манизера и архитектора И.Е. Рожина на площади Ленина в Майкопе был открыт только в 1959 г.

К 50-летию Октябрьской революции в 1967 г. был открыт памятник Ленину на одноименной площади в Симферополе по проекту скульптора В.Г. Стамова и архитектора В.В. Попова высотой более 10 м, включая бронзовую фигуру вождя в 5,5 м. Ранее, в 1960 г. был открыт памятник Ленину на площади его имени в Волгограде работы скульптора Е.В. Вучетича и архитектора Т.А. Захарова. В 1962 г. – в Ставрополе по проекту скульптора П.И. Бондаренко и архитектора А.А. Заварзина. В 1963 г. в Ростове-на-Дону был установлен бронзовый памятник Ленину на пьедестале, облицованном гранитными плитами, общей высотой в 12,5 м на площади, получившей его имя, как и прилегающий к ней проспект. Авторами являлись скульптор И.Д. Бродский, архитекторы Н.Н. Миловидов и С.С. Ожегов. А в 1970 г. был восстановлен разрушенный оккупантами памятник Ленину у входа в парк им. Горького. В том же году на Октябрьской площади Таганрога был открыт памятник Ленину скульптора Н.В. Томского.

Ранее, в 1968 г. был открыт памятник Ленину в Астрахани скульптора З.И. Азгура и архитектора В.М. Ананьева. В 1973 г. был открыт самый большой памятник Ленину взамен снесенного в 1969 г. памятника Сталину в ходе в Волго-Донской канал. Авторами являются скульптор Е.В. Вучетич и архитектор Л.М. Поляков. Общая высота памятника составляет 57 м, высота скульптуры – 27 м, монолитного железобетонного постамент, облицованного гранитными блоками – 30 м.

К концу 1980-х гг. памятники Ленину были установлены практически во всех населенных пунктах СССР для реализации не столько мемориальной функции – увековечивания памяти о самом основателе партии большевиков и советского государства, сколько пропагандистской – закрепления символов нового строя. Неслучайно они размещались обычно в наиболее значимых местах массового скопления людей: в парках, на главных городских площадях, перед административными зданиями, железнодорожными и автомобильными вокзалами, формируя не только новый архитектурно-мемориальный ландшафт, но и соответствующее идеологическое пространство. Кинорежиссер А.Ю. Ханютин называет такие главные памятники «кафедральными», поскольку их характерным компонентом выступала трибуна: «Обычно трибуна обрамляла постамент памятника, составляя с ним единый архитектурный объект. По красным дням календаря здесь проходил важнейший для советской политической системы ритуал самопрезентации власти, призванный подтвердить ее легитимность». Самая большая группа памятников получила названия «местнотимых»: они использовались «для церемоний, масштаб которых не требовал трибуны и места для массовых шествий. Возле памятника Ленину, расположенного на территории промышленного предприятия, мог состояться заводской митинг, возле Ленина, установленного перед зданием средней школы, – прием школьников в октябрята или пионерская линейка, возле Ленина, принадлежащего ЖЭКу, – ленинский субботник» (Ханютин, 2010: 81).

В большинстве своем памятники Ленину были типичными в художественном решении, различаясь размерами и материалом. Широкое распространение получили гранитные и бетонные копии созданных еще в 1920-е гг. статуй вождя Г.Д. Алексеева, А.Л. Котихина, В.В. Козлова, в 1930-е гг. – С.Д. Меркурова, Г.В. Нероды, в 1950-е гг. – П.П. Яцыно, в 1970-е гг. – Л.Е. Кербеля и других скульпторов. Это было связано с тем, что если в первые советские десятилетия памятники создавались в значительной степени стихийно, то в последующем их проекты рассматривали и утверждали художественные советы и комиссии различных уровней.

Нередко вождя изображали вместе с людьми из народа – крестьянами, рабочими, красноармейцами, особенно часто – с детьми, что способствовало формированию образа Ленина как «самого человеческого человека», заботившегося о воспитании подрастающего поколения. Такие памятники часто устанавливались на территориях школ, детских садов и пионерских лагерей. Нередки были композиции, представлявшие рядом с Лениным сидевшего или стоявшего Сталина – бетонные копии скульптуры Е.И. Белостоцкого, Г.Л. Пивоварова и Э.М. Фридмана (1937) или В.Б. Пинчука и Р.К. Таурита (1949). Но с началом критики культа личности Сталина практически все памятники с ним были демонтированы (Какими бывают памятники Ленину, 2017).

Сколько всего памятников Ленину было создано на юге России в советскую эпоху, и сколько из них продолжает существовать в настоящее время, ответить точно невозможно: специальных подсчетов не велось, а сведения обобщающих справочников крайне неполны. На специальном сайте «Памятники Ленину» указаны 1093 памятника Ленину на юге России, в том числе: 20 в Адыгее, 36 в Дагестане, 1 в Ингушетии, 16 в Кабардино-Балкарии, 14 в Калмыкии, 14 в Карачаево-Черкесии, 23 в Северной Осетии – Алании, 10 в Чечне, 292 в Краснодарском крае, 104 в Ставропольском крае, 41 в Астраханской области, 97 в Волгоградской области, 244 в Ростовской области, 181 в Крыму. Среди городов юга России по количеству монументов лидируют Краснодар (21), Сочи (18), Волгоград (15), Астрахань (14) (Памятники Ленину, 2017).

Современные мемориальные практики.

В 1990-е гг. произошли значительные перемены в мемориальной политике, вызванные общими изменениями в жизни страны. Кардинальный поворот в политике памяти в России произошел в 1990-е гг. Он привел к значительной переоценке событий и участников революции и Гражданской войны. Они выразились, в первую очередь, в сносе ряда памятников, посвященных революционерам и советским лидерам, в отказе от героизации наиболее одиозных персонажей и событий. Так, с постамента памятника 1-й Конной армии исчезла бронзовая доска с прежней формулировкой, признанной «некорректной». В Краснодаре демонтировали памятник Свердлову, восстановив памятник Екатерине II, а

сквер Свердлова переименовали в Екатерининский. Памятник Кирову перенесли на угол улицы Пушкинской и Кировского проспекта, восстановив Покровский храм. В 1990 г. Орджоникидзе был переименован во Владикавказ, а на следующий год здесь демонтировали памятник Г.К. Орджоникидзе. Это обуславливалось обострением осетино-ингушского конфликта: считается, что Орджоникидзе в «годы установления советской власти на Тереке занял четкую проингушскую позицию» (Кушаты, 2009).

Часть памятников была демонтирована самими властями вследствие плохого состояния и отсутствия возможностей их содержать, другие по идеологическим причинам, третьи – вследствие действий вандалов. Так, в 1990-е гг. был уничтожен памятник на месте десанта А.В. Мокроусова на территории городского округа Судака. Вандалы разбили памятник в Невинномысске на месте братской могилы партизан, оставив от него один постамент.

В 1990-х гг. на всем постсоветском пространстве начался демонтаж памятников Ленину. На территории юга страны, как и в целом в России, он не получил столь широкого размаха, как в других государствах, образовавшихся после распада СССР и странах бывшего «Восточного блока». Тем не менее, в Краснодаре в 1992 г. был демонтирован памятник на улице Красноармейской, а в Ростове-на-Дону в 2006 г. – в парке Собино. В то же время часть памятников позже была восстановлена. В начале 1990-х гг. по требованию ряда общественных организаций был снесен памятник Ленину в Нальчике. Но в 2004 г. по инициативе коммунистов республики его восстановили, немного изменив местоположение – в конце площади, неподалеку от Дома правительства. В Грозном главный памятник Ленину демонтировали в 1991 г., а остальные разрушили в ходе боевых действий.

Памятник Ленину с площади перед зданием Законодательного собрания Краснодарского края в Краснодаре в 2007 г. был перенесен на Привокзальную площадь, а вместо него была установлена конная статуя кубанского казака, отражавшая новые идеологические приоритеты краевых властей. 5 декабря 1993 г. в результате теракта был взорван памятник Ленину во Владикавказе. Позже его восстановили. Весной 2009 г. вандалы пытались замазать черной краской портрет Ленина под Пятигорском, но его также восстановили. В том же году был уничтожен памятник у проходной завода ГПЗ-34 в Ростове-на-Дону. Несколько раз подвергался действиям вандалов и памятник Ленину возле парка им. Горького в донской столице. А пострадавший вследствие действий вандалов памятник в поселке Таловом города Шахты в 2013 г. просто пришлось снести, так как он не подлежал восстановлению (Новиков, 2016). В середине сентября 2017 г. вандалы исписали памятник вождю революции на главной площади города Волжского, после чего его привели в порядок местные комсомольцы (Макарова, 2017).

Наиболее конфликтный характер приобрел вопрос о судьбе памятников Ленину в Крыму, что было прямым следствием развернувшейся на Украине кампании «Ленинопада» (Кринко, 2014). 26 февраля представители крымских татар на митинге в поддержку Майдана объявили 10-дневный ультиматум городским властям о сносе памятника Ленину в Симферополе. В ответ городские организации коммунистов и пенсионеров заявили о защите памятника от сноса. Памятник Ленину в Симферополе и большинстве других городов и поселков Крыма удалось отстоять. В то же время зимой 2014 г. был сброшен с пьедестала памятник Ленину в поселке Зуя Белогорского района. Однако вскоре памятник был восстановлен. 12 июля 2016 г. был сброшен с постаментов памятник маленькому Володе Ульянову в детском парке Севастополя (В Севастополе сбросили с постаментов памятники юному Володе Ульянову), а 21 октября того же года уничтожен памятник Ленину в Судаке.

Наряду с демонтажем советских монументов в 1990–2000-е гг. появились новые памятники, связанные с событиями революции и Гражданской войны. Их количество не столь значительно, как прежде. Обычно они не носят столь очевидной идеологической нагрузки, выступая результатом совместных действий местных властей и общественности. Так, в Новороссийске в 2008 г. был установлен памятник Новороссийской республике в честь событий Первой русской революции 1905 г., заложенный еще 33 года назад, в 1975 г. (автор – скульптор А. Суворов).

Рис. 11–12. Фрагменты памятника Новороссийской республике

Новой мемориальной тенденцией стало создание памятников участникам Белого движения. Первым таким монументом на юге России стал памятник генералу С.Л. Маркову. Первоначально его планировали воздвигнуть в Ростове-на-Дону возле здания, в котором в 1918 г. заседал штаб Добровольческой армии. Однако затем было решено установить памятник в Сальске недалеко от места его гибели. На открытии памятника в 2003 г. присутствовали многие официальные лица, а сам он получил положительную оценку в общественном мнении. С 1995 г. кубанские казаки проводят Корниловские поминовения, а в 2013 г. открыт трехметровый бронзовый памятник Л.Г. Корнилову на месте его гибели в окрестностях Краснодара. В Симферополе на территории храма Святого Илии был установлен памятный крест жертвам красного террора зимы 1918 г. Но попытки мемориализации таких казачьих лидеров, воевавших в годы Гражданской войны против большевиков, а затем пошедших на сотрудничество с вермахтом, как П.Н. Краснов или А.В. Туркул, вылились в настоящие мемориальные конфликты.

В городском саду Краснодара 7 ноября 1998 г. был установлен монумент, получивший название «Примирение и согласие». Это памятник екатеринодарцам, жертвам Гражданской войны в России (скульптор А.П. Корнаев, архитектор А.Д. Гурин). Он представляет собой две семиметровые полуарки, возвышающиеся над гранитной плитой, на которую возложены символы враждующих армий – буденовка и папаха. Памятник с таким же названием установлен в Новочеркасске в 2005 г. На нем изображены с одной стороны буденовка и винтовка, с другой – казачья фуражка и шашка, символизирующие раскол казачества в годы Гражданской войны. Вокруг памятника находятся мемориальные плиты с названиями всех казачьих войск России и Ближнего Зарубежья. Впереди на мемориальной плите слова: «Во имя памяти о прошлом. Во имя настоящего и будущего казачества мы пришли к примирению и согласию. Слава Богу, мы – Казаки».

Попытка достижения исторического компромисса выразилась в участии официальной российской делегации в установлении на острове Лемнос мемориального креста с изображенным на нем терновым венцом в 2004 г., а затем и специального памятника в 2009 г. похороненным здесь казакам. Однако достичь полного согласия пока не удастся, что отражают новые войны памяти, сопровождаемые новыми «войнами с памятниками».

4. Выводы

Калейдоскопичность и быстротечность в развитии событий революции не позволила создать посвященных им мемориальных объектов в 1917 г. на юге страны. Но уже во время Гражданской войны гибель ее участников облекалась в соответствующие мемориальные формы. Окончание войны означало утверждение в качестве не только господствующей, но и единственной официально признанной мемориальной версии победителей и вытеснение альтернативного варианта за рубеж страны вместе с ее носителями – самими эмигрантами из России.

Вплоть до начала 1990-х гг. монументы и мемориалы, посвященные революции и Гражданской войне, в первую очередь, памятники В.И. Ленину, утвердились в качестве важнейших объектов, формирующих пространство исторической памяти советского общества. О значительном расширении выполняемых ими символических и социокультурных функций свидетельствовало проведение возле памятников различных церемоний (демонстраций, парадов, их посещений новобранцами, бывшими участниками событий, туристами, школьниками и т.д.).

Современные мемориальные практики увековечивания событий революции и Гражданской войны становятся более разнообразными в содержательном отношении. Наряду с сохранением значительного количества прежних памятников создается новый мемориальный ряд с другими героями. Однако мемориальные конфликты свидетельствуют о том, что достичь согласия в этом вопросе пока все ее не удастся. Осознание исторического смысла трагедии революции и Гражданской войны не стало основой для формирования национальной или региональной идентичности, способствующей общественной консолидации. Напротив, обращение к данным событиям часто используется как повод для выражения разногласий отдельных групп и слоев в современном российском обществе, существующих в нем политических и идеологических противоречий.

5. Благодарности

Работа выполнена в рамках реализации государственного задания по проведению фундаментальных исследований на 2016 г. № 0260-2014-0006 «Историко-культурное наследие юга России в условиях модернизации».

Литература

Ачмиз, 2017 – Интервью с доктором исторических наук К.Г. Ачмизом, 24 октября 2017 г., г. Майкоп. Продолжительность 72 минуты. Интервьюер Е.Ф. Кринко.

Белое движение, 2007 – Белое движение. Поход от Тихого Дона до Тихого океана. М.: Вече, 2007. 378 с.

Бугаев, 2017 – Письмо кандидата исторических наук А.М. Бугаева (г. Грозный) Е.Ф. Кринко от 11 октября 2017 г.

В Севастополе сбросили с постаamenta памятник юному Володе Ульянову – В Севастополе сбросили с постаamenta памятник юному Володе Ульянову. URL: <https://ria.ru/incidents/20160712/1464535607.html> (дата обращения: 15.09.2017).

Гурьянова, 2015 – Гурьянова В.С. Символический памятник реальным людям // *Волгоградская правда*. 2015. 6 июня. № 101. С. 1, 4.

Гагкуев, 2006 – Гагкуев Р.Г. Последний рыцарь // Дроздовский и дроздовцы. М.: Посев, 2006. С. 11–125.

Какими бывают памятники Ленину, 2017 – Какими бывают памятники Ленину? URL: <http://lenin.tilda.ws/typology> (дата обращения: 15.06.2017).

Киричек, 2010 – Киричек М.С. Музей под открытым небом. Таганрог: ИП Стадников Р.Н., 2010. 230 с.

Корякина, 2017 – Корякина В. История памятников и памятных знаков в поселке Орловский Ростовской области. URL: http://letopisi.org/index.php/История_памятников_и_памятных_знаков_в_посёлке_Орловский_Ростовской_области (дата обращения: 15.06.2017).

Красный террор в годы Гражданской войны, 2004 – Красный террор в годы Гражданской войны. М.: ТЕРРА-Книжный клуб, 2004. 512 с.

Кринко, 2014 – Кринко Е.Ф. «Ленинопад» в мемориальной политике современной Украины // Украинский кризис: предпосылки, формы и проявления: материалы круглого стола (1 октября 2014 г., Ростов-на-Дону). Ростов-на-Дону: Издательство ЮНЦ РАН, 2014. С. 152–169.

Кринко, 2016а – Кринко Е.Ф. Войны XX в. в исторической памяти юга России // Память и время: влияние войн и вооруженных конфликтов XX в. на российское общество. Сборник статей Международной научно-практической конференции (г. Новороссийск, 12–15 сентября 2016 г.). Пенза: Пензенский государственный университет, 2016. С. 17–25.

Кринко, 2016б – Кринко Е.Ф. Войны XX в. в мемориальной культуре Северного Кавказа // Кавказоведение: стратегия развития в XXI в. и взаимодействие с образованием. Материалы IV международного форума историков-кавказоведов (г. Ростов-на-Дону, 19–20 октября 2016 г.). Ростов-на-Дону: Фонд науки и образования, 2016. С. 48–55.

Кринко, Хлынина, 2015 – Кринко Е.Ф., Хлынина Т.П. Украина без Ленина: старые памятники и новая идеология // *Российские регионы: взгляд в будущее*. 2015. № 1(2). С. 40–57.

Крылов, 2016 – Крылов Д. О чем могут рассказать те или иные названия улиц, которые дают не случайно // *Советская Адыгея*. 2016. 29 августа.

Кудинов, 2015 – Кудинов Д. Первые памятники Ленину. URL: <http://lenin.tilda.ws/pervye-pamyatniki-leninu> (дата обращения: 15.06.2017).

Кушаты, 2009 – Кушаты О. Орджоникидзе как символ поверхностной памяти // Вестник Кавказа. 2009. 17 декабря. URL: <http://vestikavkaza.ru/articles/13055.html> (дата обращения: 15.06.2017).

Макарова, 2017 – Макарова П. Волжские комсомольцы отмыли памятник Ленину // Социноформбюро. Информационное агенство. 15.09.2017. URL: <http://volgasib.ru/obshestvo/40019-volzhskie-komsomolczy-otmyli-pamyatnik-leninu.html> (дата обращения: 17.09.2017).

НАРА – Национальный архив Республики Адыгея (НАРА).

Новиков, 2017 – Новиков А. В Ростове на памятнике Ленину появилась неприличная надпись. 4.04.2016. URL: http://www.donnews.ru/V-Rostove-na-pamyatnike-Leninu-royavilas-perilichnaya-nadpis_24216 (дата обращения: 15.09.2017).

Памятники Ленину, 2017 – Памятники Ленину. URL: <http://leninstatues.ru> (дата обращения: 15.06.2017).

Памятники славы и бессмертия, 1980 – Памятники славы и бессмертия. Симферополь: Таврия, 1980. 176 с.

С думой об Ильиче – С думой об Ильиче // *Советская Кубань*. 1980. 19 апреля.

Соколов, 2010 – Соколов Д. Утраченные памятники Севастополя // *Первая крымская*. Информационно-аналитическая газета. 2010. 8–14 октября. № 344. URL: <http://1k.com.ua/344/details/22/1> (дата обращения: 11.09.2017).

Стригалёв, 1987 – Стригалёв А. Рожденные революцией // *Наука и жизнь*. 1987. № 11. С. 50–51.

Ханютин, 2010 – Ханютин А. Зеркала русской эволюции // *Вокруг света*. 2010. № 4. С. 80–84.

References

Achmiz, 2017 – Interview with Dr (History) K.G. Achmiz, October 24, 2017, Maikop. The duration is 72 minutes. Interviewer E.F. Krinko [in Russian].

Beloe dvizhenie, 2007 – Beloe dvizhenie. Pokhod ot Tikhogo Dona do Tikhogo okeana [White movement. A trip from the Pacific Don to the Pacific Ocean]. Moscow: Veche, 2007. 378 p. [in Russian].

Bugaev, 2017 – Letter of the PhD (history) A.M. Bugaev (Grozny) to E.F. Krinko on October 11, 2017 [in Russian].

V Sevastopole sbrosili s postamenta pamyatnik yunomu Volode Ul'yanovu – V Sevastopole sbrosili s postamenta pamyatnik yunomu Volode Ul'yanovu [In Sevastopol a monument to the young Volodya Ulyanov was dropped from the pedestal]. URL: <https://ria.ru/incidents/20160712/1464535607.html> (accessed on: September, 9, 2017) [in Russian].

Gur'yanova, 2015 – Gur'yanova V.S. Simvolicheskiy pamyatnik real'nyam lyudyam [Symbolic monument to real people] // *Volgogradskaya pravda*. June, 6, 2015. № 101. P. 1, 4 [in Russian].

Gagkuev, 2006 – Gagkuev R.G. Posledniy rytsar' [The last knight] // *Drozdovskiy i drozdovtsy* [Drozdovskiy and Drozdovtsy]. Moscow: Posev, 2006. P. 11–125 [in Russian].

Kakimi byvayut pamyatniki Leninu, 2017 – Kakimi byvayut pamyatniki Leninu? [What are the monuments to Lenin?] URL: <http://lenin.tilda.ws/typology> (accessed on: June 15, 2017) [in Russian].

Kirichek, 2010 – Kirichek M.S. Muzey pod otkrytym nebom [Open-air museum]. Taganrog: SP Stadnikov R.N., 2010. 230 p. [in Russian].

Koryakina, 2017 – *Koryakina V.* Istoriya pamyatnikov i pamyatnykh znakov v poselke Orlovskiy Rostovskoy oblasti [History of monuments and memorable signs in the village of Orlovsky, Rostov Region]. URL: http://letopisi.org/index.php/Istoriya_pamyatnikov_i_pamyatnykh_znakov_v_poselke_Orlovskiy_Rostovskoy_oblasti (accessed on: June 15, 2017) [in Russian].

Krasnyy terror v gody Grazhdanskoj vojny, 2004 – Krasnyy terror v gody Grazhdanskoj vojny [Red Terror during the Civil War]. Moscow: TERRA-Knizhnyy klub, 2004. 512 p. [in Russian].

Krinko, 2014 – *Krinko E.F.* «Leninopad» v memorial'noy politike sovremennoy Ukrainy [“Leninopad” in the memorial policy of modern Ukraine] // Ukrainskiy krizis: predposylki, formy i proyavleniya [Ukrainian crisis: preconditions, forms and manifestations]: materials of the round table (October 1, 2014, Rostov-on-Don). Rostov-on-Don: Publishing house of the UNC RAS, 2014. pp. 152–169 [in Russian].

Krinko, 2016a – *Krinko E.F.* Voyny XX v. v istoricheskoy pamyati yuga Rossii [Wars of the twentieth century. in the historical memory of the south of Russia] // Pamyat' i vremya: vliyanie voyn i vooruzhennykh konfliktov XX v. na rossiyskoe obshchestvo [Memory and Time: The Impact of Wars and Armed Conflicts of the Twentieth Century on Russian society]. Collection of articles of the International Scientific and Practical Conference (Novorossiysk, September 12–15, 2016). Penza: Penza State University, 2016. pp. 17–25 [in Russian].

Krinko, 2016b – *Krinko E.F.* Voyny XX v. v memorial'noy kul'ture Severnogo Kavkaza [Wars of the twentieth century. in the memorial culture of the North Caucasus] // Kavkazovedenie: strategiya razvitiya v XXI v. i vzaimodeystvie s obrazovaniem [Kavkazovedenie: development strategy in the XXI century and interaction with education]. Materials of the IV International Forum of Caucasian Historians (Rostov-on-Don, October 19–20, 2016). Rostov-on-Don: The Foundation for Science and Education, 2016. pp. 48–55.

Krinko, Khlynina, 2015 – *Krinko E.F., Khlynina T.P.* Ukraina bez Lenina: starye pamyatniki i novaya ideologiya [Ukraine without Lenin: Old Monuments and a New Ideology] // Russian regions: looking into the future. 2015. № 1 (2). pp. 40–57 [in Russian].

Kudinov, 2015 – *Kudinov D.* Pervye pamyatniki Leninu [The first monuments to Lenin]. URL: <http://lenin.tilda.ws/pervye-pamyatniki-leninu> (accessed on: June 15, 2017) [in Russian].

Kushaty, 2009 – *Kushaty O.* Ordzhonikidze kak simvol poverkhnostnoy pamyati [Ordzhonikidze as a symbol of surface memory] // *Vestnik Kavkaza*. December, 17, 2009.

Makarova, 2017 – *Makarova P.* Volzhskie komsomol'tsy otmyli pamyatnik Leninu [Volzhsky Komsomol members washed the monument to Lenin] // Sotsinformbureau. Information agency. September, 15, 2017. URL: <http://volgasib.ru/obshchestvo/40019-volzhskie-komsomolczy-otmyli-pamyatnik-leninu.html> (accessed on: September, 17, 2017) [in Russian].

NARA – National Archive of the Republic of Adygea (NARA).

Novikov, 2017 – *Novikov A.* In Rostov on the monument to Lenin appeared indecent inscription. April, 4, 2016. URL: http://www.donnews.ru/V-Rostove-na-pamyatnike-Leninu-poyavilas-neprilichnaya-nadpis_24216 (accessed on: September 15, 2017) [in Russian].

Pamyatniki Leninu, 2017 – Pamyatniki Leninu [Monuments to Lenin]. URL: <http://leninstatues.ru> (accessed on: June, 15, 2017) [in Russian].

Pamyatniki slavy i bessmertiya, 1980 – Pamyatniki slavy i bessmertiya [Monuments of glory and immortality]. Simferopol: Tavria, 1980. 176 p. [in Russian].

S dumoy ob Il'iche – S dumoy ob Il'iche [With a thought about Ilyich] // *Sovetskaya Kuban*. April, 19, 1980 [in Russian].

Sokolov, 2010 – *Sokolov D.* Utrachennye pamyatniki Sevastopolya [The Lost Monuments of Sevastopol] // *Pervaya krymskaya*. Information and analytical newspaper. October, 8–14, 2010. № 344. URL: <http://1k.com.ua/344/details/22/1> (accessed on: September, 11, 2017) [in Russian].

Strigalev, 1987 – *Strigalev A.* Rozhdennye revolyutsiy [Born of the Revolution] // *Nauka i zhizn'*. 1987. № 11. pp. 50–51 [in Russian].

Khanyutin, 2010 – *Khanyutin A.* Zerkala russkoy evolyutsii [Mirrors of Russian Evolution] // *Vokrug sveta*. 2010. № 4. pp. 80–84 [in Russian].

УДК 93+730

Мемориализация событий и участников революции и Гражданской войны на юге РоссииЕвгений Федорович Кринко ^{а,*}^а Институт социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра Российской академии наук, Российская Федерация

Аннотация: Первые мемориальные объекты, посвященные событиям и участникам Российской революции и Гражданской войны, появились на юге страны в 1918–1920-х гг. Они были созданы как большевиками, так и их противниками. Однако с завершением Гражданской войны в мемориальной политике стала закрепляться память о победителях. Мемориалы в честь представителей Белого движения создавались только в эмиграции. Важным направлением советской мемориальной политики было создание памятников в честь В.И. Ленина, И.В. Сталина, а также С.М. Кирова, Г.К. Орджоникидзе и других руководителей партии и страны. В 1990-е гг. начался новый этап в мемориальной политике. Он выразился в увековечивании памяти о противниках большевиков, деятельность которых ранее замалчивалась. Мемориальные конфликты свидетельствуют о том, что компромисс в отношении к революции и Гражданской войне в мемориальной политике все еще не достигнут.

Keywords: Гражданская война в России, историческая память, мемориальная культура, мемориальная лениниана, Российская революция 1917 г., политика памяти, юг России.

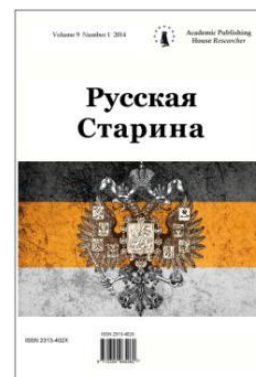
* Корреспондирующий автор
Адреса электронной почты: krinko@ssc-ras.ru (Е.Ф. Кринко)

Copyright © 2017 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Slovak Republic
 Russkaya Starina
 Has been issued since 2010.
 ISSN: 2313-402x
 E-ISSN: 2409-2118
 2017, 8(2): 173-185

DOI: 10.13187/rs.2017.2.173
www.ejournal15.com

UDC 93/94

Love at the War. Women and Men in the Red Army (On the Pages of the Letters and Diaries of Soviet Jews in 1941–1945). Part 1

Leonid L. Smilovitsky ^{a, *}

^a The Goldstein-Goren Diaspora Research Center, Tel Aviv University, Israel

Abstract

The article is devoted to the little studied theme of the role of female servicemen in the Red Army during the war and their position in the men's group. Among the 800,000 women in the Soviet Union who participated in the war, the majority took part in the fighting. The author tries to explain how women, who by nature should give birth, educate, teach, and save, but not kill, were able to become soldiers as required in the war. Women shared all the hardships of the front-line situation and bore the burden of war on a par with men. They died from bullets, shells and bombs, burned in airplanes, were wounded and became crippled without arms and legs. Some of them, having withstood all the trials, lost the gift of motherhood and could not create families. The author comes to the conclusion that the greatest merit of women in the army during the war years was that by their presence they allowed men to feel their own strength, to be courageous, to do their duty, to fight and win. This study is based on WW2 correspondence, letters and diaries of Soviet Jews who served in the Red Army, which were recently collected in the archives of the Diaspora Research Center at Tel Aviv University (2012-2017) and now, for the first time, are used for academic purposes.

Keywords: WW2 correspondence, military field post, Great Patriotic War, Jews in the Red Army, men and women in war, love and war, women's contribution to the defeat of Nazi Germany, patriotism, women's honor, romantic correspondence, jealousy, betrayal, adultery.

1. Введение

Письма о любви являются неотъемлемой частью почтовой переписки в годы Второй мировой войны. В ней участвовали люди разного возраста, с разным жизненным опытом, культурным уровнем, социальным положением, семейные и холостые, одинокие и разведенные, юноши и девушки, вчерашние школьники, ставшие солдатами и солдатками. Исходя из этого, в эпистолярном жанре любовная лирика оказалось далеко неравнозначной по своему содержанию и манере изложения. Одни письма отличались логикой изложения и образностью, другие, наоборот, были сумбурными и малограмотными, третьи – многословными или, наоборот, излишне сдержанными. Авторы писем часто выдавали желаемое за действительное, допускали идеализацию своего избранника или

* Corresponding author
 E-mail addresses: smilov@zahav.net.il (L.L. Smilovitsky)

человека, от которого хотели добиться признания. Они вспоминали прошлое и строили планы на будущее, давали оценку поведению своих близких и окружающих людей.

Многое зависело от того, кто писал письма и кому они были адресованы. Мужчины писали женщинам, юноши – девушкам, мужья – женам, жены – мужьям, девушки – девушкам, женщины – женщинам, солдаты и солдатки – родителям, соседям, знакомым. Если письма переполняли чувства, то они, как правило, принадлежали молодым людям до вступления в брак. В таких посланиях много эмоций, искренности, желания быть услышанным и понятым, обнимать, ласкать, обладать. В письмах супругов, имевших опыт семейной жизни, присутствовали уже не только эмоции, но и забота об оставленных женах и детях.

Мужчины требовали в письмах подтверждения, что дома жены не предпочтут им других мужчин даже для временной связи. Жены, со своей стороны, хотели быть уверенными, что мужья, рискуя ежедневно жизнью на передовой, не допустят слабости и не станут проводить время с посторонними женщинами. Сомнения в супружеской верности, о которых мы читаем в письмах, подогревались разговорами окружающих (как в тылу, так и на фронте) о том, что война «все спишет». Это были намеки или открытые упреки, требования еще раз повторить слова верности о том, что муж любит жену, а жена – мужа. Иногда высказывалась откровенная просьба – написать «большое и хорошее» письмо о любви. Без этого солдату трудно было сохранять душевное равновесие, выдерживать напряжение на фронте, тяготы и лишения жизни в эвакуации и просто существовать.

В письмах мы читаем не только признания в любви и в верности, но и упреки, раздражение, разочарование. Отсутствие писем или большой перерыв в переписке зачастую рождали сомнения, воспринимались как безразличие, подозрения в супружеской неверности, наличие мимолетных связей. Иногда неосторожное слово, прочитанное в письме, приводило к размолвке, выяснению отношений, за которым следовала ссора или примирение, с последующими извинениями, заверениями в неизменности чувства и преданности любимому человеку. Почти не было писем, в которых отношения между партнерами развивались поступательно и равномерно. В большинстве писем чувствуется волнения, пульс жизни, ритм переживаний, подъемы и спады любовной лирики. Другими словами, присутствовали все закономерные этапы, которые имели место в отношениях мужчин и женщин, если бы они встречались наяву, имели возможность дотронуться друг друга, держать за руку, обнимать, целовать и обладать.

Тема любви оставалась центральной в переписке фронта и тыла все годы войны. Это было естественное желание иметь любимого человека, женщину или мужчину, сохранять уверенность в его преданности. Конфликт, рожденный в письмах, был способен натворить много бед. Это могло стать причиной душевного дискомфорта, привести к нервному расстройству, непродуманным шагам, неадекватному поведению, а иногда даже ставило в опасность жизнь солдата. Вот почему существовал приказ не вручать письма из дома солдатам перед боем или тем, как он должен заступить в наряд.

Роль женщины армии была многоликой. Она не только заменяла солдата-мужчину, который уходил на передовую. Уставы армейской службы гарантировали женщине-военнослужащей формальное равенство с мужчиной, однако ее природа этому противилась. Разница была слишком велика. Женщина, вопреки своим служебным обязанностям, могла облагородить мужское общество, но могла и развратить. Она могла быть не только предметом вожделения, раздражения, зависти, скрытого соперничества, но и погасить конфликт. Поднять руку на женщину-солдата, товарища по оружию, считалось недостойным шагом и заслуживало справедливого осуждения.

Солдаты старших возрастов, оставившие на родине (в тылу, в оккупации или эвакуации) свои семьи и детей, смотрели на молоденькую солдатку другими глазами, нежели ее ровесники или неженатые мужчины. Они лучше других понимали опасности, которые подстерегали женщину на войне, старались уберечь ее, насколько это было возможно.

2. Материалы и методы

Отношения мужчины и женщины в годы войны подавались в советской научной и исторической литературе с большой опаской. Нужно было показать тему так, чтобы свести

сексуальное начало к минимуму. О женщинах в Красной армии существует обширная литература, которая долгое время была посвящена в основном их воинским подвигам (Героини войны, 1963; Мурманцева, 1979; Иванова, 2002 и др.). Однако, как считает проф. О.В. Будницкий, представительницы прекрасного пола на войне интересовали мужчин в первую очередь как женщины, а не как специалисты ратного дела (Будницкий, 2011: 409–410). Западные историки не были ограничены в направлениях своего научного поиска (Campbell D'Ann, 1993; A Revolution of Their Own, 1998; Markwick, Charon Cardona, 2012; Soviet Jews and World War II, 2014 и др.). При этом многие из них явно отдавали предпочтение теме сексуальной привлекательности женщин-военнослужащих в глазах мужчин, которая вызывала у читателей наибольший интерес (Costello, 1986; Krylova, 2012 и др.).

В российской историографии в самое последнее время появились интересные и заслуживающие внимания публикации, основанные главным образом на источниках личного происхождения (письмах, дневниках, воспоминаниях и интервью) (Кринко, Тажидинова, 2011; Сенявская, 2013; Смеюха, 2013; Тажидинова, 2012; Тажидинова, 2013 и др.). Важный материал по рассматриваемой теме содержится в монографиях, посвященных советской повседневности и частной жизни советского человека в годы войны (Кринко, Тажидинова, Хлынина, 2011; Кринко, Тажидинова, Хлынина, 2013), а также в сборниках документов и писем (Советская повседневность и массовое сознание: 1939–1945 гг., 2003; XX век: Письма войны, 2016 и др.). Особенности переписки еврейских военнослужащих Красной армии в 1941–1945 гг. отражены в специальных сборниках фронтовых писем и дневников, опубликованных за последние два десятилетия (Сохрани мои письма..., 2007; Сохрани мои письма..., 2010; Сохрани мои письма..., 2013; Сохрани мои письма..., 2016; To Pour Out My Bitter Soul, 2016).

Вместе с тем, несмотря на всю интригу темы интимной близости на войне, этот вопрос не затмевал собой всю яркую палитру отношений между мужчиной и женщиной. Далеко не все женщины были доступны, вели себя предосудительно и предавались удовольствиям при малейшей возможности. Избранное цитирование источников некоторыми авторами (в данном случае писем и дневников войны), чтобы угодить читателю, не делает достоверным научный поиск (Ермоленко, 2000; Иноземцев, 2005; Жукова, 2006; Дунаевская, 2010; Комский, 2011 и др.). Безусловно, проблема взаимоотношения полов и внебрачных связей в воинских частях существовала, но несмотря свою остроту, публично не обсуждалась. Когда же разгорался скандал, то «сор» мели под «ковер». Спустя годы отсутствие достоверного материала родило миф о том, что в Красной армии, подобно советскому обществу в целом, все было чинно и пристойно, что исторически неверно.

Взвешивая всю сумму знаний, которой мы располагаем на сегодня о роли женщины в таком мужском деле, как война, задаешься вопросом, могло ли быть по-другому? Могла ли женщина в армии противостоять мужскому давлению и при этом выжить? Насколько женщина была защищена законом и пользовалась своими правами? Насколько пример женской чести был распространен и продолжителен? Кто вел себя достойно среди женщин, большинство или меньшинство? Вот вопросы, на которые пока нет ясного ответа, но мы должны их искать. В противном случае невозможно определить всю сложность человеческих взаимоотношений в годы войны в целом.

Настоящая статья написана, в основном, на материалах коллекции военных писем и дневников, которые были собраны в рамках проекта «Невостребованная память» в Центре диаспоры им. Гольдштейн-Горена при Тель-Авивском университете в последнее время (2012–2017) и впервые вводятся в научный оборот (Smilovitsky, 2014).

Метод исследования заключался в изучении, сопоставлении и анализе сведений, почерпнутых из писем, написанных в годы Великой Отечественной войны между фронтом и тылом. Они подвергались всесторонней проверке и уточнению с учетом того, что частная переписка в своем большинстве носила утилитарный и практический характер, не предназначалась для хранения и публикации. Оценка содержания писем опиралась на сложившиеся подходы в изучении истории советского общества и менталитета его граждан. Письма и дневники военных лет представляют собой чрезвычайно информативные источники по своей достоверности в описании эпохи и выражению эмоционального переживания людей.

3. Обсуждение и результаты

Призыв в армию женщин. Возможность призывать женщин, имеющих медицинскую и специально-техническую подготовку, в армию и на флот, впервые оговорил Закон о всеобщей воинской обязанности, принятый IV сессией Верховного Совета СССР 1 сентября 1939 г. После объявления о начале войны 22 июня 1941 г. женщины на его основании настойчиво добивались отправки на фронт. Среди добровольцев, подавших заявления в первые дни войны, ходатайства от женщин составляли почти половину. Девушки и молодые женщины записывались в народное ополчение и истребительные батальоны. Большинство из них считали себя защитниками Родины наравне с мужчинами. Значительная часть советской молодежи была уверена в том, что враг будет разбит в ближайшее время, поэтому каждый стремился скорее участвовать в его уничтожении. Военкоматы проводили мобилизацию населения, следуя полученным инструкциям. Домой отправляли тех, кому не исполнилось 18 лет, не имел военной специальности, или по состоянию здоровья.

Первая массовая мобилизация женщин в Советском Союзе была проведена в марте 1942 г. Она направляла 100 тыс. девушек-комсомолок в части противовоздушной обороны страны для замены красноармейцев-телефонистов, радистов, разведчиков-наблюдателей за воздухом зенитной артиллерии и других мужских военных должностей ([Женщины Великой Отечественной войны, 2014: 5](#)). Две другие мобилизации были объявлены в апреле 1942 г. По одной из них 30 тыс. женщин заменяли мужчин-радистов, работников полевой почты, цензоров, экспедиторов, телеграфных техников, делопроизводителей, чертежников, писарей, санитаров. По другой 40 тыс. женщин направлялось в административно-хозяйственную службу армии (заведующими складами, шоферами, трактористами, поварами, кладовщиками, счетоводами и др.), а также в войска связи, дополняя предыдущий призыв ([РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 2, Д. 53. Л. 106–108](#)). Женская мобилизация не считалась всеобщей. При призыве учитывали возраст девушек (от 18 до 25 лет), уровень образования (не ниже 5–7 классов), а также обязательное отсутствие детей.

Из 800 тыс. женщин в Советском Союзе, участвовавших в войне, 20 тыс. были еврейками ([Очерки еврейского героизма, 1997: 449](#)). Их общее количество по сравнению с 1939 г., когда был принят новый Закон о воинской обязанности, увеличилось в 118 раз. Еврейские девушки служили в сухопутных войсках (44 %), медицинской службе (29 %), противовоздушной обороне (10 %), связи (11 %), авиации (6 %). Большая часть евреев-военнослужащих, как мужчин, так и женщин, находилась на передовой, воевала в качестве рядовых солдат и младших офицеров. Среди погибших и пропавших без вести, умерших от ран 77,6 % составляли рядовые и сержанты, 22,4 % – младшие лейтенанты, лейтенанты и старшие лейтенанты ([Книга памяти воинов-евреев, павших в боях с нацистами 1941–1945 гг., 1996: 34](#)). Особенно высокой оказалась доля евреев среди военных медиков. Известно, что с 1941 по 1945 гг. на поле боя пали почти 6 тыс. евреев и евреек – военврачей и медицинских сестер ([Тимор, 1990: 16–17](#)). Это были именно те люди, которые за годы войны в силу своего возраста, темперамента и образования писали и получали письма о любви больше других.

Еврейки, девушки и молодые женщины часто переживали в армии общие трудности с не еврейками. Однако существовали отличия. Прежде всего, еврейки-военнослужащие и вольнонаемные Красной армии были в основном выходцами из города, а не из сельской местности. Большинство имели среднее или незаконченное среднее образование (7–9 классов). Много девушек-евреек вступило в армию добровольно, оставив студенческую скамью в техникуме или высшем учебном заведении. Случайные связи, которые им трудно было избежать на фронте и в действующей армии, не предполагали замужества, если избранник не оказывался евреем. В качестве сдерживающего фактора при вступлении в отношения с противоположным полом играла семейная традиция, имевшая большое значение у евреев. Именно семья для еврея в галуте (рассеянии) веками служила прибежищем от гонений, антисемитизма, несправедливости и дискриминации по национальному признаку. В СССР, где евреи впервые были официально уравниены в правах, занимали высокие должности и посты, эта традиция продолжала сохраняться. Ассимиляция, ускоренная советскими преобразованиями, до войны еще не приняла угрожающих размеров. При возможности евреи предпочитали брать в жены евреек,

а еврейки выходить замуж за евреев. Война сильно поколебала это правило, но не устранила его.

Еврейские девушки и женщины, как и их братья, мужья, отцы, друзья, евреи-юноши и молодые мужчины, в отличие от остальных советских граждан, не имели никаких шансов выжить, оставшись под властью немцев. Подавляющей части еврейского населения, включая подлежащих мобилизации граждан, это было очевидно уже в самом начале войны. На практике это означало, что они при любых обстоятельствах должны были сражаться на стороне советской власти и не жалеть сил ради ее победы, поскольку военное поражение СССР означало смертный приговор для всех евреев ([To Pour Out My Bitter Soul, 2016: 9–15](#)). Часть еврейских юношей и девушек 1925 г.р. была призвана в Красную армию из районов эвакуации, начиная с 1942 г. На основе работы с тысячами личных и наградных документов советских военнослужащих-евреев, бесед и интервью с участниками войны и членами их семей можно утверждать, что некоторые из них старались записать себя в мобилизационные предписания, а затем и в личные военные документы, как русских, белорусов, украинцев, татар, узбеков, грузин, армян и представителей других народов СССР. Эта наивная мера предосторожности, как они полагали, должна была помочь уцелеть в случае попадания в немецкий плен. В результате они воевали и погибали в составе Красной армии как представители других национальностей, но не как евреи.

Вторым фактором, повлиявшим на особое отношение советских евреев к войне с Германией, стало желание отомстить за гибель своих родных и близких. Наконец, антисемитизм значительной части советского населения, включая многих бойцов и командиров Красной армии, породил волну обвинений евреев в том, что они якобы уклоняются от участия в войне. Это привело к тому, что многие евреи и еврейки чувствовали необходимость доказать неевреям, что они хотят и могут храбро сражаться. Такова была общая ситуация, в которой оказались еврейские девушки и молодые женщины-военнослужащие Красной армии в годы войны ([Феферман, 2017: 258](#)).

Место женщин в армии. Отношения мужчин и женщин во время войны коренным образом изменились, поскольку мужчины остались без женщин, а женщины – без мужчин. При этом их соотношение в Красной армии и в тылу было прямо противоположным. Положение женщины на фронте отличалось от мужчин по многим параметрам. Женщины-добровольцы не хотели отставать от мужчин. Однако перед тем как попасть на фронт, мало кто из них представлял, как близко они окажутся от смерти. Особенности физиологии и военного быта накладывали отпечаток на их поведение и самочувствие, способность исполнять служебные обязанности. До призыва в армию большинство женщин не имели понятия о том, что война – это, прежде всего, тяжелый каждодневный труд, перенапряжение всех физических сил, отсутствие зачастую полноценного сна, возможности регулярно соблюдать личную гигиену, просто вымыться в бане.

С одной стороны, женщине было не место в армии, поскольку воевать (защищать с оружием в руках) должны были мужчины. С другой стороны, женщина помогала мужчине проявлять свои качества сильного пола. Присутствие женщины, как правило, облагораживало мужскую компанию, заставляло солдат и командиров вести себя более пристойно, не позволять лишнего, не допускать ненормативной лексики. Женщина приносила в армейскую обстановку необходимую эстетику, помогала обустроить даже временное жилье, а военный быт сделать более сносным.

Женщина пришла участвовать в войне не для того чтобы умереть, а для того, чтобы наравне с мужчинами защитить жизнь и победить, а потом вернуться домой и создать семью, родить детей, восполнить потери рода человеческого, которые ему нанесла война. И.Л. Фруг писала из действующей армии своей матери Е.О. Маневич в Москву в 1941 г.: «Мамочка, моя родная, любимая. Мамуся, я счастлива, я еду, наконец. Прости, прости, что ничего не сказала тебе: я не знала. Мамуся, я все напишу. Если ты настоящий человек Советского Союза, если для тебя честь и свобода Родины выше мелочей личности, то не плачь (или поплачь немного). Мама, помни, что для меня жить нельзя было иначе. Помни об этом всегда. Будь действительно Советским человеком – не плачь. Я счастлива. Только твоя Инна. Это не слова, это мое, мое сердце, душа, чувство» ([Письма Инны Львовны Фруг Екатерине Осиповне Маневич, 1941](#)). Позже, 11 июля 1944 г., она писала: «Пошли с подружкой

в летнюю столовую работать. На сутки. Надо было обслужить 300 человек: пилить и колоть дрова, таскать воды, разжигать печи, чистить картошку, мыть посуду и т.д. Работа, конечно, трудная, да еще жара. Но ничего, привыкла. Пилим дрова, они так и летят, пошла колоть. "Здорово ты колешь! А пилишь-то как! Ну, эти в лесу родились". Ничего себе лес ... чего стоило мне дожить до этих слов: "В лесу выросла"» ([Письма Инны Львовны Фруг Екатерине Осиповне Маневич, 11.07.1944](#)).

Эпштейн Р.Я. из г. Фрунзе писала отцу Я.А. Эпштейну в действующую армию 15 февраля 1942 г. «У нас здесь берут очень много девушек 1921–24 года рождения. Искру это, пожалуй, не коснется, зато Лялю тоже, наверно, возьмут. Аидка – молодец, она уже зенитчица. Я проклинаю свои года. Почему я не 1924 г.р. (Рут родилась в 1928 г. – Л.С.). С каким бы удовольствием я бы пошла сейчас на курсы, а потом на фронт. У нас берут многих девушек в летное училище и т.д. ([Письма Рут Яковлевны Эпштейн Якову Абрамовичу Эпштейну, 15.02.1942](#)). В свою очередь, Я.А. Эпштейн писал своей жене, матери Рут, Н.Я. Эпштейн (Должанской) в г. Фрунзе 4 марта 1943 г.: «Ты бы видела, какие бывают боевые девушки на фронте. Славные и хорошие, благодарные и простые в отношениях. Терпеливые и бодрые. Я столько людей уже повидал на этой войне и все больше убеждаюсь, какой у нас славный народ. Разношерстный, но славный. В особенности, молодежь. Они очень ценят теплое, дружеское отношение» ([Письма Якова Абрамовича Эпштейна Нине Яковлевне Эпштейн \(Должанской\)](#)). Позже, 31 мая 1943 г. он писал: «Только что я отправил почти всех своих девчат (медсестер и санитарок – Л.С.) на субботник – сплавать лес для госпиталя. Видела бы, как они справляются. Выполняют тяжелую работу лучше мужских команд. Работают не за страх, а за совесть» ([Письма Якова Абрамовича Эпштейна Нине Яковлевне Эпштейн \(Должанской\)](#)). 21 июля 1943 г. Р.Я. Эпштейн писала Я.А. Эпштейну: «Вчера я была в кино на новой картине "Она защищает Родину" (снят в 1943 г. режиссером Ф. Эрмлером по сценарию А. Каплера на Центральной объединенной киностудии в г. Алма-Ате, премьера состоялась 20 мая 1943 г. – Л.С.). Какой тяжелый фильм. Рыдания потрясли весь зал. Жестоко заплатят немцы за все зло: с каким удовольствием слушаешь – еще 70 населенных пунктов освобождены, еще 52... Сколько человеческих жизней спасают в один день. Папуся, скорее бейте этих гадов. Скорей бы кончилась война. Надоело! Я сейчас усиленно начала заниматься. Большевики должны преодолевать все преграды – так часто говорит мой друг, если мне что-нибудь трудно» ([Письма Рут Яковлевны Эпштейн Якову Абрамовичу Эпштейну](#)). Это – свидетельство девушки-подростка, для которой отец, служивший в армии, являлся гордостью и примером для подражания. Письма с фронта поддерживали родных в эвакуации.

М.Б. Ваил из действующей армии писал жене Б.Ш. Ваил-Новак в Бугуруслан Чкаловской области 26 августа 1942 г.: «Хочется немного написать об этих отважных девушках – боевых подругах, в хорошем понимании этих слов, которые самоотверженно идут со всеми бойцами в бой, чтоб в нужную минуту оказать помощь раненым. А сколько их в полках связи, в зенитных частях, при штабах и, зачастую, в стрелковых частях в качестве снайперов-стрелков. Рядом с расположением нашей части был раскинут пункт первой помощи раненым, который обслуживали молодые девушки с Алтая, впервые попавшие в боевую обстановку. Когда снаряды начали рваться рядом, они бросились в наш блиндаж. Одна из них не хотела оставить раненых, вышла из укрытия и тут же была убита наповал. Другую ранило в ногу, узнав, что ее подруга убита, чисто по-женски разрыдалась» ([Письма Менаше Берковича Ваила Бэле Шлемовне Ваил-Новак](#)).

«Сейчас жду Риту. Она, бедненькая, уходит на работу сейчас в 5 часов утра и приходит поздно, часов в 12 ночи. Сверстницы ее еще учатся себе, а ей пришлось в такие годы столько испытать, так работать» ([Письмо Веры Куфаевой родителям, 1944](#)). Из нескольких скупых фраз письма родители узнали, что их 17-летняя дочь Рита, работая медицинской сестрой в военном полевом госпитале, сутками не могла отлучиться из операционной палаты)

Рис. 1–2. М.Б. Ваил и Б.Ш. Ваил-Новак. Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

А.Т. Лейзеров (1922–2007) – в годы войны старший лейтенант, командир зенитно-пулеметной роты ПВО железнодорожных эшелонов на Ленинградском, 1-м и 3-м Украинских фронтах, а позже – кандидат юридических наук, профессор Белорусского государственного университета, записал в дневнике 9 марта 1945 г.: «У каждого из мостов – регулировщицы. Где только не видели мы этих аккуратных, подтянутых девушек с нарукавной повязкой с буквой «Р». Они не ходят в атаки, не подрывают вражеские танки, и о них очень мало пишут. А какую важную и нелегкую работу они делают. Им достается и от вражеских бомбардировщиков, а порой и от немецких пушек. У самой переправы – сторожевая будка, сколоченная по всем правилам Устава гарнизонной службы. Здесь придирчиво проверяет документы солдат КПП» ([Дневник Аркадия Тевелевича Лейзерова, 1945](#)).

Литература

[Будницкий, 2011](#) – Будницкий О. Мужчины и женщины в Красной Армии (1941–1945) // *Cahiers du Monde Russe*. 2011. № 52/2–3. С. 405–422.

[Героини войны, 1963](#) – Героини войны. Очерки о женщинах – Героях Советского Союза. М.: Политиздат, 1963. 719 с.

[XX век. Письма войны, 2016](#) – Письма войны / сост. С. Ушакин, А. Голубев, Е. Гончарова, И. Реброва. М.: НЛО, 2016. 840 с.

[Дневник Аркадия Тевелевича Лейзерова](#) – Дневник Аркадия Тевелевича Лейзерова. Венгрия, Австрия, Югославия, Румыния // Музей истории и культуры евреев Беларуси (Минск). Ф. 10. Личный архив А.Т. Лейзерова.

[Дунаевская, 2010](#) – Дунаевская И.М. От Ленинграда до Кёнигсберга: Дневник военной переводчицы (1942–1945). М.: РОССПЭН, 2010. 430 с.

[Ермоленко, 2000](#) – Ермоленко В. Военный дневник старшего сержанта. Белгород: Отчий край, 2000. 262 с.

[Женщины Великой Отечественной войны, 2014](#) – Женщины Великой Отечественной войны / Сост. Н.К. Петрова. М.: Вече, 2014. 696 с.

[Жукова, 2006](#) – Жукова Ю.К. Девушка со снайперской винтовкой. Воспоминания выпускницы Центральной женской школы снайперской подготовки. 1944–1945 гг. М.: ЗАО Центрполиграф, 2006. 222 с.

[Иванова, 2002](#) – Иванова Ю.Н. Храбрейшие из прекрасных. Женщины России в войнах. М.: РОССПЭН, 2002. 272 с.

[Иноземцев, 2005](#) – Иноземцев Н.Н. Фронтовой дневник. 2-е изд., доп. и перераб. М.: Наука, 2005. 518 с.

[Книга памяти воинов-евреев, павших в боях с нацистами 1941–1945 гг., 1996](#) – Книга памяти воинов-евреев, павших в боях с нацистами 1941–1945 гг. Т. 3. М.: Союз евреев инвалидов и ветеранов войны, НИЦ «Судьба», 1996. 442 с.

[Комский, 2011](#) – Комский Б.Г. Дневник 1943–1945 гг. // Архив еврейской истории. Т. 6. М.: РОССПЭН, 2011. С. 11–70.

[Кринко, Тажиудинова, 2011](#) – Кринко Е.Ф., Тажиудинова И.Г. Проверенные цензурой: письма военного времени как источник по истории советской повседневности // Юг России в Великой Отечественной войне: тропы памяти: Сборник научных статей / Под ред. И.В. Ребровой. Краснодар: Издательство «Эдарт-Принт», 2011. С. 131–153.

[Кринко, Тажиудинова, Хлынина, 2011](#) – Кринко Е.Ф., Тажиудинова И.Г., Хлынина Т.П. Повседневный мир советского человека 1920–1940-х гг.: жизнь в условиях социальных трансформаций. Ростов-на-Дону: Издательство ЮНЦ РАН, 2011. – 360 с.

[Кринко, Тажиудинова, Хлынина, 2013](#) – Кринко Е.Ф., Тажиудинова И.Г., Хлынина Т.П. Частная жизнь советского человека в условиях военного времени: пространство, границы и механизмы реализации (1941–1945 гг.). Ростов-на-Дону: Издательство ЮНЦ РАН, 2013. 362 с.

[Мурманцева, 1979](#) – Мурманцева В.С. Советские женщины в Великой Отечественной войне. 1941–1945. 2-е изд. М.: Мысль, 1979. 292 с.

[Очерки еврейского героизма, 1997](#) – Очерки еврейского героизма. Т. 3. Киев: Кі́вська єврейська міська громада, 1997. 509 с.

[Письма Веры Куфаевой родителям](#) – Письма Веры Куфаевой родителям // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

[Письма Инны Львовны Фруг Екатерине Осиповне Маневич](#) – Письма Инны Львовны Фруг Екатерине Осиповне Маневич // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

[Письма Менаше Берковича Ваила Бэле Шлемовне Ваил-Новак](#) – Письма Менаше Берковича Ваила Бэле Шлемовне Ваил-Новак // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

[Письма Рут Яковлевны Эпштейн Якову Абрамовичу Эпштейну](#) – Письма Рут Яковлевны Эпштейн Якову Абрамовичу Эпштейну // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

[Письма Якова Абрамовича Эпштейна Нине Яковлевне Эпштейн \(Должанской\)](#) – Письма Якова Абрамовича Эпштейна Нине Яковлевне Эпштейн (Должанской) // Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете.

[РГАСПИ](#) – Российский государственный архив социально-политической истории.

[Сенявская, 2013](#) – Сенявская Е.С. Женщина на фронте: проблемы психологической адаптации к «мужскому быту войны» // Коренной перелом в Великой Отечественной войне. К 70-летию освобождения Дона и Северного Кавказа. Материалы международной научной конференции (г. Ростов-на-Дону, 6–7 июня 2013 г.). Ростов-на-Дону: Издательство ЮНЦ РАН, 2013. С. 252–258.

[Смеюха, 2013](#) – Смеюха В.В. Женские письма Великой Отечественной войны в прессе (на примере «Комсомольской правды») // Коренной перелом в Великой Отечественной войне. К 70-летию освобождения Дона и Северного Кавказа. Материалы международной научной конференции (г. Ростов-на-Дону, 6–7 июня 2013 г.). Ростов-на-Дону: Издательство ЮНЦ РАН, 2013. С. 266–274.

[Советская повседневность и массовое сознание: 1939–1945 гг., 2003](#) – Советская повседневность и массовое сознание: 1939–1945 гг. / сост. А.Я. Лившин, И.Б. Орлов. М.: РОССПЭН, 2003. 471 с.

[Сохрани мои письма..., 2007](#) – Сохрани мои письма...: Сборник писем и дневников евреев периода Великой Отечественной войны / сост. И.А. Альтман, Л.А. Тёрушкин. М.: Центр и Фонд «Холокост», МИК, 2007. 320 с.

[Сохрани мои письма..., 2010](#) – Сохрани мои письма...: Сборник писем евреев периода Великой Отечественной войны. Вып. 2 / сост. И.А. Альтман, Л.А. Тёрушкин, И.В. Бродская. М.: Центр и Фонд «Холокост»; МИК, 2010. 328 с.

[Сохрани мои письма..., 2013](#) – Сохрани мои письма...: Сборник писем евреев периода Великой Отечественной войны. Вып. 3 / сост. И.А. Альтман, Л.А. Тёрушкин, Е.В. Тестова. М.: Центр «Холокост»; МИК, 2013. 288 с.

[Сохрани мои письма..., 2016](#) – Сохрани мои письма...: Сборник писем евреев периода Великой Отечественной войны. Вып. 4 / сост. И.А. Альтман, Л.А. Тёрушкин. М.: Центр «Холокост», 2016. 288 с.

[Тажиудинова, 2012](#) – Тажиудинова И.Г. «А писать им надо обязательно о любви». Из опыта заочного общения советских мужчин и женщин в годы Великой Отечественной войны // *Родина*. 2012. № 3. С. 149–153.

[Тажиудинова, 2013](#) – Тажиудинова И.Г. Женщины в армии: свидетельства мужчин-комбатантов (1941–1945 гг.) // Коренной перелом в Великой Отечественной войне. К 70-летию освобождения Дона и Северного Кавказа. Материалы международной научной конференции (г. Ростов-на-Дону, 6–7 июня 2013 г.). Ростов-на-Дону: Издательство ЮНЦ РАН, 2013. С. 259–266.

[Тимор, 1990](#) – Тимор А. Здравия желаю вам, «новобранцы» // *Алеф*. 1990. № 8. С. 16–17.

[Феферман, 2017](#) – Феферман К. Война между Германией и Советским Союзом: Катастрофа советского еврейства и его участие в войне // История еврейского народа в России. Т. 3. От революции 1917 г. до распада Советского Союза / Под ред. М. Бейзера. М.–Иерусалим: Мосты культуры, Гешарим, 2017. С. 229–271.

[A Revolution of Their Own, 1998](#) – A Revolution of Their Own: Voices of Women in Soviet History / Ed. By В.А. Engel, Posadskaya-Vanderbeck A. Translat. by S. Hoisington. Boulder: Westview Press, 1998. 236 p.

[Campbell D'Ann, 1993](#) – Campbell D'Ann. Women in Combat: The World War Two Experience in the United States, Great Britain, Germany, and the Soviet Union // *Journal of Military History*. April, 1993. № 57. P. 301–323.

[Costello, 1986](#) – Costello J. Love, sex and war: Changing values, 1939–45. London: Pan books in assoc. with Collins, 1986. 384 p.

[Krylova, 2012](#) – Krylova A. Soviet women in combat: a history of violence on the Eastern front. Cambridge: Cambridge univ. press, 2012. 320 p.

[Markwick, Charon Cardona, 2012](#) – Markwick R.D., Charon Cardona E. Soviet Women on the Frontline in the Second World War. Basingstoke; New York: Palgrave Macmillan, 2012. 305 p.

[Smilovitsky, 2014](#) – Smilovitsky L. Soviet Jews write to the Red Army (1941–1945). Creation of a collection of War time letters in the Diaspora Research Centre at Tel Aviv University // *Русский архив*. 2014. Т. 6. № 4. С. 236–252.

[Soviet Jews and World War II, 2014](#) – Soviet Jews and World War II: Fighting, Witnessing, Remembering / By G. Estraiikh, H. Murav. Boston: Academy Studies Press, New York University, 2014. 268 p.

[To Pour Out My Bitter Soul, 2016](#) – To Pour Out My Bitter Soul. Letters of Jews from the USSR 1941–1945 / Ed. by A. Zeltser. Jerusalem: Yad Vashem, 2016. 276 p.

References

[Budnitskiy, 2011](#) – Budnitskiy O. Muzhchiny i zhenshchiny v Krasnoy Armii (1941–1945) [Men and women in the Red Army (1941–1945)] // *Sahiers du Monde Russe*. 2011. № 52/2–3. pp. 405–422 [in Russian].

[Geroini voyny, 1963](#) – Geroini voyny. Ocherki o zhenshchinakh [Heroines of war. Essays on women – Heroes of the Soviet Union]. Moscow: Politizdat, 1963. 719 p. [in Russian].

XX vek. Pis'ma voyny, 2016 – XX vek. Pis'ma voyny [The twentieth century. Letters of war / comp. S. Ushakin, A. Golubev, E. Goncharova, I. Rebrova. Moscow: NLO, 2016. 840 p. [in Russian].

Dnevnik Arkadiya Tevelevicha Leyzerova – Dnevnik Arkadiya Tevelevicha Leyzerova. Vengriya, Avstriya, Yugoslaviya, Rumyniya [Diary of Arkady Tevelevich Leyzerov. Hungary, Austria, Yugoslavia, Romania] // Muzey istorii i kul'tury evreev Belarusi (Minsk) [Museum of History and Culture of Jews of Belarus (Minsk)]. F. 10. Lichnyy arkhiv A.T. Leyzerova [Personal archive of A.T. Leyzerov] [in Russian].

Dunaevskaya, 2010 – *Dunaevskaya I.M.* Ot Leningrada do Kenigsberga: Dnevnik voennoy perevodchitsy (1942–1945) [From Leningrad to Koenigsberg: Diary of a military interpreter (1942–1945)]. Moscow: ROSSPEN, 2010. 430 p. [in Russian].

Ermolenko, 2000 – *Ermolenko V.* Voennyi dnevnik starshego serzhanta [Military diary of the senior sergeant]. Belgorod: Otchiy kray, 2000. 262 p. [in Russian].

Zhenshchiny Velikoy Otechestvennoy voyny, 2014 – Zhenshchiny Velikoy Otechestvennoy voyny [Women of the Great Patriotic War] / Comp. N.K. Petrova. Moscow: Veche, 2014. 696 p. [in Russian].

Zhukova, 2006 – *Zhukova Yu.K.* Devushka so snayperskoy vintovkoy. Vospominaniya vypusknitsy Tsentral'noy zhenskoy shkoly snayperskoy podgotovki. 1944–1945 gg. [Girl with a sniper rifle. Memoirs of the graduate of the Central Women's School of Sniper Training. 1944–1945]. Moscow: CJSC Tsentrpoligraf, 2006. 222 p. [in Russian].

Ivanova, 2002 – *Ivanova Yu.N.* Khrabreyshie iz prekrasnykh. Zhenshchiny Rossii v voynakh [The bravest of the beautiful. Women of Russia in wars]. Moscow: ROSSPEN, 2002. 272 p. [in Russian].

Inozemtsev, 2005 – *Inozemtsev N.N.* Frontovoy dnevnik [Front diary]. 2nd ed., suppl. and revis. Moscow: Nauka, 2005. 518 p. [in Russian].

Kniga pamyati voinov-evreev, pavshikh v boyakh s natsistami 1941–1945 gg., 1996 – Kniga pamyati voinov-evreev, pavshikh v boyakh s natsistami 1941–1945 gg. [Book of memory of Jewish soldiers who fell in battle with the Nazis in 1941–1945], Vol. 3. Moscow: Union of Jews of Disabled and Veterans of War, SRC “Sud'ba”, 1996. 442 p. [in Russian].

Komskiy, 2011 – *Komskiy B.G.* Dnevnik 1943–1945 gg. [The diary of 1943–1945] // Arkhiv evreyskoy istorii [Archive of Jewish History]. Vol. 6. Moscow: ROSSPEN, 2011. pp. 11–70 [in Russian].

Krinko, Tazhidinova, 2011 – *Krinko E.F., Tazhidinova I.G.* Proverennyye tsenzuroy: pis'ma voennogo vremeni kak istochnik po istorii sovetskoy povsednevnosti [Checked by censorship: wartime letters as a source on the history of Soviet everyday life] // Yug Rossii v Velikoy Otechestvennoy voyne: tropy pamyati [South of Russia in the Great Patriotic War: trails of memory]: Collection of scientific articles / Ed. I.V. Rebrova. Krasnodar: Publisher “Edart-Print”, 2011. P. 131–153 [in Russian].

Krinko, Tazhidinova, Khlynina, 2011 – *Krinko E.F., Tazhidinova I.G., Khlynina T.P.* Povsednevnyy mir sovetskogo cheloveka 1920–1940-kh gg.: zhizn' v usloviyakh sotsial'nykh transformatsiy [The everyday world of the Soviet man 1920–1940-ies: life in the conditions of social transformations]. Rostov-on-Don: SSC RAS Publishers, 2011. 360 p. [in Russian].

Krinko, Tazhidinova, Khlynina, 2013 – *Krinko E.F., Tazhidinova I.G., Khlynina T.P.* Chastnaya zhizn' sovetskogo cheloveka v usloviyakh voennogo vremeni: prostranstvo, granitsy i mekhanizmy realizatsii (1941–1945 gg.) [Private life of a Soviet man in Wartime: Space, Borders and Mechanisms of Implementation (1941–1945)]. Rostov-on-Don: SSC RAS Publishers, 2013. 362 p. [in Russian].

Murmantseva, 1979 – *Murmantseva V.S.* Sovetskie zhenshchiny v Velikoy Otechestvennoy voyne. 1941–1945 [Soviet women in the Great Patriotic War. 1941–1945]. 2nd ed. Moscow: Mysl', 1979. 292 p. [in Russian].

Ocherki evreyskogo geroizma, 1997 – Ocherki evreyskogo geroizma [Essays on Jewish Heroism]. Vol. 3. Kiev: Kivs'ka evreys'ka mis'ka gromada, 1997. 509 p. [in Russian].

Pis'ma Very Kufaevoy roditelyam – Pis'ma Very Kufaevoy roditelyam [Letters from Vera Koufaeva to her parents] // Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspori pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian].

[Pis'ma Inny L'vovny Frug Ekaterine Osipovne Manevich](#) – Pis'ma Inny L'vovny Frug Ekaterine Osipovne Manevich [Letters from Inna Lvovna Frug to Ekaterina Osipovna Manevich] // Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspori pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University]. [in Russian].

[Pis'ma Menashe Berkovicha Vaila Bele Shlemovne Vail-Novak](#) – Pis'ma Menashe Berkovicha Vaila Bele Shlemovne Vail-Novak [Letters from Menashe Berkovich Vaila to Baley Schlemovna Vail-Novak] // Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspori pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian].

[Pis'ma Rut Yakovlevny Epshteyn Yakovu Abramovichu Epshteynu](#) – Pis'ma Rut Yakovlevny Epshteyn Yakovu Abramovichu Epshteynu [Letters from Ruth Yakovlevna Epstein to Yakov Abramovich Epstein] // Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspori pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian].

[Pis'ma Yakova Abramovicha Epshteyna Nine Yakovlevne Epshteyn \(Dolzhanskoy\)](#) – Pis'ma Yakova Abramovicha Epshteyna Nine Yakovlevne Epshteyn (Dolzhanskoy) [Letters from Yakov Abramovich Epstein Nina Yakovlevna Epstein (Dolzhanskoy)] // Arkhiv voennykh pisem Nauchno-issledovatel'skogo tsentra diaspori pri Tel'-Avivskom universitete [Archive of War time letters in the Diaspora Research Center at Tel Aviv University] [in Russian].

[RGASPI](#) – Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv sotsial'no-politicheskoy istorii [Russian State Archive of Social and Political History] (RGASPI).

[Senyavskaya, 2013](#) – *Senyavskaya E.S.* Zhenshchina na fronte: problemy psikhologicheskoy adaptatsii k “muzhskomu bytu voyny” [A woman at the front: the problems of psychological adaptation to the “male life of war”] // Korennoy perelom v Velikoy Otechestvennoy voyne. K 70-letiyu osvobozhdeniya Dona i Severnogo Kavkaza [The Turning-Point in the Great Patriotic War. To the 70th-Year anniversary of the Liberation of the Don and the North Caucasus]. Proceedings of the International Scientific Conference (Rostov-on-Don, June 6–7, 2013). Rostov-on-Don: SSC RAS Publishers, 2013. pp. 252–258 [in Russian].

[Smeyukha, 2013](#) – *Smeyukha V.V.* Zhenskie pis'ma Velikoy Otechestvennoy voyny v presse (na primere “Komsomol'skoy pravdy”) [Female letters of the Great Patriotic War in the press (on the example of “Komsomolskaya Pravda”)] // Korennoy perelom v Velikoy Otechestvennoy voyne. K 70-letiyu osvobozhdeniya Dona i Severnogo Kavkaza [The Turning-Point in the Great Patriotic War. To the 70th-Year anniversary of the Liberation of the Don and the North Caucasus]. Proceedings of the International Scientific Conference (Rostov-on-Don, June 6–7, 2013). Rostov-on-Don: SSC RAS Publishers, 2013. pp. 266–274 [in Russian].

[Sovetskaya povsednevnost' i massovoe soznanie: 1939–1945 gg., 2003](#) – Sovetskaya povsednevnost' i massovoe soznanie: 1939–1945 gg. [Soviet everyday life and mass consciousness: 1939–1945] / comp. A.Ya. Livshin, I.B. Orlov. Moscow: ROSSPEN, 2003. 471 p. [in Russian].

[Sokhrani moi pis'ma..., 2007](#) – Sokhrani moi pis'ma...: Sbornik pisem i dnevnikov evreev perioda Velikoy Otechestvennoy voyny [Keep my letters...: Collection of letters and diaries of Jews of the Great Patriotic War] / comp. I.A. Altman, L.A. Terushkin. Moscow: Center and Foundation Holocaust; MIK, 2007. 320 p. [in Russian].

[Sokhrani moi pis'ma..., 2010](#) – Sokhrani moi pis'ma...: Sbornik pisem evreev perioda Velikoy Otechestvennoy voyny [Keep my letters...: Collection of letters of Jews of the Great Patriotic War]. Is. 2 / comp. I.A. Altman, L.A. Terushkin, I.V. Brodskaya. Moscow: Center and Foundation Holocaust; MIK, 2010. 328 p. [in Russian].

[Sokhrani moi pis'ma..., 2013](#) – Sokhrani moi pis'ma...: Sbornik pisem evreev perioda Velikoy Otechestvennoy voyny [Keep my letters...: Collection of Letters of Jews of the Great Patriotic War]. Is. 3 / comp. I.A. Altman, L.A. Terushkin, E.V. Testova. Moscow: Center and Foundation Holocaust; MIK, 2013. 288 p. [in Russian].

[Sokhrani moi pis'ma..., 2016](#) – Sokhrani moi pis'ma...: Sbornik pisem evreev perioda Velikoy Otechestvennoy voyny [Keep my letters...: Collection of letters from Jews during the Great Patriotic War]. Is. 4 / comp. I.A. Altman, L.A. Terushkin. Moscow: Center and Foundation Holocaust, 2016. 288 p. [in Russian].

[Tazhidinova, 2012](#) – *Tazhidinova I.G.* “A pisat' im nado obyazatel'no o lyubvi”. Iz opyta zaonchnogo obshcheniya sovetskikh muzhchin i zhenshchin v gody Velikoy Otechestvennoy voyny “And they need to write about love”. From the experience of correspondence communication Soviet men and women during the Great Patriotic War // *Rodina*. 2012. № 3. pp. 149–153 [in Russian].

[Tazhidinova, 2013](#) – *Tazhidinova I.G.* Zhenshchiny v armii: svidetel'stva muzhchin-kombatantov (1941–1945 gg.) [Women in the army: evidence of male combatants (1941–1945)] // *Korennoy perelom v Velikoy Otechestvennoy voyne. K 70-letiyu osvobozhdeniya Dona i Severnogo Kavkaza* [The Turning-Point in the Great Patriotic War. To the 70th-Year anniversary of the Liberation of the Don and the North Caucasus]. Proceedings of the International Scientific Conference (Rostov-on-Don, June 6–7, 2013). Rostov-on-Don: SSC RAS Publishers, 2013. pp. 259–266 [in Russian].

[Timor, 1990](#) – *Timor A.* Zdraviya zhelayu vam, “novobrantsy” [I wish you health, “recruits”] / *Alef*. 1990. № 8. pp. 16–17 [in Russian].

[Feferman, 2017](#) – *Feferman K.* Voyna mezhdru Germaniyei i Sovetskim Soyuzom: Katastrofa sovetskogo evreystva i ego uchastie v voyne [The War between Germany and the Soviet Union: The Catastrophe of Soviet Jewry and Its Participation in the War] // *Istoriya evreyskogo naroda v Rossii* [The History of the Jewish People in Russia] Vol. 3. Ot revolyutsii 1917 g. do raspada Sovetskogo Soyuzha [From the Revolution of 1917 until the collapse of the Soviet Union] / Ed. M. Beizer. Moscow – Jerusalem: Mosty kul'tury, Gesharim, 2017. pp. 229–271 [in Russian].

[A Revolution of Their Own, 1998](#) – *A Revolution of Their Own: Voices of Women in Soviet History* / Ed. By B.A. Engel, Posadskaya-Vanderbeck A. Translat. by S. Hoisington. Boulder: Westview Press, 1998. 236 p. [in English].

[Campbell D'Ann, 1993](#) – *Campbell D'Ann.* Women in Combat: The World War Two Experience in the United States, Great Britain, Germany, and the Soviet Union // *Journal of Military History*. April, 1993. № 57. pp. 301–323 [in English].

[Costello, 1986](#) – *Costello J.* Love, sex and war: Changing values, 1939–45. London: Pan books in assoc. with Collins, 1986. 384 p. [in English].

[Krylova, 2012](#) – *Krylova A.* Soviet women in combat: a history of violence on the Eastern front. Cambridge: Cambridge univ. press, 2012. 320 p. [in English].

[Markwick, Charon Cardona, 2012](#) – *Markwick R.D., Charon Cardona E.* Soviet Women on the Frontline in the Second World War. Basingstoke; New York: Palgrave Macmillan, 2012. 305 p. [in English].

[Smilovitsky, 2014](#) – *Smilovitsky L.* Soviet Jews write to the Red Army (1941–1945). Creation of a collection of War time letters in the Diaspora Research Centre at Tel Aviv University // *Russkiy arkhiv*. 2014. T. 6. № 4. С. 236–252 [in Russian].

[Soviet Jews and World War II, 2014](#) – *Soviet Jews and World War II: Fighting, Witnessing, Remembering* / By G. Estraiakh, H. Murav. Boston: Academy Studies Press, New York University, 2014. 268 p. [in English].

[To Pour Out My Bitter Soul, 2016](#) – *To Pour Out My Bitter Soul. Letters of Jews from the USSR 1941–1945* / Ed. by A. Zeltser. Jerusalem: Yad Vashem, 2016. 276 p. [in English].

УДК 93/94

Любовь на войне. Женщины и мужчины в Красной армии (по страницам писем и дневников советских евреев 1941–1945 гг.). Часть 1

Смиловицкий Леонид Львович ^{а *}

^а Центр диаспоры при Тель-Авивском университете им. Гольдштейна-Горена, Израиль

* Корреспондирующий автор
Адрес электронной почты: smilov@zahav.net.il (Л.Л. Смиловицкий)

Аннотация. Статья посвящена малоизученной теме – роли женщин-военнослужащих в Красной Армии во время войны и их положению в мужском коллективе. Из 800 тыс. женщин в Советском Союзе, участвовавших в войне, большинство сами участвовали в боях. Автор ищет ответ на вопрос о месте женщины-солдата на войне, которая по своей природе должна рожать, воспитывать, учить, спасать, но не убивать, как это требуется на войне. Тем не менее, большинство женщин разделили все тяготы фронтовой обстановки, вынесли бремя войны наравне с мужчинами. Они гибли от пуль, снарядов и бомб, горели в самолетах, были ранены и становились калеками без рук и ног. Некоторые из них, выдержав все испытания, потеряли дар материнства, не смогли создать семьи. Автор приходит к выводу о том, что самая большая заслуга женщин в армии за годы войны состояла в том, что своим присутствием они позволяли мужчинам чувствовать собственную силу, быть мужественными, выполнять свой долг, воевать и побеждать. Материалом для написания статьи послужили письма и дневники советских евреев, солдат и командиров Красной армии, которые были собраны в архиве Центра диаспоры при Тель-Авивском университете в самое последнее время (2012–2017) и впервые вводятся в научный оборот.

Ключевые слова: военно-полевая почта, Великая Отечественная война, евреи в Красной армии, мужчины и женщины на войне, любовь и война, вклад женщин в разгром нацистской Германии, патриотизм, женская честь, романтическая переписка, ревность, измена, супружеская верность.

(Окончание в следующем номере)

Copyright © 2017 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Slovak Republic
 Russkaya Starina
 Has been issued since 2010.
 ISSN: 2313-402x
 E-ISSN: 2409-2118
 2017, 8(2): 186-195

DOI: 10.13187/rs.2017.2.186
www.ejournal15.com

UDC 355.01(18) "1979/1989"

The Afghan War (1979–1989) in all-Russian and Regional Assessments

Diana D. Chelpanova ^{a, *}

^a Southern Scientific Center, Russian Academy of Science, Russian Federation

Abstract

The article studies the trends of the population's attitude towards the war in Afghanistan, 1979–1989. The author conducts a comparative analysis of all-Russian and regional assessments, based on secondary (sociological surveys) and primary (in-depth interviews with combatants of the Afghan war) studies. In the all-Russian perception is observed the weakening of the liberal position with a strengthening of the patriotic feelings. The combatants' attitude remains constant, based on a patriotic sense of duty.

Keywords: The Afghan War (1979–1989), Limited Contingent of Soviet Troops in Afghanistan, combatants.

1. Введение

Афганская война (1979–1989) – важное событие в советской истории. До сих пор в общественном мнении не сложилось однозначного отношения к вводу советских войск в Афганистан в декабре 1979 г. Представители патриотического направления доказывают его целесообразность необходимостью защиты южных границ СССР, сдерживания угрозы американского проникновения в соседнюю страну. Либералы считают советское участие во внутриафганском конфликте преступлением, бессмысленным и неразумным решением, повлекшим за собой ухудшение позиции СССР на международной арене, стагнацию советской экономики и в конечном итоге крушение всей советской системы (Кинсбургский, Топалов, 1992; Шило, 2010; Сенявская, 2012: 122).

Сегодня в публичном дискурсе болезненность в восприятии конфликта 1979–1989 гг. немного снизилась. Это связано с тем, что события войны все более отдаляются от нас во времени, на них наслаиваются новые войны и вооруженные конфликты. В 2019 г. будет отмечаться 40-летие со дня ввода и 30-летие со дня вывода войск из Афганистана, а в науке по-прежнему сохраняется немало неисследованных лакун Афганской войны. Только в 2008 г. появился первый фундаментальный труд, посвященный историографии войны, включающий различные источники информации о событиях 1979–1989 гг. (Костыря, 2008). Последние социологические опросы, отражающие отношение населения к Афганской войне, были проведены три года назад – в 2014 г. Исследовательский интерес к теме невысок, о чем

* Corresponding author
 E-mail addresses: chelpanova@ssc-ras.ru (D.D. Chelpanova)

свидетельствует незначительное число защищенных диссертаций и посвященных ей научных статей. Кроме того, сохраняются трудности, связанные с введением в научный оборот сведений об афганских событиях. Многие ветераны до сих пор не хотят делиться информацией, считая, что она может содержать военную тайну. Лишь некоторые из участников Афганской войны сегодня готовы рассказать о событиях, в которых принимали непосредственное участие и представить свое отношение к ним спустя несколько десятилетий.

2. Материалы и методы

Для исследования отношения комбатантов к участию в Афганской войне (1979–1989) использовался метод опроса в виде глубинных интервью с ветеранами-«афганцами», находившимися на территории Демократической Республики Афганистан (далее – ДРА) на разных этапах конфликта. Опрос осуществлялся методом «снежного кома» в Ростовской области (Ростов-на-Дону, Азов, Гуково) в мае–сентябре 2017 г. Кроме того, были использованы ранее опубликованные воспоминания ветеранов-«афганцев» и вторичные социологические опросы, проведенные в 1991 г., 1999 г., 2002 г., 2010 г., 2014 г. Левада-Центром и фондом «Общественное мнение» для сравнительного анализа и выявления динамики оценок Афганской войны населением.

3. Обсуждение и результаты

Исследованием роли, значения и последствий Афганской войны, процессов социальной реадaptации, реабилитации комбатантов занимались психологи, социологи, политологи, историки (Знаков, 1990; Знаков, 1991; Ольшанский, 1988; Кинсбургский, Топалов, 1992; Мищенко, 1991; Титов, 1993; Захаров, 2000; Данилова, 2003; Немировский, 1990; Абдурахманов, 1992; Лазебная, Зеленова, 1999; Сидоров, Литвинцев, Лукманов, 1999; Сенявская, 1997; Сенявская, 1999; Сенявская, 2006; Королев, 2005; Караяни, 2005; Sappег, 1994; Galeotti, 1994). Неоспоримый вклад в изучение историографии Афганской войны внес А.А. Костыря (Костыря, 2008; Костыря, 2009).

Официально государственная позиция по поводу Афганской войны была закреплена Постановлением Второго съезда народных депутатов СССР от 24 декабря 1989 г. № 982-1 «О политической оценке решения о вводе советских войск в Афганистан в декабре 1979 г.» (Постановление Съезда народных депутатов СССР, 1989). Согласно этому документу, решение «о вводе советских войск в Афганистан в 1979 г. <...> заслуживает морального и политического осуждения». В настоящий момент данная оценка, осуждающая решение о вводе ограниченного военного контингента советских войск в Афганистан, сохраняется, хотя попытки переосмыслить советское прошлое на высшем уровне предпринимаются до сих пор. В декабре 2014 г. с инициативой о пересмотре решения съезда народных депутатов от 1989 г. в Государственной думе выступил председатель Российского союза ветеранов Афганистана, член Совета Федерации Федерального собрания Российской Федерации Ф.А. Клинецвич. Он заявил, что «настало время дать Афганской войне справедливую оценку, обязательно закрепленную на официальном уровне. Это – наш священный долг перед всеми, кто сложил головы на Афганской войне» (Петров, 2014). По мнению Ф.А. Клинецвича, «решение руководства страны на тот момент было адекватно военно-стратегическим и политическим угрозам, которые тогда складывались вокруг Афганистана, – с учетом работы, прежде всего, американских спецслужб, рассматривавших Афганистан как мягкое подбрюшье Советского Союза, с учетом появления новых видов вооружений» (Клинецвич, 2014). Однако инициатива о переоценке решения съезда не была поддержана.

Интересно взглянуть на то, как менялись взгляды россиян на участие СССР в Афганской войне. Сравнивая социологические опросы, проведенные в 1991 г. и 2014 г. Левада-Центром (Афганская война, 2014), можно констатировать, что снизилось число респондентов, занимающих отрицательную позицию по поводу ввода советских войск в Афганистан в декабре 1979 г. (с 88 % в 1991 г. до 68 % в 2014 г.) и оценивающих этот шаг как государственное преступление (с 69 % в 1991 г. до 44 % в 2014 г.). Увеличился процент тех, кто просто затруднился оценить свое отношение к событиям недавнего прошлого (с 9 % в 1991 г. до 23 % в 2014 г.). Увеличилось число респондентов, считающих необходимым

введение войск в Афганистан (с 3 % в 1991 г. до 9 % в 2014 г.) и несогласных с тем, что это решение является государственным преступлением (с 8 % в 1991 г. до 22 % в 2014 г.).

Социологические опросы, проведенные в 1999 г. и в 2014 г., выявили другие интересные данные. Во-первых, было обнаружено снижение разделяющих позицию, что «ввод советских войск в Афганистан был политической авантюрой, в которую лидеры бывшего СССР втянули страну» (с 58 % в 1999 г. до 45 % в 2014 г.). Во-вторых, произошло увеличение доли тех, кто считает, что введение войск «было необходимо для защиты геополитических интересов СССР, для того чтобы не допустить усиления влияния США в этом регионе» (с 19 % в 1999 г. до 23 % в 2014 г.). В-третьих, сократилась доля тех, кто считает, что «советские войска выполняли в Афганистане интернациональный долг, помогая афганскому народу бороться за установление народного режима» (с 12 % в 1999 г. до 10 % в 2014 г.). В-четвертых, в два раза увеличилась доля тех, кто затруднился дать определенную оценку политическому решению советского руководства о вводе войск в Афганистан (с 11 % в 1999 г. до 22 % в 2014 г.).

Приведенные данные свидетельствуют о том, что за период с 1991 по 2014 гг. снизился градус резко отрицательного отношения к участию советских войск в Афганской войне, присущего перестроечным годам. Увеличилась доля тех, кто не может дать однозначной оценки событиям недавнего прошлого, что характерно для современного состояния общественного сознания россиян. Таким образом, на фоне роста доверия к Президенту РФ в 2014 г., который достиг исторического максимума и составил 70 % ([Доверие политикам, 2017](#)), мы наблюдаем ослабление либеральной позиции по отношению к войне в Афганистане с незначительным креном в сторону патриотических воззрений.

Исследования, проведенные фондом «Общественное мнение» в 2002 и 2010 гг. ([Петрова, 2002](#); [Гордость и стыд за Россию, 2010](#)), посвященные теме гордости и стыда за Россию, выявили, что в 2002 г. у 44 % опрошенных чувство стыда вызывали события исторического прошлого России, среди которых на втором месте после сталинских репрессий (18 %) оказалась Афганская война (6 %). В 2010 г. негативную оценку недавней истории дали всего 3 % респондентов, из которых 1 % опрошенных указал на чувство стыда по отношению к военным событиям в Афганистане и Чечне. На открытый вопрос «Что именно в жизни современной России вызывает у Вас чувство стыда за страну?» были приведены примеры высказываний, касающиеся темы Афганской войны: «чувство стыда за войну в Чечне, в Афганистане, в Осетии»; «стыдно за войну в Афганистане»; «возня с Чечней, ввод войск в Афганистан». Эти данные свидетельствуют о том, что тема Афганской войны к 2010 г. практически исчезла из публичного дискурса.

Текущая внешнеполитическая обстановка является одним из важнейших факторов, оказывающих влияние на оценочную позицию по отношению к тому или иному событию прошлого. В 2013–2014 гг. начался украинский кризис, Крым вошел в состав Российской Федерации, до сих пор происходят боестолкновения на Донбассе. Сложившаяся внешнеполитическая обстановка, рост антиамериканских настроений и подъем патриотических чувств у россиян – обстоятельства, позволившие переосмыслить мотивы участия СССР в Афганской войне и прийти к выводу о том, что Афганистан был регионом, где столкнулись геополитические интересы двух мировых держав – США и СССР, таким же, как и сегодняшняя Украина, ставшая разменной монетой на геополитической арене противостояния США и России. Вместе с тем, вновь обращаясь к проведенному анализу, стоит обратить внимание на значительный рост не ответивших, свидетельствующий о том, что в общественном сознании до сих пор не сложилось четкого понимания того, считать ли участие СССР в Афганской войне верным шагом, или политической ошибкой.

А как сами ветераны Афганской войны относятся к решению советского руководства участвовать в военной кампании спустя более 35 лет? Изменилось ли их отношение к войне с течением нескольких десятилетий? В ходе серии проведенных глубинных интервью с комбатантами выяснилось, что их мнение об Афганской войне не изменилось. Они до сих пор продолжают придерживаться патриотической позиции в оценке необходимости участия СССР в военном конфликте в Афганистане.

Ветеран Афганской войны Е.И. Кондрашкин ([Кондрашкин, 2017](#)), служивший с 1986 по 1988 гг., переосмысливая прошлое, считает, что его участие в военной кампании было обусловлено патриотическим чувством долга, необходимостью защищать Родину. Однако

в настоящее время ветеран испытывает чувство депривации в медицинском, материально-бытовом и морально-психологическом плане, утверждая, что поддержка со стороны государства минимальна. Е.И. Кондрашкин вспоминает: «На тогда это ж было хорошо – мы защищаем Родину, патриоты своей страны были, лучшие из лучших. На сегодня это, конечно, иногда и думаешь: кому мы нужны? Надо было по-любому защищать, но только что мы, придя сюда, мы никому не нужны. Так вот, как сейчас, ровно там две тысячи нате, и все, и забудьте за это. Хотя многие потеряли здоровье, даже просто здоровье, я имею в виду, необязательно там ранение тяжелое, но те же болезни были и так далее. Это ж все равно ущерб. Вот, допустим, я в свое время там переболел <...>, в ВВК¹ справку взял, что оно приравнивается к военной травме, а добиться ничего не могу, сейчас лечусь в госпитале, лежу <...>, а группу не могут никто дать, потому что кто. Никто не хочет, зачем оно кому надо?». У ветерана не возникает сомнений в правоте своего дела, он убежден, что «если б не мы были там, были бы американцы. Американцы – это там горы, значит, ракеты малого радиуса или среднего, какого там полета были, зачем нам это надо на своей границе? Как сейчас Украина вон, зачем оно нам надо? Здесь вот мы живем на границе как раз. То есть по любому надо было, но только надо государству не забывать о людях, которые там бывают, вот и все».

Участник военных событий в 1981–1983 гг. А.А. Булгаков (Булгаков, 2017) до сих пор не может оценить свое отношение к Афганской войне: «За что там, в смысле за что, за 10 лет мы там были, за 10 лет нас, войска, Горбачев вывел. Кому что доказали? Зачем мы там? Потеряли мы немного, сколько сейчас, по статистике было 13, сейчас насчитали около 16 тысяч погибших. Пропавших – 318 человек, пропавших без вести 318 человек, может, они в Америку улетели, в Германию, черт его знает. Вот так вот, да. Вывод какой?» Вместе с тем, ветеран вспоминает преференции, полученные от государства, и заключает: «А так – я тут квартиру получил за Афганистан. Меня сама администрация вызвала, посмотрите квартиру, ключи мне дали. Ну, откройте, посмотрите. Понравилась квартира, Харченко тут был в исполкоме, не демократия. Если бы я не служил в Афганистане, я б, может, не получил. А так именно по афганской части. Вот государство меня отблагодарило, сейчас там платят нам, я не знаю, по 2600 каждый месяц».

Патриотическое чувство долга, стремление испытать себя в экстремальной ситуации оказали влияние на решение И.Н. Безбородых (Безбородых, 2017) рапортовать о добровольном желании служить на афганской границе. Комбатант, проходивший службу на территории ДРА в 1984–1987 гг., во время беседы заявил, что его отношение к вооруженному конфликту оставалось неизменным на всех этапах: «Мы исполняли интернациональный долг, у нас задача была такая, мы это знали. Когда с этой позиции видишь то, что творили духи, и ты это воспринимаешь именно так, что ты защищаешь, что ты помогаешь. <...> У нас отношение на территории ДРА было воинов-интернационалистов, то есть нам сказало руководство государства о том, что эти люди нуждаются в нашей помощи, о том, что им мешает кто-то жить, что-то строить, рожать детей, лечить детей, учить детей. <...> Да, это был долг, мы его выполнили, и выполнили, я считаю, с честью и в отношении с местным населением, и к службе, и в отношении государства».

Ветеран войны С.В. Слепокуров (Слепокуров, 2017), проходивший службу в 1979–1981 гг., в своих оценках основывался на том, что пребывание советских войск в ДРА было необходимо в качестве сдерживающего фактора, Афганистан рассматривался как новая республика, которая должна была войти в состав СССР. Комбатант уверен, что «если б оттуда не вывел войска Горбачев, никогда б такого бардака не было в России».

Г.В. Воробьев (Воробьев, 2017), служивший в 1982–1983 гг. в Афганистане, на вопрос об отношении к конфликту, придерживался официальной версии пребывания советских войск на территории Афганистана, заявив: «Выполняли интернациональный долг. Родина послала. <...> Мирное население к нам хорошо относилось. <...> Ну и здесь нас считали как бы героями – это первое время, а потом уже, конечно, началось. И "Мы вас туда не посылали", и льготы поотменяли. Я ж говорю, что при Советском Союзе были льготы. А потом, да, все позабирали. Да, льготы на земельный участок, у меня ж там гараж стоит,

¹ Военно-врачебная комиссия.

бесплатно мне его дали. А потом выходит, что все, отменили эти льготы, и мне пришла петиция, там пени нагорело на 20 тысяч. Я говорю: "Да забирайте вы!". В ответ на вопрос об имеющихся льготах в настоящее время, комбатант рассказал о том, что он освобожден от транспортного налога и имеет компенсацию на оплату коммунальных услуг в размере 400 руб. в месяц.

Основываясь на результатах серии проведенных интервью, можно прийти к следующему выводу. Позиция комбатантов в отношении участия советских войск в Афганской войне в основном опирается на патриотическом чувстве долга. Бывшие военнослужащие-«афганцы» не считают войну проигранной, поскольку они честно, достойно выполняли «интернациональную миссию» по решению руководства страны. И, несмотря на то, что прошлый опыт был переосмыслен и осужден, а для части населения ветераны превратились в соучастников государственного преступления, комбатанты и сегодня не теряют веру в свое государство в надежде на то, что когда-нибудь оно вспомнит про них.

4. Выводы

Сегодня тема Афганской войны исчезла из общественной риторики. Официальная позиция государства, осуждающая решение о вводе советских войск на территорию ДРА, озвученная еще в 1989 г., сохраняется. Часть населения продолжает считать войну преступной, хотя с течением времени доля подобных оценок снизилась в 1,5 раза и выросла в 2,5 раза доля тех, кто затруднился оценить недавнее событие. Ветераны-«афганцы» своих патриотических позиций не изменили, обосновывая свое участие в Афганской войне интернациональным долгом, необходимостью защиты южных границ СССР, сдерживанием угрозы американского проникновения в соседнюю страну. Важно, чтобы государство обратило внимание на их проблемы. Ведь процесс полной реабилитации комбатантов завершится лишь тогда, когда стереотип ненужной и несправедливой Афганской войны не будет отождествляться с ее участниками на уровне государства и общества.

5. Благодарности

Статья подготовлена при финансовой поддержке РНФ проекта № 17-18-01411 «Войны и население юга России в XVIII – начале XXI в.: история, демография, антропология»

Литература

Абдурахманов, 1992 – Абдурахманов Р.А. Психологические проблемы послевоенной адаптации ветеранов Афганистана // *Психологический журнал*. 1992. № 1 (13). С. 131–134.

Афганская война, 2014 – Афганская война 1979–1989 гг. // Аналитический центр Юрия Левады «Левада-Центр». URL: <https://www.levada.ru/2014/02/13/afganskaya-vojna-1979-1989-gg/> (дата обращения: 30.11.2017)

Безбородых, 2017 – Безбородых Игорь Николаевич, 1965 г.р. Интервьюер: Д.Д. Челпанова. Расшифровка: Н.А. Власкина. Место проведения: Ростовская область, г. Гуково, Государственное казенное учреждение «Казачи Дона». Продолжительность: 291 мин. Запись 2 июня 2017 г. // Архив лаборатории истории и этнографии ИСЭГИ ЮНЦ РАН.

Булгаков, 2017 – Булгаков Алексей Алексеевич, 1963 г.р. Интервьюер: Д.Д. Челпанова. Расшифровка: Н.А. Власкина. Место проведения: Ростовская область, г. Гуково, госпиталь для ветеранов войн. Продолжительность: 104 мин. Запись 1 июня 2017 г. // Архив лаборатории истории и этнографии ИСЭГИ ЮНЦ РАН.

Воробьев, 2017 – Воробьев Геннадий Владимирович, 1962 г.р. Интервьюер: Д.Д. Челпанова. Расшифровка: Н.А. Власкина. Место проведения: г. Ростов-на-Дону, автомобильный рынок «Фортуна». Продолжительность: 62 мин. Запись 22 сентября 2017 г. // Архив лаборатории истории и этнографии ИСЭГИ ЮНЦ РАН.

Гордость и стыд за Россию, 2010 – Гордость и стыд за Россию // *Доминанты*. № 35. Фонд «Общественное мнение». URL: <http://bd.fom.ru/pdf/d35gis10.pdf> (дата обращения: 30.11.2017)

Данилова, 2003 – Данилова Н.Ю. Коллективные действия участников войны в Афганистане в контексте социальной политики. Дисс... канд. соц. наук. Саратов, 2003. 236 с.

Доверие политикам, 2017 – Доверие политикам // Всероссийский центр изучения общественного мнения. URL: https://wciom.ru/fileadmin/file/reiting/confidence_politicians.xlsx (дата обращения: 30.11.2017)

Захаров, 2000 – Захаров А.В. Социальная реабилитация участников локальных военных конфликтов. Дисс... канд. соц. наук. М., 2000. 203 с.

Знаков, 1990 – Знаков В.В. Психологическое исследование стереотипов понимания личности участников войны в Афганистане // *Вопросы психологии*. 1990. № 4. С. 108–116.

Знаков, 1991 – Знаков В.В. Психологический портрет участника войны в Афганистане в массовом сознании // *Психологический журнал*. 1991. № 6. С. 26–39.

Караяни, 2005 – Караяни А.Г. Социально-психологическая реадaptация участников боевых действий // Военно-историческая антропология. Ежегодник. 2003–2004. Новые научные направления. М.: РОССПЭН, 2005. С. 431–440.

Кинсбургский, Топалов, 1992 – Кинсбургский А.В., Топалов М.Н. Реабилитация участников Афганской войны в общественном мнении // *Социологические исследования*. 1992. № 1. С. 104–107.

Клинцевич, 2014 – Клинцевич: СССР был прав, введя войска в Афганистан // Русская служба BBC. URL: http://www.bbc.com/russian/russia/2014/12/141224_afghanistan_klintsevich_interview (дата обращения: 27.11.2017)

Кондрашкин, 2017 – Кондрашкин Евгений Иванович, 1967 г.р. Интервьюер: Д.Д. Челпанова. Расшифровка: Н.А. Власкина. Место проведения: Ростовская область, г. Гуково, квартира респондента. Продолжительность: 130 мин. Запись 31 мая 2017 г. // Архив лаборатории истории и этнографии ИСЭГИ ЮНЦ РАН

Королев, 2005 – Королев А.А. «Афганский синдром»: истоки формирования и пути преодоления // Военно-историческая антропология. Ежегодник. 2003–2004. Новые научные направления. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2005. С. 419–432.

Костыря, 2008 – Костыря А.А. Историография, источниковедение, библиография спецоперации СССР в Афганистане (1979–1989 гг.). Киев: МИЦ «Мединформ», 2008. 596 с.

Костыря, 2009 – Костыря А.А. Историография, источниковедение, библиография спецоперации СССР в Афганистане (1979–1989 гг.). 2-е изд., доп. и испр. Донецк: ООО ИПП «Промінь», 2009. 600 с.

Лазебная, Зеленова, 1999 – Лазебная Е.О., Зеленова М.Е. Военно-травматический стресс: особенности посттравматической адаптации участников боевых действий // *Психологический журнал*. 1999. № 5. С. 62–74.

Мищенко, 1991 – Мищенко А.И. Социологический анализ процесса социальной адаптации ветеранов Афганской войны: Автореф... дисс. канд. соц. наук. М., 1991. 26 с.

Немировский, 1990 – Немировский В.Г. Эхо Афганской войны // *Социологические исследования*. 1990. № 10. С. 55–66.

Ольшанский, 1998 – Ольшанский Д.В. Афганистан судьба народа, судьба общества // *Социологические исследования*. 1988. № 5. С. 38–41.

Петров, 2014 – Петров В. Депутаты предложили пересмотреть значение Афганской войны // Российская газета. URL: <https://rg.ru/2014/12/24/duma-site.html> (дата обращения: 27.11.2017)

Петрова, 2002 – Петрова А.С. Чего мы стыдимся? // База данных Фонда «Общественное мнение». URL: <http://bd.fom.ru/report/map/of020604> (дата обращения: 30.11.2017)

Постановление Съезда народных депутатов СССР, 1989 – Постановление Съезда народных депутатов СССР от 24 декабря 1989 г. № 982-1 // Библиотека нормативно-правовых актов Союза Советских Социалистических Республик. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_16098.htm (дата обращения: 30.11.2017)

Сенявская, 1997 – Сенявская Е.С. Человек на войне. Историко-психологические очерки на примере двух мировых войн и афганской войны. М.: Издательский центр Института российской истории РАН, 1997. 232 с.

Сенявская, 1999 – Сенявская Е.С. Психология войны в XX веке: исторический опыт России. М.: РОССПЭН, 1999. 383 с.

Сенявская, 2006 – *Сенявская Е.С.* Противники России в войнах XX века: Эволюция «образа врага» в сознании армии и общества. М.: РОССПЭН, 2006. 288 с.

Сенявская, 2012 – *Сенявская Е.С.* История войн России XX века в человеческом измерении: проблемы военно-исторической антропологии и психологии: Курс лекций. М.: РГГУ, 2012. 332 с.

Сидоров, Литвинцев, Лукманов, 1999 – *Сидоров П.И., Литвинцев С.В., Лукманов М.Ф.* Психическое здоровье ветеранов Афганской войны. Архангельск: Архангельская государственная медицинская академия, 1999. 381 с.

Слепокуров, 2017 – Слепокуров Сергей Викторович, 1959 г.р. Интервьюер: Д.Д. Челпанова. Расшифровка: Н.А. Власкина. Место проведения: Ростовская область, г. Гуково, кафе. Продолжительность: 149 мин. Запись 31 мая 2017 г. // Архив лаборатории истории и этнографии ИСЭГИ ЮНЦ РАН.

Титов, 1993 – *Титов М.К.* Социальная адаптация ветерана войны в Афганистане. Автореф... дисс. канд. соц. наук. М., 1993. 17 с.

Шило, 2010 – *Шило Н.И.* Афганистан 30 лет спустя. Последствия ввода советских войск в ДРА для страны и региона // *Вестник МГИМО Университета*. 2010. № 2. С. 153–161.

Galeotti, 1994 – *Galeotti M.* Afghanistan: the Soviet Union's Last War. London, England; Portland, Ore.: Frank Cass, 1994. 242 p.

Sapper, 1994 – *Sapper M.* Die Auswirkungen des Afghanistan Krieges auf die Sowjetgesellschaft: Eine Studie zum Legitimitätsverlust des Militarischen in der Perestrojka. Hamburg: Muenster Ltd, 1994. 479 p.

References

Abdurahmanov, 1992 – *Abdurahmanov R.A.* Psihologicheskie problemy poslevoennoj adaptacii veteranov Afganistana [Psychological problems of post-war adaptation of veterans of Afghanistan] // *Psihologicheskij zhurnal*. 1992. Is. № 1 (13). pp. 131–134 [in Russian].

Afganskaja vojna, 2014 – Afganskaja vojna 1979–1989 gg. [The Afghan war (1979–1989)] // Analiticheskij centr Juriija Levady “Levada-Centr” [Yuri Levada Analytical Center “LEVADA-CENTER”]. 13.02.2014. URL: <https://www.levada.ru/2014/02/13/afganskaya-vojna-1979-1989-gg>. (accessed on: November, 30, 2017) [in Russian].

Bezborodykh, 2017 – Bezborodykh Igor' Nikolaevich, 1965 g.r. Interviewer: D.D. Chelpanova. Decoding: N.A. Vlaskina. Location: Rostov Region, Gukovo City, the State Establishment “Cossacks of Don”. Lasting: 291 min. Record June 2, 2017 // Arhiv laboratorii istorii i jetnografii ISJeGI JuNC RAN [Archive of the Laboratory of History and Ethnography of ISERH SSC RAS] [in Russian].

Bulgakov, 2017 – Bulgakov Aleksei Alekseevich, 1963 g.r. Interviewer: D.D. Chelpanova. Decoding: N.A. Vlaskina. Location: Rostov Region, Gukovo City, the Hospital for Veterans of Wars. Lasting: 104 min. Record June 1, 2017 // Arhiv laboratorii istorii i jetnografii ISJeGI JuNC RAN [Archive of the Laboratory of History and Ethnography of ISERH SSC RAS] [in Russian].

Vorob'ev, 2017 – Vorob'ev Gennadii Vladimirovich, 1962 g.r. Interviewer: D.D. Chelpanova. Decoding: N.A. Vlaskina. Location: Rostov-on-Don, the Automarket “Fortuna”. Lasting: 62 min. Record September 22, 2017 // Arhiv laboratorii istorii i jetnografii ISJeGI JuNC RAN [Archive of the Laboratory of History and Ethnography of ISERH SSC RAS] [in Russian].

Gordost' i styd za Rossiju, 2010 – Gordost' i styd za Rossiju [Pride and shame for Russia] // Dominanty [Dominants] Is. № 35. 09.09.2010. Fond “Obshhestvennoe mnenie” [Public Opinion Foundation]. URL: <http://bd.fom.ru/pdf/d35gis10.pdf> (accessed on: November, 30, 2017) [in Russian].

Danilova, 2003 – *Danilova N.Ju.* Kollektivnye dejstviya uchastnikov vojny v Afganistane v kontekste social'noj politiki [Collective actions of participants in the war in Afghanistan in the context of social policy] PhD Thesis in Sociology. Saratov, 2003. 236 p. [in Russian].

Doverie politikam, 2017 – Doverie politikam [Trust in politicians] // Vserossijskij centr izuchenija obshhestvennogo mneniya (VCIOM) [Russian Public Opinion Research Center (VCIOM)]. URL: https://wciom.ru/fileadmin/file/reiting/confidence_politicians.xlsx (accessed on: November, 30, 2017) [in Russian].

Zaharov, 2000 – *Zaharov A.V.* Social'naja rehabilitacija uchastnikov lokal'nyh voennyh konfliktov [Social rehabilitation of participants in local military conflicts]. PhD Thesis in Sociology. Moscow, 2000. 203 p. [in Russian].

Znakov, 1991 – *Znakov V.V.* Psihologičeskij portret uchastnika vojny v Afganistane v massovom soznanii [Psychological portrait of a participant in the war in Afghanistan in the mass consciousness] // *Psihologičeskij zhurnal*. 1991. Is. № 6. pp. 26–39 [in Russian].

Znakov, 1990 – *Znakov V.V.* Psihologičeskoe issledovanie stereotipov ponimanija lichnosti uchastnikov vojny v Afganistane [Psychological study of stereotypes of understanding the identity of the participants in the war in Afghanistan] // *Voprosy psihologii*. 1990. Is. № 4. pp. 108–116 [in Russian].

Karajani, 2005 – *Karajani A.G.* Social'no-psihologičeskaja readaptacija uchastnikov boevyh dejstvij [Socio-psychological re-adaptation of combatants] // *Voenno-istoričeskaja antropologija. Ezhegodnik, 2003/2004. Novye nauchnye napravlenija* [Military-historical anthropology. Yearbook, 2003/2004. New scientific directions]. Moscow: “Rossijskaja političeskaja jenciklopedija” (ROSSPJeN), 2005. pp. 431–440 [in Russian].

Kinsburskij, Topalov, 1992 – *Kinsburskij A.V., Topalov M.N.* Reabilitacija uchastnikov Afganskoj vojny v obshhestvennom mnenii [Rehabilitation of the participants of the Afghan war in public opinion] // *Sociologičeskie issledovanija*. 1992. Is. 1. pp. 104–107. [in Russian].

Klincevich, 2014 – *Klincevich: SSSR byl prav, vvedja vojska v Afganistan* [Klincevich: The USSR was right, having brought troops to Afghanistan] // *Russkaja sluzhba BBC* [BBC Russian Service]. 24.12.2014. URL: http://www.bbc.com/russian/russia/2014/12/141224_afghanistan_klincevich_interview (accessed on: November, 2, 2017) [in Russian].

Kondrashkin, 2017 – *Kondrashkin Evgenii Ivanovich, 1967 g.r.* Interviewer: D.D. Chelpanova. Decoding: N.A. Vlaskina. Location: Rostov Region, Gukovo City, Respondent's Flat. Lasting: 130 min. Record May 31, 2017 // *Arhiv laboratorii istorii i jetnografii ISJeGI JuNC RAN* [Archive of the Laboratory of History and Ethnography of ISERH SSC RAS] [in Russian].

Korolev, 2005 – *Korolev A.A.* “Afganskij sindrom”: istoki formirovanija i puti preodolenija [“Afghan syndrome”: the origins of formation and ways to overcome] // *Voenno-istoričeskaja antropologija. Ezhegodnik, 2003/2004. Novye nauchnye napravlenija* [Military-historical anthropology. Yearbook, 2003/2004. New scientific directions]. Moscow: “Rossijskaja političeskaja jenciklopedija” (ROSSPJeN), 2005. pp. 419–432 [in Russian].

Kostyrja, 2008 – *Kostyrja A.A.* Istoriografija, istochnikovedenie, bibliografija specoperacii SSSR v Afganistane (1979–1989 gg.). [Historiography, source study, bibliography of the USSR special operation in Afghanistan (1979–1989)]. Kiev: MIC “Medinform”, 2008. 596 p.

Kostyrja, 2008 – *Kostyrja A.A.* Istoriografija, istochnikovedenie, bibliografija specoperacii SSSR v Afganistane (1979–1989 gg.). [Historiography, source study, bibliography of the USSR special operation in Afghanistan (1979–1989)]. 2nd ed. Donetsk: LLC PIC “Promin”, 2009. 600 p.

Lazebnaja, Zelenova, 1999 – *Lazebnaja E.O., Zelenova M.E* Voenno-travmatičeskij stress: osobennosti posttravmatičeskogo adaptacii uchastnikov boevyh dejstvij [Military-traumatic stress: features of post-traumatic adaptation of combatants] // *Psihologičeskij zhurnal*. 1999. Is. № 5. pp. 62–74 [in Russian].

Mishhenko, 1991 – *Mishhenko A.I.* Sociologičeskij analiz processa social'noj adaptacii veteranov Afganskoj vojny [Sociological Analysis of the Process of Social Adaptation of Veterans of the Afghan War] PhD Author Abstract in Sociology. Moscow, 1991. 26 p. [in Russian].

Nemirovskij, 1990 – *Nemirovskij V.G.* Jeho Afganskoj vojny [Echo of the Afghan War] // *Sociologičeskie issledovanija*. 1990. Is. № 10. pp. 55–66 [in Russian].

Ol'shanskij, 1998 – *Ol'shanskij D.V.* Afganistan sud'ba naroda, sud'ba obshhestva [Afghanistan the fate of the people, the fate of society] // *Sociologičeskie issledovanija* [Sociological Studies]. 1988. Is. 5. pp. 38–41. [in Russian].

Petrov, 2014 – *Petrov V.* Deputaty predlozhili peresmotret' znachenie Afganskoj vojny [Deputies suggested revising the meaning of the Afghan war] // *Rossijskaja gazeta* [Rossijskaya Gazeta] 24.12.2014. Available at: <https://rg.ru/2014/12/24/duma-site.html> (accessed on: November, 27, 2017) [in Russian].

Petrova, 2002 – *Petrova A.S.* Chego my stydimsja? [What are we ashamed of?] // *Baza dannyh Fonda «Obshhestvennoe mnenie»* [Database of the Public Opinion Foundation].

14.02.2002. Available at: <http://bd.fom.ru/report/map/of020604> (accessed on: November, 30, 2017) [in Russian].

Postanovlenie Sezda narodnykh deputatov SSSR, 1989 – Postanovlenie S'ezda narodnykh deputatov SSSR ot 24 dekabrya 1989 g. № 982-1 [Resolution of the Congress of People's Deputies of the USSR of December 24, 1989 Is. 982-1] // Biblioteka normativno-pravovykh aktov Soyuza Sovetskikh Sotsialisticheskikh Respublik [Library of normative legal acts of the Union of Soviet Socialist Republics]. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_16098.htm (accessed on: November, 3, 2017) [in Russian].

Senyavskaya, 2012 – *Senyavskaya E.S.* Istoriya vojn Rossii XX veka v chelovecheskom izmerenii: problemy voenno-istoricheskoi antropologii i psikhologii: Kurs lektsii [History of the wars of Russia in the 20th century in the human dimension: the problems of military historical anthropology and psychology: The course of lectures]. Moscow: Russian State University for the Humanities, 2012. 332 p. [in Russian].

Senyavskaya, 2006 – *Senyavskaya E.S.* Protivniki Rossii v voynakh XX veka: Evolyutsiya “obraza vraga” v soznanii armii i obshchestva [Opponents of Russia in the wars of the twentieth century: Evolution of the “enemy image” in the minds of the army and society]. Moscow: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), 2006. 288 p. [in Russian].

Senyavskaya, 1999 – *Senyavskaya E.S.* Psikhologiya voyny v XX veke: istoricheskii opyt Rossii [The psychology of war in the twentieth century: the historical experience of Russia]. – Moscow: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), 1999. 383 p. [in Russian].

Senyavskaya, 1997 – *Senyavskaya E.S.* Chelovek na voine. Istoriko-psikhologicheskie ocherki na primere dvukh mirovykh vojn i afganskoi voyny [Man in the war. Historical and psychological essays on the example of two world wars and the Afghan war]. Moscow: Publishing Center of the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, 1997. 232 p. [in Russian].

Sidorov, Litvintsev, Lukmanov, 1999 – *Sidorov P.I., Litvintsev S.V., Lukmanov M.F.* Psikhicheskoe zdorov'e veteranov Afganskoi voyny [The mental health of veterans of the Afghan war]. Arkhangel'sk: Arkhangel'sk State Medical Academy, 1999. 381 p. [in Russian].

Slepokurov, 2017 – Slepokurov Sergei Viktorovich, 1959 g.r. Interviewer: D.D. Chelpanova. Decoding: N.A. Vlaskina. Location: Rostov Region, Gukovo City, Cafe. Lasting: 149 min. Record May 31, 2017 // Arhiv laboratorii istorii i jetnografii ISJeGI JuNC RAN [Archive of the Laboratory of History and Ethnography of ISERH SSC RAS] [in Russian].

Titov, 1993 – *Titov M.K.* Sotsial'naya adaptatsiya veterana voyny v Afganistane [Social adaptation of the war veteran in Afghanistan]. PhD Thesis in Sociology. Moscow, 1993. 17 p. [in Russian].

Shilo, 2010 – *Shilo N.I.* Afganistan 30 let spustya. Posledstviya vvoda sovetskikh voisk v DRA dlya strany i regiona [Afghanistan 30 years later. Consequences of the introduction of Soviet troops in the DRA for the country and the region] // *Vestnik MGIMO Universiteta*. 2010. Is. 2. pp. 153–161. [in Russian].

Galeotti, 1994 – *Galeotti M.* Afghanistan: the Soviet Union's Last War. – London – Portland: Frank Cass, 1994. 242 p. [in English].

Sapper, 1994 – *Sapper M.* Die Auswirkungen des Afghanistan Krieges auf die Sowjetgesellschaft: Eine Studie zum Legitimitaetsverlust des Militarischen in der Perestrojka. – Hamburg: Muenster Ltd, 1994. 479 p. [in German]

УДК 355.01(18) "1979/1989"

Афганская война (1979–1989) в общероссийских и региональных оценках

Диана Дмитриевна Челпанова ^{а, *}

^а Южный научный центр Российской академии наук, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена динамике отношения населения к Афганской войне (1979–1989). Автор проводит сравнительный анализ общероссийских и региональных оценок, основываясь на вторичных (социологические опросы) и первичных (глубинные интервью с комбатантами Афганской войны) исследованиях. В общероссийском восприятии наблюдается ослабление либеральной позиции при усилении патриотических настроений. Позиция комбатантов сохранилась неизменной, основанной на патриотическом чувстве долга.

Ключевые слова: Афганская война (1979–1989), Ограниченный контингент советских войск в Афганистане, комбатанты.

---

* Корреспондирующий автор
Электронный адрес: chelpanova@ssc-ras.ru (Д.Д. Челпанова)

Copyright © 2017 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Slovak Republic
 Russkaya Starina
 Has been issued since 2010.
 ISSN: 2313-402x
 E-ISSN: 2409-2118
 2017, 8(2): 196-208

DOI: 10.13187/rs.2017.2.196
www.ejournal15.com

UDC 393.05(47)

Season Migrations of Souls in Natural and Domestic Areas as a Mythological Background of a Calendar Remembrance Rites

Maria A. Andrunina ^{a, *}

^a Russian Academy of Sciences, Institute of Ethnology and Anthropology Named after N.N. Miklouho-Maclay, Department of European and American Studies, Russian Federation

Abstract

The article investigates the mythological background of the calendar remembrance rites – belief in the migration of souls in natural and domestic areas. In Russian, Ukrainian and Belorussian sources, on which the article is based, main calendar remembrance dates are “dedy” (literally “grandfathers”, taking place several times a year and observed at home) and dedicated to dead days during Easter and Whit Sunday periods. Capital difference between these dates and corresponding rites happens to be actual place selected for them (home, cemetery, forest, crossroad et.) according to ancient beliefs where souls expected to be in different seasons. In winter and fall rites are mostly held at home (“dedy”) in shape of common ritual supper of living and dead, including “nurturing” of souls, who will provide rich harvest in payment for reverent behavior of their live relatives. Also, Christmas festivals include gift collection by carol-singers, who believed to be personifications of dead forefathers, visiting at that time their heirs. With the coming of spring, “opening” the earth, returning of birds and the growth of plants souls of dead are released from the Otherworld, they are frequent in cemeteries and masses of people are visiting their graves, giving presents and communicating with them. In Easter time souls could be present everywhere in the world, in homes of their kinfolk, who used to prepare special food for them and held to strict rules for their benefit; in cemeteries, in fields and forests, where burial keens are performed to the sounds of cuckoo, who imagined to be incarnation of late family member. In Whit period, however, remembrance rites are transferred to different group of souls – mostly to those, who died young, which indicates most ancient basic of spring dead concerning beliefs and practices. The closer to the time of harvest, the lesser rites are becoming – souls previously inhabiting plants, cereals and flowers and making them to grow are starting to retreat, leaving the world with birds. But in this time special type of remembrance rite takes place – sacrificing first fruits of the new harvest to the dead, this custom is later turned into belief of unholy spirits presence in fruits and plants, demanding the church blessing of them. In winter souls are believed to be in the Otherworld, from which they are ritually invited to the festive suppers in the circle of their living relatives. This way, through the “opening” and “closing” of earth, growing plants, coming and going of birds the ritual year of remembrance rites is constantly renewing.

* Corresponding author
 E-mail addresses: mary-andr@mail.ru (M.A. Andrunina)

Keywords: traditional culture, remembrance rites, souls, spirits, cemetery, nature, seasons, plants, birds, migration, calendar, dead.

1. Введение

Для изучения любого ритуального комплекса важно выявление его структурно-типологических особенностей, а также связи с другими комплексами, поверьями и представлениями традиционной культуры, что позволяет пролить новый свет на исследуемый вопрос. В данном случае для исследования избрана календарная поминальная обрядность в ее мифологическом аспекте: регулярно справляемые в определенные даты поминки, посвященные всем умершим. В каждом случае выбор локуса для проведения ритуальных действий (дом, кладбище, природное пространство) оказывается неслучайным и может иметь основание в архаических мифологических представлениях о миграциях душ на протяжении годового цикла и поверьях об их нахождении или приходе в какое-либо место в определенное время. Прямая связь календарной и похоронно-поминальной обрядности всегда осознавалась учеными (Иванова, Серов, Токарев, 1983: 209), однако проблема все еще остается недостаточно разработанной.

2. Материалы и методы

Для исследования взят относящийся к периоду середины XX – начала XXI вв. материал украинского, белорусского и русского Полесья, ряда областей России (Смоленская, Псковская и пр.) и Белоруссии (Минская, Могилевская), в некоторых случаях для сравнения привлекался материал других традиций. В статье применяется методология современной этнолингвистики, изложенная в трудах Н.И. и С.М. Толстых (Славянские древности, 1995: 5–14), постулирующая разложимость сложных культурных образований на простые элементы, повторяемые в различных контекстах. Парадигматический подход к исследованию позволяет увидеть культуру как совокупность различных кодов, например, локативного, темпорального, акционального и прочих, соотносимых друг с другом через общий для них содержательный план, в целом сводимый к картине мира, мировоззрению данного социума.

3. Обсуждение и результаты

В России поминальные дни носят общее название *родительские, родительские субботы, родительские дни*; на территории Белоруссии и на Украине в честь умерших справляют *деды* или реже *ба́бы*, в западной Белоруссии фиксируется *Зад́ушыны дзень*. Мощная поминальная составляющая обнаруживается у праздников пасхального и троицкого цикла (*Навский Великдень, Мертвых Великдень* (первый четверг после Пасхи); *Навии проводы* (воскресенье после Пасхи) (полес.), *Радуница, Духовская суббота* и пр.). В России, Белоруссии и Украине поминальные дни (*деды, родительские*) приурочены к различным праздникам. *Де́ды* могут приходиться на Коляды, Рождество, Сретение, перед Великим постом, перед Пасхой, на Радуницу, перед Троицей, перед Петровым днем и Спасом, осенью в Дмитров или Михайлов день, иногда в день Кузьмы и Демьяна и пр. (Виноградова, Толстая, 1999: 43). В Смоленской области *родители, родительские субботы* бывают 2–3 раза в год: после Пасхи, после Покрова, Духовская и Дмитровская субботы (Смоленский сборник. Т. 2, 2003).

Состав, количество и обрядовая значимость этих дат варьируется по регионам, в среднем же в каждой локальной традиции их отмечают 2–4 раза в год. «Де́ды живу́ть ў го́д тры ра́за . Пэ́ рэд Мыха́ йлом , Вэ́лы кым посто́ м , пэ́ рэд Тру́ йцою . Усэ воны одына́ ковы <...>» (Полесский архив: Спорово, Березовский район, Брестская область); «Родители... Да, два раза в год бывают родители: весенние и осень. <...>» (Смоленский сборник. Т. 2, 2003: 114). Иногда термин *родительские дни* относят к весенне-летнему, а *деды* — к осенне-зимнему циклу: «Эта па осени дяды. Есць пшэ радицэ́льскі́й дзень. Эта атдэльна. [Де́ды] эта осенью. А радицэ́льскі́й дзень вясной» (Полевые материалы Андриюниной: Теханичи, Костюковичский район, Могилевская область). По сути, можно говорить о двух типах поминальных обрядов, привязанных к разным локусам: ужин с душами предков дома (*деды*) и повторяющий его в общих чертах обед на кладбищах,

приуроченный к весенне-летнему периоду; причем выбор места для каждого типа обряда не объясняется одними только практическими соображениями о доступности кладбищ в разные времена года (Андрюнина, 2008: 26–28). Помимо этого, фиксируются также другие формы поминальной обрядности (в том числе церковной, которая в данной статье рассматриваться не будет), привязанные к разным датам и часто носящие окказиональный характер.

Осенне-зимний период. На поминки осенне-зимнего периода (*деды*) души умерших посещают дома своих родных, мифологические представления об этом повсеместно встречаются в Полесье и на прилегающих территориях, где календарная поминальная обрядность отличается высокой сохранностью архаических мотивов, широтой и ритуальной разработанностью. К приходу душ в дома своих родных начинали готовиться заранее: соблюдали ряд запретов, служивших для того, чтобы случайно не сбить с пути души, приближающиеся к селению, не затруднить им вход и выход из жилища, не вызвать еще каким-либо образом их недовольство и гнев: «Я не по мню, коб и снава ли, не мата ли на деды, граха бая лись, гамани ли, деда м даро гу заснуе шь, ани не при дуць <...>» (Полесский архив: Золотуха, Калинковичский район, Гомельская область). Для прохода мертвых оставляли открытыми дымоход и двери в доме («Як вечэру пра́вяць, не закрываюць ко́мин и не замукаюцца» (гомел.) (Толстая, 2005: 83)), а также ворота кладбищ (полес.) (Седакова, 1983: 252, 258) и пр.

В ожидании прихода предков в домах убирались, тщательно отмывали полы, чистили печи и дымоходы, развешивали рушники возле открытых для душ дверей и окон, выкладывали на подоконники специально испеченные блины, чтобы запахом и паром привлечь души в жилище. «[На деды мыли полы и насухо вытирали, чтобы] зма́рныя дўшачки [ноги не намочили]» (Архив Белорусского фольклорно-этнолингвистического атласа: Оброво, Ивацевичский район, Брестская область); «Пяком блины, ложым, застилаем скатерку и ложым на окна, кажэм: “Дяды и бабки, прыходьце есць аладки”» (Полевые материалы Андрюниной: Кривоносы, Стародорожский район, Минская область). Для душ готовили специальный ужин, обычно состоящий из 7–12 блюд, на стол для них иногда клали лишние ложки, во время трапезы откладывали или отливали часть еды для душ (на скатерть, под стол, на отдельную тарелку и пр.), а упавшие приборы запрещено было поднимать (Андрюнина, 2011: 70–87). «Пару лишних, лошку и вилку, для тех, хто придець абедась, каго памінаюць» (Полевые материалы Андрюниной: Теханичи, Костюковичский район, Могилевская область); «А есць как на деды, перву ложачку откида ешь на стол, там гарылку пьешь, там и сыту роби шь <...>» (Полевые материалы Андрюниной: Бараново, Стародорожский район, Минская область); «Як упадэ лóжка, то ужэ нэ знымáют, пóкы нэ одыйдúт от столá люды. Кажуть, мэртви вúрвали з рук – бúдуть йи сты тэю лóжкой. Хлеб як упадэ, тóжэ нэ чэп áютъ. Каза́ли, то мэ ршые д úшы прóсьят йúсты. Як найидяца – ужэ паднымáютъ» (Полесский архив: Чудель, Сарненский район, Ровненская область).

На трапезу души приглашали, используя определенную формулу, а после обеда или наутро выпроваживали предков из дома, произнося ритуальное обращение к ним, или вынося из дома предназначенную им еду. «На диды хозяйка выходить на двúр ды й ка́жа: «Прыходьце, мои родные, и што наварыла, тое будэм ра́зом есьци» (Полесский архив: Спорово, Березовский район, Брестская область); «На бабы, на деды <...> оставляюць на ночь ложки, ча́рки, шо едяць, шоб деды посне́дали. Оставляюць не чúстые, а те шо са́ми э́ли» (Полесский архив: Боровое, Рокитновский район, Ровненская область). В полесском селе Новинки для произнесения формулы изгнания душ выходили на крыльцо дома: «Иди́те, дяды, дай, бóжэ, штоб на ле́то даждáли» (гомел.) (Толстая, 2005: 82).

Поверья о зимнем приходе душ в свои жилища также лежат в основе практики колядования, связь которой с поминальным циклом была убедительно доказана Л.Н. Виноградовой (Виноградова, 1982: 136–189). Души умерших, персонифицированные колядовщиками, приходят с того света в село и в дома, к их приходу готовят специальную обрядовую пищу, во время оклика под окнами «Можно ли колядовать?» их приглашают в дом, где в обмен на угощения посетители поют хозяевам колядки — благословения на будущий год, либо, наоборот, в случае плохого приема могут исполнить песню с дурными пожеланиями. «Як вихо дять [из хáты], то спив áютъ: В гэтий х áти е шчо д áти, / Сам Бог

вихо́ дить, жи́ то ро́ дить, / З колосо́ чка — жи́ та месо́ чка, / А з снопо́ чка — жи́ та бо́ чка. [А если ничего не дали]: У е́ тый ха́ти ниц не да́ли, / Шчоб йим сви́ ньи поздыха́ли» (Полесский архив: Бельск, Кобринский район, Брестская область).

В том же самом семантическом ряду оказывается обычай кормить мороз (волка, тучу, птиц и пр.), часто приуроченный к рождественскому сочельнику, поминальная составляющая которого также давно известна науке (Виноградова, 1982: 195–206). Мороз и другие персонажи, приглашаемые на ужин с мотивировкой не приходить летом и не портить урожай, оказываются лексической заменой душ умерших, а в некоторых случаях адресация приглашения душам сохраняется: «Мароз, мароз, ідзі гушчу есьці! Дедушка, бабушка, приглашаем вас на гушчу!» — «мертвых звалі...» (гомел.) (Виноградова, 1982: 197).

В мифологической основе всех перечисленных обрядов заложены представления о всеисильности душ умерших, могущих управлять погодой, насылать засухи, гарантировать удачу или наказывать, поэтому к их зимнему приходу тщательно готовились, духов ритуально приглашали в дома и угощали, взамен ожидая хозяйственного благополучия и урожая летом. В Белоруссии во время ритуального «кормления» предков хозяйка говорила: «Няхай са святымі пачываюць і нам хлеба-солі засылаюць, будзьце ўсе жывы!» (могилев.) (Пахаванні, памінкі, галашэнні, 1986: 169). С другой стороны, множество быличек рассказывает о мести мертвых за неподобающее угощение и неправильное поведение живых. Та же идея находит свое широкое распространение в мотивах колядок: «<...> Вынось ба́ба пырожо́ к. / Нэ вы́ нэсэш пырожка́ / Визьму бычка́ за рожка́ / Повэду́ на пасу́, твою́ ха́ту рознэсу́ <...>» (Полесский архив: Дунаец, Глуховский район, Сумская область).

Весенне-летний период. Весной, с избавлением земли от снега, прилетом птиц и началом вегетации растений, души умерших возвращались в мир живых и их легко было встретить на кладбище. В весенние поминальные дни, приуроченные к пасхальному циклу, фиксировались массовые посещения могил: «Ну, вот это Радуница. У нас исстари говорили, что у год раз у древности виделись живые с мёртвыми ! И тяжёлая разлука была , очень тяжёлая. Ну, конечно, – увидевши... То Господь запрятил, чтоб мёртвые ви дуть живых, – не положено, – а живые мёртвых... Первая – Радуница. Надо обязательно на кладбище. Как бы ни было, но на Радуницу надо было на кладбище сходить!» (Смоленский сборник. Т. 1, 2003: 192); «Эта ж там вроде пакойники выходюць, трэтьего мая, <...>. Ну я пашла, мае бацьки тут пахароненные, пашла к своим, к им, пагаворила там з ими <...>» (Полевые материалы Андрюниной: Тераполь, Слуцкий район, Минская область). В Полесье об этом времени говорили: *святыя выла́зюць* (гомел.), *пэрэсу́шца ў ходо́ды пукойники* (брест.); «На́вский велі́кдень – побуждают покойника» (брест.) (Толстая, 2005: 153).

На кладбища отправлялись всем селом , убирали могилы своих родных , вешали на кресты новые фартуки и рушники : «Погриба́ють – чы́ стять [могилу], ка́жуть, шо там е́му́ лу́чшэ. <...>» (Полесский архив: Щедрогор, Ратновский район, Волынская область). Могилы покрывали скатертями, на которых накрывали «стол» и поминали родственников: «на крест вешали выштытые ўот такие палатенца етые и ўсегда слали на магілу скацэрць, лажыли яйцо красное <...>. После абеда люди шли на кладбишчэ, ўси сабяруцца, пасядяць, пагаманяць, тагды брали яки-нибудь чэрапок, воску лажыли, делали кадило такое и кругом кладбишча хадили три разы и пели бажэственныя песни <...> садились у сваей магілачки, абедали з радицэлями, паминали йих и им аставляли <...> и гарилку аставляли, и яйцо, пиражок тый кидали чы хрушчак <...>» (Полевые материалы Андрюниной: Прусина, Костюковичский район, Могилевская область); «<...> Наливают чарочки им [покойникам], станóвять на могілки и обедают та́ма. Кида́ють и мясо, и яйца, и конхветки, кто што собирает такі. Раз положено птичкам, птички это собирають» (Смоленский сборник. Т. 2, 2003: 116).

Весенние обеды на кладбищах сохраняют все ритуальные черты поминальной обрядности, происходящей в доме: на трапезу умерших приглашают с использованием особой формулы, во время еды часть кушаний выделяют для покойного (водку и *сыту* проливают на могилу, остальное крошат на нее), умерших «кормят», произнося специальный приговор; уходя домой, прощаются с покойными теми же словами, которыми выпроваживали души из дома после *дедовского ужина*: «На м о́гилки ид о́м т о́льки на Радоўницу. Да там на могілках сто́лики, такіе ла́вочки, сядемо́ и гука́ем: «Дэды, ба́бы, идэ́ть

до нас вечэ́ рать » да и ўсе» (киев.) (Толстая, 2005: 205). В Белоруссии на могилу стелят скатерть, на нее кладут поминальную еду, могилу обливают *сытой* или горилкой и обращаются к умершим со словами: «Святыя радзіцелі, хадзіце к нам хлеба і солі кушаць, старыя і малыя». После еды обращаются к покойникам следующим образом: «Мае радзіцелі, выбачайце, не дзівіце, чым хата богата, тым і рада» (Пахаванні, памінкі, галашэнні, 1986: 185–186).

В Полесье в этот период могли также отмечать *деды* дома, но их ритуальная сторона отличалась от зимних тем, что это был не просто ужин с умершими в кругу семьи, а целый период пребывания душ в домах своих родных и вообще везде в селе и в природе: «От Паскы до Знэсэння гробы поотчыняны, то усі няжывы́ дўшы хódяць по зэмлі́. Душа́ двана́ ццать дэнь у ха́ те жыве́ » (Полесский архив: Ласицк, Пинский район, Брестская область). В разных регионах границы этого временного отрезка определяются по-разному. Например, в некоторых полесских областях этот период ограничивали Пасхой и Вознесением, Пасхой и Радуницей и пр. В весенние поминальные дни, в отличие от зимних, души сами приходили в свои дома и жили там, для них открывали двери и оставляли остатки трапезы на столе на ночь и исполняли ряд запретов: «На год и на Пáску, и на Правады́ іду́ть мэ́ ртвые до до́му, так не замыка́ють двéри и штоп нож не лежáў на столі́, чэ́ рэз нож йим незя́ переступáть», «Нэ спáли и двэ́ри нэ замыкáли. Цэ́ ж так á послóвица бул á, шо мэ́ ртвые прых óдыць да до́му» (Полесский архив: Олбин, Козелецкий район, Черниговская область); «На радоўніцу то́пяць хату, вараць я́йца і роб'яць раней вечэ́ру, помінають мертвых» (брест.) (Толстая, 2005: 205); «<...> На Пáску як повечэ́ раем, э́ тих лóжэк не мóумо до, от, сáменького ўшэ́ сыця. Так стоя́ць <...>» (гомел.) (Толстая, 2005: 165).

На праздники троицкого цикла (Троица, Троицкие деды, духовская суббота, *Навская троица* (четверг после Троицы) (полес.) кладбище также посещали, украшали могилы ветками, застилали их скатертью и обедали с мертвыми, оставляли на могилах яйца, крашеные березовой листво́й, кое-где звучали голошения. «У нас то́льки ў На́ўску тро́йцу несу́ть на мо́глицы ай р, по-на́ шему, па́нны, и ли́пу затыка́юць на крэсты́ » (брест.) (Толстая, 2005: 152); «<...> Вот я пошла на Духа́ (духовская суббота) к своему старику, посяде́ла на моги́лочки, погони́ла» (Смоленский сборник. Т. 2, 2003: 116). Дома в этот период также могли устаивать поминки (бел.), в Заонежье в троицкую субботу для душ предков держали открытыми двери дома, а на Псковщине дорожки перед домом посыпали цветным песком, воспроизводя изображение лестницы, под окнами ставили березки по числу умерших в этом доме (Агапкина, 2012: 322).

В рамках Троицкого цикла поминальная обрядность смещается в сторону другого адресата — умерших особой категории (детей, рано умерших, самоубийц), на это время приходится присутствие в природе русалок, сезонного духа, чья прямая связь с душами умерших молодых девушек многократно подтверждалась в ряде исследований (Виноградова, 2000: 195–219). Посвященные «заложным» покойникам (по терминологии Д.К. Зеленина (Зеленин, 1994: 230–298)) обряды также проходили дома, на кладбище и в некоторых локусах природного пространства. Дома для них накрывали поминальный стол, вывешивали на двор одежду, чтобы умершие дочери-русалки пришли и оделись: «<...> То ужэ́ бабы́ пуд хáтыю вывышы́юць на насы́лицю сорóчку, анда́рак, хварту́х и на́мытку. Это до схóду со́нца и в́исыть ц́ильный дэнь до вэ́чора э́тэ́ вэ́. Ш́чыта́юць, шо вжэ́ к óжна дочка́ [русалка] до свэ́и ма́тыра пры́дэ и она́ вжэ́ возьме́ вжэ́ гэ́тэ́ и вбырэ́цця. А котóра вжэ́ ма́тыны пов́исыть, то та́я русáлка вжэ́ хóдыть ныдовóльна и пла́чэ» (брест.) (Толстая, 2005: 217); «Быў та́кой Русáльный ты́ждэн, русáўница. На то́ей ты́ждэн накрывáют стол, и я так рóблю. Покла́ла хл́іба, мо́лока, конфэ́ точки. Ско́лько умэ́рло д́уток, сто́лько лóжэк положу́, шо оны́ прыд́ут, д́уткы мо́у. Цэ́люю ни́ды лу́сто́у́т стол. [с. Новоселье]» (Полесский архив: Олтуш, Малоритский район, Брестская область); «8 нядэ́ль пóсле Пáски, васьма́я Гряна́я, и бывáе Сухі́й четвэ́рь – Русáлкина пáсха. Дятéй нехрешчóных у ка́го памéрло та́ко́е дите, да́к сбира́юць та́ких детéй гадóў па вóсемь и па два́ – да десяти́ гадóў – и их ко́рмять и по́ять» (брянск.) (Толстая, 2005: 215).

На могилы «нечистых» покойников ходили в *Духовскую субботу, на Семик, на Троицу, на Навьи проводы*. «Тóпликов, да́влеников паміна́юць на Трае́цкие де́ды (са́мые гла́вные). И им пасвятлэ́е зде́лает Гаспóдь» (Полесский архив: Грабовка, Гомельский район,

Гомельская область); «<...> Удавленника [поминают] – тока пад Духау день» (Полесский архив: Доброводье, Севский район, Брянская область); «[В духовскую субботу] ходили [на кладбище] – хто залівся, хто задавівся. <...>» (Смоленский сборник. Т. 2, 2003: 119). Поминки «заложных» покойников могли иметь место на перекрестке: «На Гряной, перад Троіцай памінаюць даўленнікаў, каторыя вешаюцца. На перахросных дарогах сыпляць зярон і кажаць: «Нябесныя пціцы сабірайце, такую-то душу памінайце». Эта і ўвесь іх памінак, а так па іх не чытаюць нічога» (бел. гомел.) (Лопатин, 2012: 41).

На древность поминальной составляющей троицкого цикла явственно указывает осуждение Стоглавым собором 1551 г. посещения могил на Троицу, голошения и игр скоморохов на жальниках (Стоглав, 1863: 140). Приуроченность же к этому времени поминок по «заложным» покойникам можно рассматривать как результат старой практики весной совершать обряды по неизвестным умершим из скудельниц (Зеленин, 1994: 247–254), с другой стороны, обычай поминать весной всех, даже тех, кто лишен христианского обряда погребения может объясняться общей мифологией этого периода, заключающейся в открытии земли и прихода всех, без различия в мир и к своим близким (ср.: «Ў Русальны ты ждэнь умэ рли вихо дять и по све ту хо дять» (Полесский архив: Любязь, Любешовский район, Волынская область)).

Такая связь между темпоральным и персональным кодами данной обрядности является также аргументом в пользу представлений об архаике весеннего поминального цикла, так как древнейшие представления и формы погребальной и поминальной обрядности часто закреплялись именно за теми категориями умерших, которые «выпадали» из патронажа церкви и обслуживались уже «устаревшими» на тот период практиками. Дифференцированность же отношения к покойным разных групп прослеживается в том, что пасхальный цикл, воплощающий идею «воскресения», «оживания» уже в русле православия, в основном, посвящен «родителям», в то время как обряды для «заложных» покойников закрепились отдельно за троицким периодом, приуроченным к пику расцвета природы, наполненной душами предков.

Таким образом, в весенне-летнее время души умерших находятся везде, чем и объясняется практика проведения поминальных обычаев и на кладбище, ставшем после схода снега вновь доступным и окультуренным, и в доме, который посещают души умерших, и на природе, бурное цветение которой они обеспечивают. Души возвращались в облике птиц, вырастали на цветах и злаках: «Зозу ля ро диться з мэрца і куйе . Ка жуть про зозу лю, як про люды ну, яка поме рла – то моя ма ты куйе » (Полесский архив: Любязь, Любешовский район, Волынская область); «А мой жа ты татачка, а мой жа ты зязюлек, <...> Як усе птушачкі будуць із выр'я ляцець, Я буду пілнаваць, З каторай стараны мой татачка будзе ісці» (бел.) (Пахаванні, памінкі, галашэнні, 1986: 212–213). В Псковской, Витебской и Смоленской областях России зафиксирован обычай сезонного «голошения с кукушкой», состоящий в исполнении голошений в момент кукования кукушки в лесу: «Весной, как кукушка с того берега из лесу заголосит, пойду к озеру, за баню, там схоронюсь и поговорю с ей. Ну как?... Ну, милая кукушечка, ну, шерая! Ну, ты ж прилятела с таким жалким голосоцкым... Сядь ко мне поближе да Расскажи. Можя, ето сынок мой прилятел, а не кукушечка...» (Разумовская, 1984: 165–166).

Души умерших прятались в троицкой зелени, находились в злаковых полях: «<...> У нас говорили, що душі померлої рідні приходять до хати й ховаються в клечанні. Не квітчати хату було гріх» (чернигов.) (Воропай, 1991: 151–152); «В час квітвання хлібних злаків прокидаються мерці» (укр.) (Воропай, 1991: 175); «Ты ждэнь рус альны пэ ред Три йцею, и мерци хо дять поскри зь по жи ту» (Полесский архив: Щедрогор, Ратновский район, Волынская область). В северных районах Псковщины существовал обычай причитать по умершим «родителям» прямо в поле в период колошения зерновых, а во время жатвы было запрещено заканчивать уборочные работы после захода солнца «чтобы умершим родителям гулять было весело» (Лобкова, 1997: 9–10). Поверья о присутствии в природе и растениях манического¹ начала в конечном итоге реализуются в представлении о том, что все прорастает только благодаря присутствию души, на время воплощенной, например, в

¹ От лат. manes — «души умерших».

растения и «толкающей» его к развитию. Например: «I owies, jarzec, pszenica mają duszę. Przecież z łupiny nie będzie rosło, tylko z duszy <...> Jak zwiędnie, to już nie ma duszy w tym. [А как скосzą збо́же і збо́ра з по́ла?] No, to przecież na tych ziarnkach dusza jest» [И овес, ячмень, пшеница имеют душу. Ведь из шелухи не будет ничего расти, только из души <...> Как завянет, то уже нет там души. [А когда хлеб сожнут и уберут с поля?] Ну, ведь в этих зернах душа есть] (пол.) (Moszyński, 1967: 592).

Повсеместное присутствие в этот период невидимых душ умерших и страх навлечь на себя последствия их гнева (например, градобитие, засуху, болезни и пр.) объясняет наличие приуроченных к пасхальному и к троицкому циклам ряда характерных для погребальной обрядности запретов, имеющих аналогичные мотивировки. В пасхальную ночь не спали и не гасили свет, в праздничные дни не мели хату и не выбрасывали мусор, не топили печь и не готовили, не подбеливали печь, не здоровались, в некоторые дни этого периода (например, *Сухие дни*) соблюдался строгий запрет на сельскохозяйственные работы. В некоторых случаях связь этих предписаний с погребальным комплексом вполне осознавалась информантами: «За того́ к а́жут, шо не трэ́ ба сп а́ти, та́к, як нат поко́ йным, хто с' у мер. Та́к, как над у мершым не спля т , та́к и ф пасх а́л'ну ноч не спля т , хоб просты́ ў грехи́ , шо нароби́ ў» (Полесский архив: Мокраны, Малоритский район, Брестская область); «Пока́ нэ похоро́ няць, нэ здоро́ ваюцца. Перед Па́скою то́ ю но́ чи, пока́ на гроб нэ вы́ йде б а́тюшка и нэ ск а́жэ: "Христо́ с воскре́ с", нэ здоро́ ваюцца. А тоды́ к а́жуть: "Христо́ с воскре́ с" – во всю Па́ску» (Полесский архив: Нобель, Заречнянский район, Ровненская область); «[деревня Деревцы] Проводна нэдэ́ ля, у понэдэ́ лок ужэ́ нэ капаю́ т [второй понедельник после Пасхи] с худо́ бою нэ яру́ т. Говора́ т – це шо-то от гра́ да. Ро́ зыргы [2–1 понедельник от Троицы]. Нэ мо́ жно рушы́ т землі́ . Воно́ шось для́ мэ ршых, чи гра́ д будэ́ бить <...>» (Полесский архив: Журба, Овручский район, Житомирская область).

Конец лета и осень. По мере приближения времени сбора урожая поминальная обрядность теряет присущий весне массовый и ритуально напряженный характер, по большей части проводится на кладбище и на природе и является скорее окказиональной. В день памяти мучеников Маккавеев (14 августа, в некоторых традициях 1 августа (житомирск.)) освящали цветы, носили их на могилы детей: «А часць цвэ́ то ў не́ со́ м на мо́ глица, ў ко́ го де́ ци помэ́ рли , да кладо́ м на моги́ лу » (Полесский архив: Хоромск, Столинский район, Брестская область). Во время начавшегося сбора ягод первые ягоды бросали через плечо «родителям» или относили на кладбище: «Яга́ дку первую́ бяре́ ш <...>. Пераки́ даеш яе, вот вчора́ хади́ ла, пераки́ дала: “Эта́ таби, мая́ дачка́, эта́ таби, мая́ ма́мка”, – паки́ дала че́ рез плéчо... што́ ани́ вот паспы́ таюць» (Полевые материалы Андриюниной: Бараново, Стародорожский район, Минская область); «На кла́ дбишчэ́ и на Сплі́ нне ходзи́ ли, и на Па́ ску х о́ дзи́ ли, а́ бо вот п е́ рвых яго́ д набр а́ ў, э́ то обя́ з а́ тельно, шо́ б на кл а́ дбишче́ покó йнику́ зане́ с я́ г о́ д, шо́ б он попр о́ бова́ ў тво́ е я́ го́ ды» (Полесский архив: Велута, Луинецкий район, Брестская область). В августе на Спаса относили на кладбища яблоки и другие подарки умершим предкам: «До́ Спа́ са нича́ го не е́ м. В яго́ дку пош́ ла на кла́ дбища́, земля́ нички́ око́ ло кла́ дбища́ со́ бра́ ла-со́ бра́ ла и снесла́: на мо́ гу́ лочку́ на ма́ мину́ положи́ ла» (Смоленский сборник. Т. 2, 2003: 118).

Однако, гораздо чаще, чем обычай приносить на кладбище или оставлять в лесу первые плоды нового урожая, встречается практика воздерживаться от них (часто до Спаса, церковного освящения плодов), мотивированная представлениями о том, что иначе умершие дети (иногда родители) на «том свете» не получают плодов и останутся ни с чем: «У́ яго́ дку иде́ шь – перва́ я яго́ дку положи́ на пене́ к, сама́ не съе́ шь, а е́ сли съе́ шь, то на то́ м свете́ все, твои́ м родите́ лям ниче́ го не бу́ дет, не да́ дут ни яго́ дки, ни я́ блочка́, ни горо́ ху <...>» (Смоленский сборник. Т. 2, 2003: 118); «Е́ сли у́ мер ребе́ нок , то ма́ ть нэ́ должн а́ ку́ шать я́ блока́ чи гру́ шы до́ Спа́ са. Е́ ва зье́ ла я́ блокó и е́ е вы́ гнали́ з р а́ я. Шо́ б дитя́ нэ́ вы́ гнали́ з р а́ я, гэ́ то пор а́ док та́ кэ́ й», «У́ ко́ го диты́ мэ́ рлы́ , ты́ е́ [родители́] я́ блокы́ нэ́ е́ дя́ т [до́ Спа́ са]. По́ ко́ йнику́ даю́ ть, ў́ нас ка́ жуть, я́ блокó, а́ ко́ то ра́ ма́ ть зье́ ла [я́ блокó до́ Спа́ са], то́ му́ ребе́ нку́ , ка́ жу́ ть [на то́ м свете́], што́ его́ я́ блокó сви́ нья́ зье́ ла » (Полесский архив: Кончицы, Пинский район, Брестская область).

В некоторых мотивировках этого обычая «свиньей» называется нерадивая мать , нарушившая запрет и лишившая умершего ребенка лакомства , что дает основание

предполагать, что все первые плоды мыслились как принадлежащие умершим, а не живым: «У кого умэрлы де ти, то ужэ до Спáса он я блок не име е праўа ку шаты. Хто со ўэсны, ўы держаны. Де ткам тым ўсим даў áты бу дуть, а э тым нэ даду ть, скажутъ, тўоя мáтэръ зый ла. Это е сли я поку шаю ўпэро д я блыка, чым аны посўя тяцца, то ўжэ мое дите нэ поку шае. Кажуть, тўоя мать сўиння, она тебе не даждалась, съе ла я блыко нэ сўачо нэ» (Полесский архив: Онисковичи, Кобринский район, Брестская область); «<...> Одна жи нка, а у не е поме рло два хло пчыкы, у ту ю но чь, на Спáса, лягла спáты, и присни лса ей сон, шчо прибе глы ейи об áдва хло пчыкы и пл áчуть. Она спытáла, чога вы, ди тки, плáчэте? А воны сказáлы: "Мáмо! Сього дни Бог делы л усé м по я блочкови, а нáше ты зый ла" <...>» (Полесский архив: Щедрогор, Ратновский район, Волынская область).

В ряде случаев эта практика объясняется защитой от града и грома: «Трэ́ба идти́ на мо́ гилки на Спáса, ти я́ блако взять, ти канфе́ ту. На могилках съешь – не бу́ диш гро́ му бая́ ца»; «Ў прáзники нэ ро́ бить, да спаса груш нэ е́ ли, штоб грат нэ по́ бил» (Полесский архив: Малые Автюки, Калинковичский район, Гомельская область). Такой разброс мотивировок не кажется случайным, ведь души умерших рассматривались как податели благ и вершители наказаний, «заложные» покойники становились предводителями градовых туч, а в некоторых случаях тучи могли быть местом пребывания и умерших родителей: «А я етой тучи не боюся, / А я етой грозной не боюся. / А у етой туче – мой батюшка. / А у етой туче – мой родненький. / А у етой туче – моя матушка. / А у етой туче – моя родная» (брян.) (Пашина, 1998: 85). Таким образом, воздержание от первых плодов или жертвование их может быть с достаточной достоверностью истолковано как форма поминальной обрядности, неявно выраженной в этот календарный период. Аналогичная практика сложилась в рамках пасхального цикла, поминальная составляющая которого выражена явно: «На Вели́ ко дня, як з моги́ лы нешто зьести́ – не бу́ дешь гро́ ма боя́ ца» (Полесский архив: Малые Автюки, Калинковичский район, Гомельская область). В разных славянских традициях также распространено принесение в жертву не только первых плодов урожая, а также первого приплода скота, первого молока, роя пчел, куска каравай и пр. (Валенцова, Седакова, 2004: 677).

Отвечавшие за рост и развитие плодов духи находятся в них, поэтому возможность вкушать плоды нового урожая требует перераспределения доли между живыми и умершими, что выражается через жертву, выделение мертвым их части, впоследствии логически замененную на обряд церковного освящения, который стал осмысляться как изгнание нечистой силы из растений, плодов, стихий. «На Спаса яблыкі́ ідуць, яблыкі́ нясуць [на кладбище] — як аброк: трэ́ба схадзіць, пасядзець» (бел., борисов.) (Традиционная мастацкая культура беларусаў, 2011: 847); ср. также: «До Иван-дня в овочах сидит чертик, а Иван его прогонит з овочов, — и их можно есть» (Закарпатье) (Виноградова, 2000: 114).

Осенью на исследованных территориях поминальные обряды на кладбище фиксируются достаточно редко, *деды* и *родительские* отмечают дома или посещают церковь. О затухании поминальной обрядности на кладбище с приближением осени косвенно свидетельствует смоленский обычай уменьшать кусок полотна, которым застилали могилу весной: «Приезжаем на Ра данице, застилаем салхве́ткой на моги́ лочку, ставим панахви́ ду, поминаем и все. И на духовску́ю так. А на дми́ тровскую уже салхве́т ку не застилаем, только такую маленькую палате́ нца, где панахфи́ тка стоить — уже глаза не закрываются <...> [у покойника]» (Смоленский сборник. Т. 2, 2003: 115). Осенью и зимой запрещалось тревожить могилы во время редких посещений кладбища. Например, в Заонежье тем, кто в это время счищал снег с могил и прибирался на них, умершие высказывали свое недовольство во сне: «Зачем одеяло/шубу снял/а; холод такой голове и ногам» (рус. заонеж.) (Логинов, 1993: 194). Такие же представления относились к ранней весне, если кто-то начинал убирать могилу раньше положенного срока «открытия» земли: «Падгрэбаюць, абычна, благовешчанье, до благовешчанья, гаварят, и птушка гнезда не вье, и падгрэбаць раньшэ гаварили нельзя ни в коём случае <...>» (Полевые материалы Андриюниной: Тераполь, Слуцкий район, Минская область).

4. Выводы

Представленный материал доказывает несомненную связь выбора локуса и ритуальной формы календарной поминальной обрядности с мифологическими представлениями о весеннем «открытии» и осеннем «закрытии» земли, с поверьями о годовой миграции душ умерших в природном и домашнем пространстве. Весной, с таянием снега, прилетом птиц и появлением растений возвращаются в мир души умерших, присутствуют везде дома, в природе и на кладбище, чем объясняется существенное разнообразие ритуальных форм, практикуемых в это время. Дома для умерших готовят обед и оставляют поминальную еду на столе на определенное время, а также исполняют ряд запретов, чтобы не навредить повсеместно присутствующим душам и не вызвать их гнев; на кладбищах устраивают массовые обеды и кормят умерших, голосят и поминают усопших в природном пространстве, в лесах и житных полях. Летом души умерших находятся в природе и на кладбищах, но с началом сбора урожая и замедлением вегетации растений они постепенно покидают мир и возвращаются на «тот свет», поминальная обрядность редуцируется, а в некоторых случаях сохраняется лишь в представлениях о принадлежности первых плодов урожая душам и ритуализированном отказе от них до церковного освящения. Зимой души умерших находятся на «том свете», откуда приходят в дома родных в ответ на приглашение, причем для зимней поминальной обрядности особенно актуальной становится тема сложной дороги мертвых из потустороннего мира, ради преодоления которой живые соблюдали различные запреты (например, сновать, мотать нитки и пр.). Противопоставление зимних и весенне-летних поминальных обрядов по локусу их проведения ярко прослеживается и в терминологии посещения кладбищ. В Белоруссии, собираясь на могилы в *Навский день*, говорили: «Иду цяпер у наўскія госці!» (Пахаванні, памінкі, галашэнні, 1986: 184); «На Рáдуницу навешчаюць мёртвых – в год раз. То оні к нам хódяць кáждые дзеды́, а то мы к йим» (гомел.) (Толстая, 2005: 81).

Такая картина мифологической составляющей поминальной обрядности полностью подтверждается распространенными представлениями о сезонных переходах разной нечистой силы, для многих представителей которой также достоверно реконструируется связь с мертвыми (Виноградова, 2001: 10–49). «До Крещения черт в воде сидит, – так в этот день воду светят; на Вербницу светят вербу – это черта с вербы сгоняют; на св. Яна травы светят – это значит черта с травы согнали» (брест.) (Виноградова, 2000: 114); «Недо брый сиде́ л на ве́рби, а ве́рбу посвети́ ли, так ин на я́ блони, на я́ бло ни сиди́ в. Так вже́ ста́ли я́ блок све́ тить. А йин вже́ с я́ блок да ў во́ ду. И у води́ сиди́ в аж до Креще́ ня, а вже́ на Креще́ ня его стреля́ ли и его уби́ ли гада́ [нечистика], и тады́ [с тех пор] во́ ду све́ тять и стреля́ ють » (Полесский архив: Копачи, Чернобыльский район, Киевская область); «[Сатана, чорт] Кагда на Хреще́ нье во́ ду све́ тять, уж ана́ [сатана] пойде́ на сад, а как на Спас я́ блок пасве́ тят, дак он а́ опя́ ть ў во́ ду. Она уже́ тя́ гне ў во́ ду, мо́ жет утапи́ ть. А до Спа́са еще мо́ жно ў ваде́ куп а́ца. А после Хреще́ нья до Спа́са вада́ све́ чена, без сатаны́ » (Полесский архив: Симоничи, Лельчицкий район, Гомельская область); «Ты и няде́ ли прайду́ ть, як жыто асы́ пецца́, стане паспева́ ть, – руса́ ўки́ уxo дят ў лес, ў бало́ та, ў гроб, на свае́ место» (брянск.) (Виноградова, 2000: 200). Последовательная актуализация в этих представлениях показателей локативного и темпорального кодов (Крещение – вода, Вербное воскресенье – верба, Иван Купала – травы, Спас – плоды и снова вода) описывает цикл перемещений мифологических персонажей в природе, момент переход из одного локуса в другой оказывается связанным с освящением стихий и предметов в календарные праздники, отмеченные различными задушными представлениями и формами обрядности.

С другой стороны, обращает на себя внимание связь периодов пребывания душ умерших на земле, приуроченных к ним задушных обрядов и представлений с солнцеворотами и равноденствиями. На период зимних святок приходились *деды*, обходы домов колядующими, рождественское кормление мороза, представление о приходе в мир душ умерших и вообще некоего множества представителей нечистой силы, например, *шуликунов* (сев. рус.) (Новая Абевега русских суеверий, 1995: 197) и пр. В середине лета, согласно традиционным верованиям, души умерших постоянно находятся на земле, встречи с разными духами нередки на лоне природы. В период от Спаса (14 августа) до Воздвиженья (27 сентября) земля «закрывается», духи уходят в воду, которая мыслилась как стихия на

границе миров и путь в потустороннее пространство, вместе с птицами они покидают мир, весной же земля «отмыкается» на Благовещение (7 апреля), после чего уже можно «тревожить» землю и убираться на кладбищах. Такие представления находят подтверждение и в других традициях: солнцевороты оказываются отмеченными также в мифологии народов, населяющих Европу. Особый «разгул» нечистой силы, по их мнению, бывает на святки; в это время мертвые якобы выходят из могил и навещают родственников; летом «тот свет» открыт для общения живых и мертвых на Иванов день (Серов, 1983: 47). Так, через рост и уменьшение светового дня, начало и конец вегетации в природе, прибытие в мир людей и уход из него душ отмеряется полный цикл годовой поминальной обрядности.

Литература

Агапкина, 2012 – Агапкина Т.А. Троица // Славянские древности. Этнолингвистический словарь / общ. ред. Н.И. Толстого. М.: Международные отношения, 2012. Т. 5. 728 с.

Андрюнина, 2008 – Андрюнина М.А. Пространственные характеристики календарных поминальных обрядов // *Живая старина*. 2008. № 4. С. 26–28.

Андрюнина, 2011 – Андрюнина М.А. Символическое «кормление» умерших: пространственная характеристика // *Пространство и время в языке и культуре* / отв. ред. С.М. Толстая. М.: Индрик, 2011. С. 70–87.

Архив Белорусского фольклорно-этнолингвистического атласа – Архив Белорусского фольклорно-этнолингвистического атласа, рукопись, Минск.

Валенцова, Седакова, 2004 – Валенцова М.М., Седакова И.А. Первый – последний // Славянские древности. Этнолингвистический словарь / общ. ред. Н.И. Толстого. М.: Международные отношения, 2004. Т. 3. с. 674–679.

Виноградова, 1982 – Виноградова Л.Н. Зимняя календарная поэзия западных и восточных славян. Генезис и типология колядования. М.: Наука, 1982. 255 с.

Виноградова, 2000 – Виноградова Л.Н. Народная демонология и мифоритуальная традиция славян. М.: Индрик, 2000. 431 с.

Виноградова, 2001 – Виноградова Л.Н. Полесская народная демонология на фоне восточнославянских данных // *Восточнославянский этнолингвистический сборник. Исследования и материалы* / отв. ред. А.А. Плотникова. М.: Индрик, 2001. С. 10-49.

Виноградова, Толстая, 1999 – Виноградова Л.Н., Толстая С.М. Деда // Славянские древности. Этнолингвистический словарь / общ. ред. Н.И. Толстого. М.: Международные отношения, 1999. Т. 2. 697 с.

Воропай, 1991 – Воропай О. Звичаї нашого народу: Етнографічний нарис. Київ: Оберіг, 1991. Т. 2.

Зеленин, 1994 – Зеленин Д.К. Избранные труды. Статьи по духовной культуре 1901–1913. М.: Индрик, 1994. 400 с.

Иванова, Серов, Токарев, 1983 – Иванова Ю.В., Серов С.Я., Токарев С.А. Заключение // *Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Исторические корни и развитие обычаев*. М.: Наука, 1983. 219 с.

Лобкова, 1997 – Лобкова Г.В. Архаические основы обрядового фольклора Псковской Земли. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата искусствоведения. СПб., 1997. 32 с.

Логинов, 1993 – Логинов К.К. Семейные обряды и верования русских Заонежья. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 1993. 228 с.

Лопатин, 2012 – Лопатин Г.И. «Похараны есць похараны...» (похоронно-поминальный обряд в Ветковском районе Гомельской области) // *Живая старина*. 2012. № 3. С. 39–42.

Новая Абевега русских суеверий, 1995 – Новая Абевега русских суеверий: иллюстрированный словарь / сост. М. Власова. СПб.: Северо-Запад, 1995. 383 с.

Пахаванні, памінкі, галашэнні, 1986 – Пахаванні, памінкі, галашэнні / гал. рэд. А.С. Фядосік. Мінск: Навука і тэхніка, 1986. 614 с.

Пашина, 1998 – Пашина О.А. Календарно-песенный цикл у восточных славян. М.: Гос. ин-т искусствоведения, 1998. 292 с.

Полевые материалы Андрюниной – Полевые материалы Андрюниной М.А., рукопись, Москва.

Полесский архив – Полесский архив сектора этнолингвистики и фольклора Института славяноведения РАН, рукопись, Москва.

Разумовская, 1984 – *Разумовская Е.Н.* Плач с «кукушкой»: Традиционное необрядовое голошение русско-белорусского пограничья // Славянский и балканский фольклор: Этногенетическая общность и типологические параллели. М.: Индрик, 1984. С. 160–178.

Седакова, 1983 – *Седакова О.А.* Материалы к описанию полесского погребального обряда // Полесский этнолингвистический сборник: Материалы и исследования. М.: Наука, 1983. С. 246–262.

Серов, 1983 – *Серов С.Я.* Календарный праздник и его место в европейской народной культуре // Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Исторические корни и развитие обычаев. М.: Наука, 1983. С. 39–54.

Славянские древности, 1995 – Славянские древности. Этнолингвистический словарь / под ред. Н.И. Толстого. М.: Международные отношения, 1995. Т. 1. 577 с.

Смоленский сборник. Т. 1, 2003 – Смоленский музыкально-этнографический сборник. Т. 1. Календарные обряды и песни / Отв. ред. О. А. Пашина, М.: Индрик, 2003. Т. 1. 753 с.

Смоленский сборник. Т. 2, 2003 – Смоленский музыкально-этнографический сборник. Т. 2: Похоронный обряд. Плачи и поминальные стихи / отв. ред. О.А. Пашина, М.А. Енговатова. М.: Индрик, 2003. 548 с.

Стоглав, 1863 – Стоглав. СПб.: Издание Д.Е. Кожанчикова, в типографии Императорской Академии наук, 1863. 312 с.

Толстая, 2005 – *Толстая С.М.* Полесский народный календарь. М.: Индрик, 2005. 599 с.

Традыцыйная мастацкая культура беларусаў, 2011 – Традыцыйная мастацкая культура беларусаў. Т. 5: Центральная Беларусь. Кн. 1. Мінск: Вышэйшая школа, 2011. 847 с.

Moszyński, 1967 – *Moszyński K.* Kultura ludowa Słowian. Т. 2. Cz. 1. Kultura duchowa. Warszawa: Książka i wiedza, 1967. 828 p.

References

Agapkina, 2012 – *Agapkina T.A.* Troica [Trinity] // Slavjanskije drevnosti. Jetnolingvističeskij slovar' [Slavic antiquities. Ethnolinguistic dictionary] / Ed. by N.I. Tolstoy. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya, 2012. Vol. 5. p. 728 [in Russian].

Andryunina, 2008 – *Andryunina M.A.* Prostranstvennye kharakteristiki kalendarnykh pominal'nykh obryadov [Spatial characteristics of calendar remembrance rites] // *Zhivaya starina* [Living antiquity], 2008. № 4. pp. 26–28 [in Russian].

Andryunina, 2011 – *Andryunina M.A.* Simvolicheskoe “kormlenie” umershikh: prostranstvennaya kharakteristika [Symbolic “feeding” of dead: spatial characteristics] // *Prostranstvo i vremya v yazyke i kul'ture* [Time and space in language and culture] / Ed. by S.M. Tolstaya. Moscow: Indrik, 2011. pp. 70–87 [in Russian].

Arkhiv Belorusskogo fol'klorno-etnolingvisticheskogo atlasa – Archive of Belorussian ethnolinguistic atlas, manuscript, Minsk.

Valentsova, Sedakova, 2004 – *Valentsova M.M., Sedakova I.A.* Pervyi – poslednii [First one – last one] // Slavjanskije drevnosti. Etnolingvističeskii slovar' [Slavic antiquities. Ethnolinguistic dictionary] / Ed. by N.I. Tolstoy. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya, 2004. Vol. 3. pp. 674–679 [in Russian].

Vinogradova, 1982 – *Vinogradova L.N.* Zimnyaya kalendarnaya poeziya zapadnykh i vostochnykh slavyan. Genezis i tipologiya kolyadovaniya [Winter calendar poetry of western and eastern slavs] Moscow: Nauka, 1982. 255 p. [in Russian].

Vinogradova, 2000 – *Vinogradova L.N.* Narodnaya demonologiya i miforitual'naya traditsiya slavyan. [Folk demonology, mythology and ritual tradition of slavs]. Moscow: Indrik, 2000. 431 p. [in Russian].

Vinogradova, 2001 – *Vinogradova L.N.* Poleskaya narodnaya demonologiya na fone vostochnoslavjanskikh dannykh [Folk demonology of Polesye region in eastern Slavic data background] // *Vostochnoslavjanskii etnolingvističeskii sbornik. Issledovaniya i materialy*

[Eastern slavic ethnolinguistic collection. Researches and data] / Ed. by A.A. Plotnikova. Moscow: Indrik, 2001. pp. 10–49 [in Russian].

Vinogradova, Tolstaya, 1999 – *Vinogradova L.N., Tolstaya S.M.* Dedy [Grandfathers] // Slavyanskije drevnosti. Etnolingvisticheski slovar' [Slavic antiquities. Ethnolinguistic dictionary] / Ed. by N.I. Tolstoy. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1999. Vol. 2. P. 697 [in Russian].

Voropai, 1991 – *Voropai O.* Zvichai nashogo narodu: Etnografichnii naris [Customs of our folk. Ethnographic essay]. Kiev: Oberig, 1991. Vol. 2 [in Ukrainian].

Zelenin, 1994 – *Zelenin D.K.* Izbrannye trudy. Stat'i po dukhovnoi kul'ture 1901–1913. [Selected works. Papers on spiritual culture 1901–1913]. Moscow: Indrik, 1994. 400 p. [in Russian].

Ivanova, Serov, Tokarev, 1983 – *Ivanova Yu.V., Serov S.Ya., Tokarev S.A.* Zaklyuchenie [Conclusion] // Kalendarnye obychai i obryady v stranakh zarubezhnoi Evropy. Istoricheskie korni i razvitie obychaev [Calendar customs and rites of foreign Europe countries. Historical roots and development of customs]. Moscow: Nauka, 1983. p. 219 [in Russian].

Lobkova, 1997 – *Lobkova G.V.* Arkhaicheskie osnovy obryadovogo fol'klora Pskovskoi Zemli [Archaic basis of Pskov region ritual folklore] PhD thesis. St. Petersburg, 1997. 32 p. [in Russian].

Loginov, 1993 – *Loginov K.K.* Semeinye obryady i verovaniya russkikh Zaonezh'ya [Family customs and beliefs of russians in Zaonezh'ye region]. Petrozavodsk: Karelian Science Centre RAS, 1993. p. 228 [in Russian].

Lopatin, 2012 – *Lopatin G.I.* "Pokharany ests' pokharany..." (pokhoronno-pominal'nyi obryad v Vetkovskom raione Gomel'skoi oblasti) ["Funeral how they are..." Funeral and remembrance rite in Vetkov district of Gomel province] // *Zhivaya starina*. 2012. № 3. pp. 39–42 [in Russian].

Novaya Abevega russkikh sueverii, 1995 – *Novaya Abevega russkikh sueverii: illyustrirovannyi slovar'* [New ABC-book of Russian superstitions: Illustrated dictionary] / Compiled by M. Vlasova. St. Petersburg: Severo-Zapad, 1995. 383 p. [in Russian].

Pakhavanni, paminki, galashenni, 1986 – *Pakhavanni, paminki, galashenni* [Funeral, remembrance, keens] / Ed. by A.S. Fyadosik. Minsk: Navuka i tekhnika, 1986. 614 p. [in Belorussian]

Pashina, 1998 – *Pashina O.A.* Kalendarno-pesennyi tsikl u vostochnykh slavyan. [Calendar song cycle of eastern slavs]. Moscow: State Institute of Art Studies, 1998. 292 p. [in Russian].

Polevye materialy Andryuninoi – Field data of Andryunina M.A., manuscript, Moscow.

Polesskii arkhiv – Polesskii arkhiv sektora etnolingvistiki i fol'klora Instituta slavyanovedeniya RAN [Archive of Polesye data of Department of ethnolinguistic and folklore of Institute of Slavic Studies], manuscript, Moscow.

Razumovskaya, 1984 – *Razumovskaya E.N.* Plach s «kukushkoi»: Traditsionnoe neobryadovoe goloshenie rusko-belorusskogo pogranch'ya [Keen with cuckoo: traditional extra-ritual keens in Russian-belorussian boundary] // Slavyanskii i balkanskii fol'klor: Etnogeneticheskaya obshchnost' i tipologicheskie paralleli. [Slavic and Balkan folklore: Ethnogenetic community and typological parallels] Moscow: Indrik, 1984. pp. 160–178. [In Russian].

Sedakova, 1983 – *Sedakova O.A.* Materialy k opisaniyu polesskogo pogrebal'nogo obryada [Data for description of polesye funeral] // Polesskii etnolingvisticheski sbornik: Materialy i issledovaniya [Polesye ethnolinguistic collection: Data and researches]. Moscow: Nauka, 1983. pp. 246–262 [in Russian].

Serov, 1983 – *Serov S.Ya.* Kalendarnyi prazdnik i ego mesto v evropeiskoi narodnoi kul'ture [Calendar festival and its place in European folk culture] // Kalendarnye obychai i obryady v stranakh zarubezhnoi Evropy. Istoricheskie korni i razvitie obychaev [Calendar customs and rites of foreign Europe countries. Customs historical roots and development]. Moscow: Nauka, 1983. pp. 39–54 [in Russian].

Slavyanskije drevnosti, 1995 – Slavyanskije drevnosti. Etnolingvisticheski slovar' [Slavic antiquities. Ethnolinguistic dictionary] / Ed. by N.I. Tolstoy. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1995. Vol. 1. 577 p. [in Russian].

Smolenskii sbornik. T. 1, 2003 – Smolenskii muzykal'no-etnograficheski sbornik. [Musical-ethnographical collection of Smolensk]. Vol. 1. Kalendarnye obryady i pesni [Calendar rites and songs] / Ed. By O. A. Pashina. Moscow: Indrik, 2003. p. 753 [in Russian].

Smolenskii sbornik. T. 2, 2003 – Smolenskii muzykal'no-etnograficheski sbornik. [Musical-ethnographical collection of Smolensk]. Vol. 2: Pokhoronnyi obryad. Plachi i pominal'nye stikhi [Funeral rite. Keens and remembrance poetry] / Ed. by O.A. Pashina, M.A. Engovatova. Moscow: Indrik, 2003. 548 p. [in Russian].

Stoglav, 1863 – Stoglav. St. Petersburg: Edition of D.E. Kozhanchikov, Imperial Academy of Sciences printing-house, 1863. 312 p. [in Russian].

Tolstaya, 2005 – *Tolstaya S.M.* Polesskii narodnyi kalendar' [Polesye folk calendar]. Moscow: Indrik, 2005. 599 p. [in Russian].

Tradytynaya mastatskaya kul'tura belarusay, 2011 – Tradytynaya mastatskaya kul'tura belarusay [Traditional art culture of belorussians]. Vol. 5: Tsentral'naya Belarus' [Central Belorussia]. Book 1. Minsk: Vysheishaya shkola, 2011. 847 p. [in Belorussian]

Moszyński, 1967 – *Moszyński K.* Kultura ludowa Słowian. [Folk culture of slavs] Vol. 2. Part 1. Kultura duchowa [Spiritual culture]. Warszawa: Książka i wiedza, 1967. 828 p. [in Polish].

УДК 393.05(47)

Сезонные миграции душ умерших в природе и в домашнем пространстве как мифологическая основа календарной поминальной обрядности

Мария Александровна Андрюнина ^{a, *}

^a Институт этнологии и антропологии имени Н.Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена исследованию мифологической основы календарной поминальной обрядности. Анализ русского, украинского и белорусского материала показывает несомненную связь выбора локуса и формы поминальной обрядности с мифологическими представлениями о весеннем «открытии» и осеннем «закрытии» земли, с поверьями о годовой миграции душ умерших в природном и домашнем пространстве. Весной, с таянием снега, прилетом птиц и появлением растений возвращаются в мир души умерших, присутствуют везде дома, в природе и на кладбище, чем объясняется существенное разнообразие ритуальных форм, практикуемых в это время. Дома для умерших готовят обед и оставляют поминальную еду на столе на определенное время, а также исполняют ряд запретов, чтобы не навредить повсеместно присутствующим душам и не вызвать их гнев; на кладбищах устраивают массовые обеды и кормят умерших, голосят и поминают усопших в природном пространстве, в лесах и житных полях. Летом души умерших находятся в природе и на кладбищах, но с началом сбора урожая и замедлением вегетации растений они постепенно покидают мир и возвращаются на «тот свет», поминальная обрядность редуцируется, а в некоторых случаях сохраняется лишь в представлениях о принадлежности первых плодов урожая душам и ритуализированном отказе от них до церковного освящения. Зимой души умерших находятся на «том свете», откуда приходят в дома родных в ответ на приглашение, причем для зимней поминальной обрядности особенно актуальной становится тема сложной дороги мертвых из потустороннего мира, ради преодоления которой живые соблюдали различные запреты.

Ключевые слова: традиционная культура, поминальная обрядность, души, кладбище, природа, дом, сезоны, растения, птицы, миграция, календарь.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: mary-andr@mail.ru (М.А. Андрюнина)